

Чжуанцзы (перевод Л.Д. Позднеевой)

Эта книга является переизданием выдающегося памятника китайской литературы — «Чжуанцзы». Впервые вышедшая на русском языке в 1967 г., она давно уже стала библиографической редкостью. Уникальный перевод Л.Д. Позднеевой отмечен не только глубоким пониманием языка оригинала, но и незаурядным литературным мастерством.

Читателю предстоит знакомство с яркими образами даосских притч, монологов, бесед, действующими лицами которых стали, наряду с историческими, и мифические, легендарные, сказочные персонажи. Тот, кто неравнодушен к китайской культуре, получит огромное удовольствие от общения с китайской классической мыслью, уникальным языком и глубиной текста. Но и увлеченные религиозно-философской тематикой почерпнут для себя немало нового в парадоксальных, загадочных, многозначных творениях китайских мыслителей.

Созданный в I тысячелетии до н.э., этот памятник культуры доносит до нас представления древних о времени, судьбе, пространстве, государственном устройстве, творчестве, о знании и вдохновении...

Чжуанцзы

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит {1}. Сколько тысяч ли он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч ли длиной его спина — неведомо. В гневе [он] взмывает [к небесам], распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци {2} говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи ли. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч ли. Улетев, шесть лун {3} отдыхает.

Дикие кони {4} вздымают пыль <испарения>. Живые существа овеивают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зернышко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддержать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч ли, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над [Фениксом] только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто тысяч ли и отправляться на юг? [Другое дело] — летишь на зеленые поля, клонешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню ли, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу ли, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого {5}. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неведомо, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неведомо, что бывают и весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обители Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба: шириной в несколько тысяч ли, а сколько ли она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взмывается по спирали на [высоту] девяносто тысяч ли — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько жэней опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим? [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний

хватает для [какой-то] одной службы, кто связывает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести {6} высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Лецы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя [он] мог обойтись без ходьбы, но все же [в передвижении] от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием [всех] шести явлений {7}, чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет [собственного] „я“ {8}, для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу [вас] принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд [этот] будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но [занимает] лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько [воды], сколько вместится в желудке. Оставьте [это] и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если поварне приготовил кушанья, Покойник {9} и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У {10} сказал Лянь Шу {11}:

— Я внимал Встречающему Колесницы {12}. [Он] велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его рассказу: [ему] нет предела, точно Млечному пути. [Он] так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен. Я принял его за безумца и [ему] не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана {13}. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты, судя по твоим словам. [А] человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже [при потопе], когда вода поднимется до самого неба, не сторит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформовать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

Сунец приехал в [царство] Юэ торговать шляпами, а юэсцам шляпы не нужны {14}, ибо они стригут волосы и татуируют тело. Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отправился навестить четырех учителей {15} на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глубоком уединении [он] забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо {16} сказал Чжуанцзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять дань {17}. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны {18}, и их порубил.

Чжуанцзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными [тыквами], как [тот] сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, [в его семье] из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему [снадобье].

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти даней. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать [тыквы в] большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается [работе с] отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются [работе с] циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники [на него] не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуанцзы, — как, прижавшись [к земле], лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? [Но], прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, [сами они] попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. [Дерево] не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья {1} сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? {2} [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека {3} — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе {4}, разве кто-нибудь на них воздействует?!

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне {5} — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно. Другие молчат, точно принеся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не отвлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

[Если бы] не было других {6}, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов {7}. Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твой] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму [тела] до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гармонии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием? Как скорбно, что тело, а вместе с ним и сердце превратится в прах!

Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам, у кого же нет [такого] наставника? Вряд ли [они] углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают [себе] взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утверждающий, [что] истинно, [а что] ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что пришел в Юэ вчера {8}. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же [знать] мне?

Речь {9} — не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чирикание птенца, но отличается она от чириканья или не отличается? Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если [могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и монетами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это понять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают.

[Каждая] вещь — это «я», [но каждая] это и «не-я» {10}. Каждый не видит свое «не-я», но поймет это [лишь] познав себя [как «не-я»]. Поэтому и говорится: «не-я» появляется из «я», а «я» также — следствие «не-я». Учение гласит: «я» и «не-я» выявляются в сравнении друг с другом. И далее жизнь [возникает] тогда, когда [возникает] смерть, когда же [возникает] смерть, [возникает] и жизнь; когда [появляется] возможность, [появляется] и невозможность, когда [появляется] невозможность, [появляется] и возможность; правда [рождает] неправду, неправда [рождает] правду. Поэтому мудрый не следует за ними, исходящими из «я», а сообразуется с природой. «Я» — это также «не-я», «не-я» это также «я». У «я» свои правда и неправда, у «не-я» также свои правда и неправда. Действительно ли существует [различие между] «я» и «не-я»? Действительно ли не существует [различия между] «я» и «не-я»? [Пока] «я» и «не-я» не стали парой [противоположностей], их называют осью <сущностью> пути, сущность приобретает центр, который соответствует бесконечности. Поэтому и говорится: чтобы понять, лучше всего утверждать, что у правды — своя бесконечность, у неправды также своя бесконечность.

Сравнивая свойство со свойством {11}, отрицают, [что это] свойство; но лучше отрицать, [что это] свойство, сравнивая свойство не со свойством. Сравнивая коня с конем, отрицают, [что это] конь; но лучше отрицать, [что это] конь, сравнивая коня не с конем. [Как] со свойством, [так и] со вселенной. [Как] с конем, [так и] с тьмой вещей. Возможное — возможно, невозможное — невозможно. Путь действует и создает; вещи называют и таковыми [являются]. Каковы же [они]? Таковы, какими являются. Не каковы [они]? Не таковы, какими не являются. В [каждой] вещи, конечно, есть то, чем она является; у [каждой] вещи, конечно, [свои] возможности. Нет вещи, лишенной того, чем она является; нет вещи, лишенной возможностей. Путь же поэтому объединяет в единстве и балку и столб, и уродину и [красавицу] Си Ши {12} и великодушие и коварство, и странное и чудовищное. Разделение их создает, а создание разрушает. Каждую вещь, созданную либо разрушенную, снова объединяет единство. Но лишь постигший [путь] понимает, как объединяются [вещи] в единстве, видит [в них] общеее обычное, не используя [их] для [собственного] «я». В обычном их польза, в пользе — общее, в общем — самоудовлетворение, в самоудовлетворении — близость к концу. Пусть заканчивается [их собственное] «я», приходит к концу, не ведая об этом, и означает: [единство] с путем.

Утруждать свою душу и разум ради единства, не понимая этого единства, называется [по притче] «Утром три». Почему же называется «Утром три»? [Вот отчего]. Обезьяний Царь, раздавая каштаны, спросил:

— [Хватит ли] утром по три, а вечером по четыре? Тут все обезьяны разгневались.

— Тогда утром по четыре, а вечером по три? — спросил он. И все обезьяны обрадовались.

Так, следуя за «я» обезьян, [кормивший их] сумел вызвать то гнев, то радость, оставив сущность и название неизменными.

Так мудрый объединяет [их] в правде и неправде и отдыхает в равновесии природы. Это и называется двумя рядами <удовлетворением и «я» и «не-я»>.

Некоторые древние в [своих] познаниях достигли предела. Каков же предел? Сперва считали, что вначале не

было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Затем считали, что [отдельные] вещи существовали {13}, но еще не знали, как они разграничивались. Далее считали, что разграничение было, но еще не знали, [что] существует истина и ложь. С появлением [понятия] об истине и лжи, [пониманию] пути был нанесен ущерб. С ущербом, нанесенным [пониманию] пути, образовалась любовь <пристрастие>. Был ли действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Образовалось ли действительно [пристрастие]? Не был действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Не образовалось действительно [пристрастие]? Был нанесен ущерб, образовалось пристрастие, и поэтому Чжао Прекрасный {14} играл на цине. Не был нанесен ущерб, не образовалось [пристрастие], и поэтому Чжао оставил игру на цине.

[Когда] Чжао Прекрасный играл на цине, Наставник Куан отбивал такт, Творящий Благо [держал речь], опираясь о платан. Знания [этих] трех мастеров были близки [к совершенству], особенно прекрасны, поэтому [легенды] о них передавали до последних лет. Но, любя свое искусство, отличались этим от других; любя свое искусство, стремились с его помощью просветить других. Просвещали непросвещенных, а поэтому дошли в конце концов до темного [суждения] о твердом и белом {15}. Их же ученики продолжали [эти] хитросплетения [лишь] внешне и до конца жизни не [добились] совершенства. Если таких можно назвать совершенными, то даже меня [можно считать] совершенным. Если таких нельзя назвать совершенными, то ни меня, ни другого нельзя [считать] совершенным. Чтобы поняли это, скажу: оттого-то мудрый и стремится осветить хаос с помощью не [собственного] «я», а обычного и общего.

Ныне придется здесь кое о чем сказать. Не знаю, будут ли эти слова однородны с [моим] «я» или не будут? [Но] однородное с [«я»], взятое вместе с неоднородным, становится однородным, а поэтому не будет отличаться от «не-я». Несмотря на все это, попробую высказаться:

— Существует начальное {16}, существует еще не начавшееся начальное, существует и никогда не начинавшееся безначальное. Существует бытие, существует небытие, существуют еще не начавшиеся бытие и небытие, существуют и никогда не начинавшиеся безначальные бытие и небытие. Вдруг [появляются] бытие и небытие, а еще не знают про бытие и небытие. Что же такое в действительности бытие? Что же такое небытие? Ныне я уже что-то сказал, но не знаю, сказанное мною в действительности существует [или] в действительности не существует?

Огромнейшее в Поднебесной — кончик осенней пушинки; мельчайшее — гора Великая. Нет жизни долговечнее, чем у того, кто умер младенцем; Пын Цзу же умер преждевременно. Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина. Если все едино, то к чему еще слова? Если уже названо единым, к чему молчать? Единство вместе со словом — это два, два и один — это три. Если продолжать, так со счетом не справиться не только обычному человеку, но даже самому искусному математику. От небытия к бытию уже досчитали до трех, а если [считать] от бытия к бытию? Не станем [считать], остановимся на этом.

У пути никогда не было разграничения, а у слов никогда не было постоянного [смысла], поэтому и появилось разграничение. Дозвольте сказать о подобном разграничении: появилось левое, появилось и правое; появились правило и долг, разделение и различие; соперничество и борьба. Это называется восемь свойств. То, что находится за пределами шести стран света {17}, для мудрого существует, но [об этом он] не говорит; о том, что [находится] в пределах шести стран света, мудрый говорит, но суждения не высказывает. О поколениях [времен] «Весны и осени» {18}, о воле ранних государей мудрый высказывает суждение, но не спорит. Ибо в разделении есть и нераздельное, в споре есть и бесспорное. Спросим: «почему [это происходит]?» [Оттого, что] мудрый хранит это [в себе], а дюжинные об этом спорят, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому и говорится: те, кто спорит, не видят [пути]. Ведь великий путь не [может быть] назван, великий спор не [может быть] высказан в словах, великое милосердие не милосердно, великая скромность не уступчива, великое мужество не [совершает] насилий. Путь, который проявился, не есть путь; слова, высказанные в споре, не убеждают; милосердие постоянное несовершенно; скромность безупречная встречает недоверие; мужество, сопровождаемое насилием, несовершенно. Эти пять круглы, но приближаются к квадрату. Поэтому тот, кто в познании [умеет] остановиться на [еще] непознанном, — совершенен; кто сумел познать спор без слов, путь, который нельзя назвать, называется [хранителем] сокровищ природы; тот, в кого вливают и не переполнится, из кого черпают и не вычерпают, кому истоки знания неведомы, называется хранителем просвещения.

В старину Высочайший обратился к Ограждающему:

— С тех пор как я встал лицом к югу {19}, не могу успокоиться, — хочу пойти походом на Цзун, Гуй и Сюйао {20}. Почему это [происходит]?

— Почему же не можете успокоиться? Ведь эти три правителя живут словно среди бурьяна и полыни. Когда-то сразу появилось десять солнц {21}, [они] осветили [всю] тьму вещей. А [ваша] добродетель светлее солнца!

Беззубый спросил у Наставника Юных: — Знаете ли вы, в чем одинаковы [все] вещи?

— Как я могу это знать? — ответил Наставник Юных.

— Знаете ли, чего вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Тогда ни у кого нет знаний?

— Как я могу это знать? Хотя попытаюсь кое-что сказать. Как постичь, не является ли незнанием то, что я называю знанием?

Как постичь, не является ли знанием то, что я называю незнанием?

Попытаюсь тебя спросить: чьи знания о жилье истинны? Угря или человека, который станет спать в сыром месте и [у него] заболит поясница, отнимется половина тела? Обезьяны или [человека, который] на дереве дрожит от страха? Чьи знания о пище истинны? Человека, который питается мясом травоядных и хлебоядных животных? Оленя, который ест траву? Сороконожки, которая лакомится змеей? Совы и вороны, которые предпочитают мышей? Чьи знания о красоте в Поднебесной истинны? Обезьяны-самца, который ищет себе обезьяну-самку; оленя, спаривающегося с оленхой; рыбы, плавающей с рыбой? [Ведь] Мао Цян и Цзи из Ли {22} красавицами считает [лишь] человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — убегает без оглядки. По моим наблюдениям понятия об истинном и неистинном, о справедливости и милосердии слишком перепутались. Как мне узнать различие между ними?

— [Если] вы не знаете, [в чем различие между] полезным и вредным, то знает ли его настоящий человек? — спросил Беззубый [Наставника Юных].

— Настоящий человек прозорлив, — ответил Наставник Юных. — Что для него полезное и вредное? [Ведь ему] не жарко, даже когда горят большие болота; не холодно, даже когда замерзают Река и Хань {23}; не страшно, когда удары грома раскалывают горы, а буря вздымает морские валы. Управляя облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, такой человек странствует за пределами четырех морей. Ни жизнь, ни смерть, [он] не [считает] для себя переменой.

Зоркий Взгляд спросил у Высокого Платана {24}:

— Что вы думаете о том, что я слышал от учителя? {25} Я узнал, что мудрый не посвящает себя делам управления, не ищет выгоды, не избегает вреда. [Он] ничего не домогается, не привержен к пути. [Он] молчит, когда говорят, и говорит, когда молчат. [Он] странствует за пределами [мирской] пыли. В этом я увидел проявление сокровенного пути, а учитель [увидел в этом] безрассудные слова.

— Услышав [подобное], усомнился бы даже Желтый Предок, разве мог это понять Конфуций? Да и вы судите слишком быстро, — ответил Высокий Платан. — Завидя яйцо, уже ждете в полночь петушиного крика; завидя самострел, уже ищите жареного голубя. Я вам скажу бездумно, а вы также бездумно воспримете, [будто кто-то] рядом с солнцем и луной держит в руках вселенную. Сомкнув уста, мудрый не обращает внимания на хаос, почитает равно и раба и сановника. Дюжинные хлопочут, суетятся, а мудрый прост, [как] нежный росток. [Мудрый] соединяет вместе тьму лет, и единство образуется в [своей] чистоте. То же и со всей тьмой вещей, и в таком единстве [они] собираются. Как мне знать, не заблуждение ли любовь к жизни? Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству [человека], утратившего в детстве [отчий дом] и не знающего [радости] возвращения? Вот Цзи из Ли, дочь стража границы в Ай. Как только ее захватили цзиньцы, она так рыдала, что [от слез] промокло платье. Но она раскаялась в том, что плакала, когда предстала перед царем, поделила с ним ложе, стала питаться [мясом] травоядных и хлебоядных. Как мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет: тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая [во все], познают, кто царь, а кто пастух. Как [они] невежественны! [Вы оба], и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, также сплю. Такие слова называют невероятными, но если пройдет тьма поколений и найдется великий мудрец, который сумеет дать им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки.

Предположим, что мы с тобой вступили в спор. [Если] ты переспорил меня, а не я тебя, [значит ли это, что] ты действительно прав, а я неправ? [Если] я переспорил тебя, а не ты меня, [значит ли это, что] я действительно прав, а ты неправ? [Действительно ли] один из нас прав, а другой неправ? Оба мы правы или неправы? [Если] мы с тобой не можем понять друг друга, то и другие останутся во мраке неведения. Кого же мне послать их вразумить? Если пошлю согласного с тобой, то разве согласный с тобой сумеет их вразумить? Если пошлю согласного со мной, то разве согласный со мною сумеет их вразумить? Если пошлю несогласного ни с тобой, ни со мною, то разве несогласный ни с тобой, ни со мною сумеет их вразумить? Если пошлю согласного и с тобой, и со мной, то разве согласный и с тобой, и со мной сумеет их вразумить? Но в таком случае ни ты, ни я, ни другие не сможем понять друг друга. Кого же [еще нам] ждать?

Соответствуют ли изменения названий изменениям [вещей], или не соответствуют, объединим их в пределах природы и, предоставив им развиваться, доживем свой срок. Что означает «объединим их в пределах природы»? Означает [приведем к гармонии] истинное и неистинное, правду и ложь. Если истинное действительно истинно, то нечего спорить [о том, насколько] истинное отличается от неистинного. Если правда действительно правда, то также нечего спорить [о том, насколько] правда отличается от лжи. Забудем о времени, забудем о суждениях, найдем радость в бесконечном и поселимся в бесконечном!

Полутень спросила у Тени {26}:

— Почему [вы] так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь [почему-то] остановились, раньше вы сидели, а теперь [почему-то] встали?

— [Может быть], я так поступаю в зависимости [от чего-то]? — ответила Тень. — [А может быть] я так поступаю в зависимости [от чего-то], зависящего еще [от чего-то]? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. [Он] наслаждался от души и не создавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он] — бабочка, или бабочке снится, [что она] — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, [Чжоу], и бабочкой непременно существует различие {27}.

Глава 3

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ДОЛГОЛЕТИЯ

Наша жизнь ограничена, а знания неограниченны {1}. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. [Поняв это], совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить [свое] тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Повар царя Прекрасномилостивого {2} принялся разделять [тушу] быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. [Работа шла] в четком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу» {3}.

— Ах, как прекрасно! Как совершенно [твое] мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— [Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделять быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом {4}, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, [а поэтому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройдусь в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия {5}.

Увидев Правого Наставника, Гунвэнь Высокая Колесница {6} с удивлением спросил:

— Что [ты] за человек? Почему одноногий? {7} От природы или от [руки] человека?

— От природы, не от [руки] человека, — ответил Правый Наставник. — От рождения только одна [нога]. Но по внешнему виду уже можно понять, что это не от [рук] человеческих, а от природы.

Фазан на болоте клонет [лишь] через десяток шагов, напьется [лишь] через сотню шагов, [но] не хочет, чтобы [его] кормили в клетке. И все же не ценит, что [он] — сам себе хозяин.

[Когда] умер Лаоцзы {8}, явился оплакать его Цинь Свободный от Суеты {9}, трижды возопил и вышел.

— Разве [вы] не были другом учителя? — спросил ученик.

— Был, — ответил Цинь Свободный от Суеты.

— И так [мало] плакали?

— Да. Сначала я думал, что там его ученики, а теперь понял, что нет. Когда я вошел попрощаться, там были старые, вопившие над ним, словно над родным сыном; были молодые, плакавшие над ним, словно над родной матерью. [Все] они собрались для того, чтобы говорить [там, где] не нужно слов, плакать [там, где] не нужно слез. Это означает бегство от природы, насилие над чувствами, забвение доставшегося [от природы]. В старину это называли карой за отступление от природы {10}.

Когда наступило время, учитель родился; пришло время уйти, учитель покорился. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали, ни радости. В старину это называли независимостью от природы.

Для рук, заготавливающих хворост, [наступает] предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

Глава 4 СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Янь Юань явился к Конфуцию и попросил разрешения уйти.

— Куда? — спросил Конфуций.

— В Вэй, — ответил Янь Юань.

— Зачем?

— [Я], Хой, слышал, что вэйский царь, находясь в расцвете сил, вершит дела самовластно, бездумно расходует силу страны и не видит собственных ошибок. Он легко посылает людей на смерть, убитых в царстве — точно хвороста на болоте, народу не к кому обратиться. Ведь [я], Хой, слышал от [вас], учитель: «покинь то царство, где порядок, иди в то царство, где смута». Ведь больные стекаются к воротам лекаря. Мое желание — с помощью услышанного [от вас, учитель], придумать для них [какой-то] выход. Может быть и удастся излечить это царство.

— Ах! — воскликнул Конфуций. — Боюсь, что там тебя казнят. Ведь учение не допускает [объединения] разнородного. Разнородное ведет ко множеству, множество — к беспорядку, беспорядок — к скорби, а от скорби нет спасения. Совершенный человек древности берег [учение] сначала в самом себе, а затем в других. [Пока] сберегаемое еще не утвердилось в [тебе] самом, разве можно идти действовать к деспоту? А понимаешь ли ты, от чего расточается добродетель, откуда появляются знания? Добродетель расточается [из-за] славы, знания появляются [из-за] соперничества. [Ради] славы друг друга вытесняют; знание же — орудие соперничества. Это — зло, и прибегать к этому нельзя. Даже обладая великой добродетелью и твердой верностью, [ты] еще не умеешь распознать характер человека; даже не споря из-за славы, [ты] еще не умеешь распознать намерения человека. [Если] станешь настойчиво выступать перед деспотом с прямой, точно линия отвеса, речью о милосердии и справедливости, то [твои] достоинства возненавидят и [тебя] назовут недобрым человеком. На недоброго человека люди и обрушивают беду. Боюсь, что тебя загубят.

Если же [царь Вэй] притворится, что любит добродетельных и ненавидит порочных, то как его излечить? Тебе останется лишь молчать, и государь воспользуется [своим] преимуществом, чтобы одержать победу в споре. Ослепит [твой] глаза и покорит [твое] лицо. Станешь подделываться к нему в речах, приспосабливаться к нему в поведении, утверждаться в его мыслях? Ведь это то же, что спасти огнем от пожара, водой — от наводнения, значит, лишь увеличивать беду. [Стоит лишь] начать с уступок и не будет конца.

Боюсь, что с искренним советом [обратишься к тому, кто] тебе не поверит, и примешь смерть от руки деспота. Так в старику Разрывающий на Части казнил Гуаня Встреченного Драконом {1}, а Бесчеловечный — царевича Щита. Встреченный Драконом и Шит совершенствовались, любили и жалели народ, ради низших противились высшим. За это правители их и погубили, ведь они [пали жертвой] доброго имени. Разве [ты] не слышал о том, как в старину Высочайший ходил походом на [племена] Ветви Терновника и Сюйао, а Молодой Дракон — на Владеющих домами {2}. От селений остались развалины, людей же казнили. Бросая воинов в бой без конца, ненасытно стремясь к грабежу, все они домогались и славы и поживы. [Жажда] славы и поживы погубила и мудрых, где же [справиться] тебе! И все же попытайся рассказать мне, что ты задумал.

— Можно ли [действовать] со всей прямоотой, но скромно; прилагать все усилия, но остаться верным себе?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Ведь [царь] полон энергии и щедро [ее] тратит. Настроение [у него] переменчивое, и обычно [ему] никто не перечит. Подавляя чувства других, он наслаждается собственным произволом. Одним словом, [ему] не овладеть и обычной добродетелью, а тем более — высшей. [Он] не изменится и будет стоять на своем. [Даже если] внешне согласится, то внутренне не раскается. [Нет], так действовать нельзя!

— Тогда внутренне я буду прямым, а внешне — согбенным. Совершенное стану сравнивать с древним. Во внутренней прямооте явлюсь последователем природы. Тот, кто следует за природой, знает, что и Сын Неба и он сам — сыновья природы. Буду говорить свое, не заботясь, одобряют другие или нет. Про такого люду говорят — ребенок. Вот это и называю стать последователем природы. Быть согбенным внешне, значит стать последователем людей. Стоять на коленях, подняв <дощечку для записи>, сгибаться в поклонах — таков обряд слуги. Осмелюсь ли я не поступать так, как поступают все! [Если] делать то, что делают все, не сочтут порочным. Это и называю стать последователем людей. Сравнить совершенное с древним, значит стать последователем древних, хотя в таких словах поучение, по существу же порицание, [но] идущее от древних, не от меня. Таким образом, я не пострадаю, даже будучи прямым. Это и называю стать последователем древних. Можно ли так [действовать]?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Слишком много замыслов. Пусть, обладая [собственным] мерилем, не заискивая, [останешься] твердым и избежишь осуждения. Все же, оставь это [дело]. Разве можно таким [способом] оказать [на царя] влияние, равносильное [его собственному] желанию учиться?

— Больше мне нечего предложить. Осмелюсь ли попросить совета? — спросил Янь Юань.

— Разве легко осуществить то [желание], которым [ты] обладаешь? Того, кто считает это легким, не одобрит Высокое Небо, — сказал Конфуций. — Постись и я тебе поведаю.

— Семья [у меня], Хоя, бедная, — заметил Янь Юань. — Уже несколько лун [я] не пил вина, не ел мяса и скоромных овощей {3}. Можно ли считать, что постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Дозвольте спросить, что такое воздержание перед размышлением?

— Это [значит], — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а душой. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа [очистится до] пустоты и будет готова [воспринимать] вещи. Только путь будет стекаться в пустоту {4}. [Достижение] пустоты и есть воздержание перед размышлением.

— Пока [я], Хой, не воспринял [этого] наставления, существовал [только] как [я], Хой. Лишь начал его применять, [меня], Хоя, не стало. Можно ли считать, [что я достиг] пустоты? — спросил Янь Юань.

— [Да], полностью — ответил учитель. — [Теперь] я тебе поведаю: ты можешь войти в клетку царя и в ней разгуливать, оставаясь, равнодушным к царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно, поселись в том же доме. Это почти то, [что нужно]. Легко не ходить, [но] невозможно ходить, не оставляя следов. Действуя, как человек, легко лицемерить; [но] действуя, как природа, невозможно лицемерить. Ведь [все] слышаны, что летает тот, кто обладает крыльями; но слуханное [ли дело], чтобы летал тот, кто не обладает крыльями. Ведь [все] слышаны, что мудр тот, кто обладает знаниями; но слуханное [ли дело], чтобы был мудр тот, кто не обладает знаниями. Посмотри на то отверстие [в двери]. Через [его] пустоту в доме появляется свет. Остановится доброе знамение, остановись и ты. Если же не остановится, то, можно сказать, будешь мчаться, даже сидя [на месте]. Если слухом и зрением обратишься к внутреннему, а разумом [сердцем] — к внешнему то придут к тебе не только люди, но даже душа предков и боги. Таково [будет] влияние на [всю] тьму вещей. Это служило основой для Молодого Дракона и Ограждающего; того же до конца жизни придерживались Готовящий Жертвенное Мясо и Опирающийся о Стол {5}, тем более это необходимо [человеку], не состоящему на службе!

Царский сын Высокий {6}, готовясь ехать Послом в Ци, спросил Конфуция:

— Не посоветуете ли, как мне быть? Царь посылает [меня], Чуляна, с весьма важным поручением. В Ци же, вероятно, примут с большим почетом, но [с делом] спешить не станут. Я тревожусь. Ведь и простого человека нельзя торопить, не то, что царя, Вы говорили [мне], Чуляну, что без учения любое дело — и большое и малое — редко удастся благополучно завершить. Если дело не увенчается успехом, [меня] покарает человек; если же увенчается, [меня] настигнут [силы] жара и холода. Избежать беды в том и в другом случае способен лишь добродетельный.

Пищу я ем простую, не изысканную; в жару не ищу прохлады. Но вот сегодня утром я получил приказ, а к вечеру — пил ледяную воду, у меня поднялся жар. Еще не доехал до места, а уже страдаю от лихорадки. Если дела не завершу, покарают и люди. Обе эти [беды мне], слуге, не вынести.

— В Поднебесной существуют две великие заповеди, — ответил Конфуций. — Одну [дает] судьба, другую — долг. Судьбою дана сыну любовь к родителям, от нее не освободить сердца. Долг велит слуге служить государю. Государь всюду, куда бы [ты] ни пришел; нигде в Поднебесной [от него] не укроешься. Таковы эти великие заповеди. Вот почему совершенная сыновняя почтительность в том, чтобы служить родителям и покоить их в любых условиях; а полная преданность государю — в том, чтобы служить ему и покоить его при любых условиях. Служить всеми помыслами, не изменяясь, радость ли перед [тобой] или горе, и даже в безвыходном положении принимать [все] спокойно как судьбу — это высшая добродетель.

Бывает, конечно, что слуга или сын вынуждены, выполняя поручение, забыть о самом себе. У него не найдется досуга для наслаждения жизнью или для страха перед смертью. [Поэтому-то] вы и можете отправляться.

Дозвольте [мне] повторить то, что [я] когда-то слышал. С соседними [царствами] следует поддерживать взаимную дружбу, основанную на верности [в делах]; далеким [царствам] следует [высказывать] преданность в речах. Речи должен кто-то передавать, а самое трудное на свете — передавать слова радости или гнева одной стороны другой стороне. В радости изливают друг другу слишком много приятных слов, в гневе обрушивают друг на друга слишком много злых слов. [Но] все чрезмерное безрассудно, безрассудное же не внушает доверия. Подозрения и губят того, кто передает речь {7}. Поэтому в «Образцовых речах» {8} и говорится: «передавай неизменной сущность [дела], опускай лишние слова». [Соблюдай это правило] и, возможно, останешься цел.

[Помни], кроме того: искусные борцы начинают мериться силами открыто, а кончают тайным [приемом] — в напряженный [момент] прибегают ко многим хитростям; вино пьют согласно церемониям, соблюдая вначале порядок, кончают же беспорядком — большое возбуждение ведет к чрезмерным наслаждениям. И так во всем. Начинают с извинений, а кончают грубостями. Ничтожное вначале становится огромным к концу. В словах — и ветер и волны <буря>, в делах — победа или поражение. Ветер и волны вызвать нетрудно, но к опасности легко приводят и победа и поражение. Поэтому без [особых] оснований [и высказываются] гневные суждения, [полные] резких, пристрастных слов. Рычат, не выбирая выражений, словно дикие звери с kloкочущим дыханием в предсмертной агонии. И злора растет. [Когда] злора доходит до высшего предела, [с другой стороны] в ответ

почему-то также непременно появляется негодование. [Если никто] не сознает, отчего [все] началось, то кто может знать, чем [все] кончится?! Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «не отклоняйся от порученного, не настаивай на решении, превысишь меру — [доведешь] до крайностей». [Ибо] отклоняться от порученного, настаивать на решении — опасно. Ведь благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить. Не следует ли быть осторожным?

[Для тебя же] лучше всего пользоваться каждой возможностью, чтобы отдохнуть сердцем и,веряясь неизбежному, укреплять свои чувства. Как добиться ответа [от Ци]? Самое лучшее — верить судьбе, но это и самое трудное.

Янь Врата Бытия {9}, готовясь [занять пост] наставника наследника вэйского царя Чудотворного {10}, спросил у Цюй Боюя {11}:

— Как мне поступить в данном случае? У здешнего человека [царя] природная склонность к убийствам. [Если] его не удерживать, опасность будет грозить [всему] нашему царству; [если] же его удерживать, опасность будет грозить мне. Знаний у него хватает, чтобы понять чужие ошибки; но не хватает, чтобы понять собственные.

— Какой замечательный вопрос! — воскликнул Цюй Боюй. — Остерегайся его! Будь с ним осторожен! Будь точен в своем [поведении]! Лучше всего внешне [с ним] сближаться, а в сердце хранить гармонию. Однако и в том и в другом — опасность. Сближение не должно стать глубоким, а [внутренняя] гармония не должна стать явной. [Если] сблизишься глубоко, упадешь и погибнешь; [если внутренняя] гармония будет явной, составит доброе имя и славу, то [она же] обернется бедой, злом. Станет он вести себя, как ребенок, [и ты] веди себя с ним, как ребенок; не станет соблюдать ранга, [и ты] с ним не соблюдай ранга; будет переходить все границы, [и ты] с ним переходи все границы. Достигнешь этого, сможешь с ним тесно сблизиться и освободить [его] от ошибок.

Видел ли ты, как [кузнечик] богомол в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке? Не сознавая, что ему ее не одолеть, он переоценивает свои силы. Остерегайся! Будь осторожен! [Если], кичась заслугами, станешь их переоценивать, совершишь ту же ошибку.

Знаешь ли ты, как [человек] кормит тигра? {12} Не решится давать тигру живого зверя, [ибо] убивая его, [тигр] придет в ярость; не решится дать целую тушу, [ибо] разрывая ее, [тигр] придет в ярость. Своевременно кормит голодного, постигая, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ластится; перечит — и тигр его убивает.

Вот тот, кто холил лошадей, уносил навоз в корзинах, а мочу — в кувшинах. Но вот налетели комары и оводы, он внезапно хлопнул коня — [а тот], порвав удила, проломил [ему] голову и разбил грудь. Разве не нужна осторожность? Чрезмерная забота и любовь могут привести к гибели.

Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли бы укрыться много тысяч быков <целый бык>, высотой же — с гору. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой: хватило бы на лодку. Зеваки [толпились], точно на ярмарке. А плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо [дерева].

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали [плотника] и спросили:

— Почему [вы], Пржедрожженный, прошли мимо, не останавливаясь и не захотели даже взглянуть? [Нам] еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за [вами], учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил им плотник. — От него нет проку. Лодка, [сделанная] из него, — потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — [из них] будет сочиться сок, колонну — [ее] источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго. [Когда] плотник Кремень вернулся [домой], во сне ему привиделся Дуб у алтаря.

— С какими [деревьями] ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? [Или] с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. [Как только] плоды созреют, [их] обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба: и ты и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе, смертному, бесполезному человеку, понять бесполезное дерево! {13}

Очнувшись, плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— [Если Дуб] стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил плотник. — Он вырос [там] затем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отделимся ли [мы от истины], меряя его обычной меркой?

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья, гуляя на Шан-горе, увидел необыкновенно большое дерево: тысяча колесниц, запряженных четверкой коней, нашла бы приют под его тенью.

— Что за дерево! — воскликнул он. — Вот, должно быть, замечательный материал!

Он посмотрел вверх и увидел, что ветви дерева извилисты, корявы и не могут пойти на балки и перекладины; посмотрел вниз и увидел, что корни так разветвляются, что не могут служить ни для гроба, ни для саркофага. Лизнул лист — обжег и поранил себе язык; понюхал лист и на целых три дня обезумел, точно опьянел. И тогда Владеющий Своими Чувствами сказал:

— Поистине это дерево ни на что не годно, поэтому [оно] и выросло таким огромным. Ах! Ведь прозорливый человек не [показывает, чем он] полезен, так же как и это [дерево]!

[На земле] у рода Терновника в Сун хорошо принимаются орех, туя и шелковица. Вырастут они в одну-две пяди толщиной — их срубают, чтобы вытесать кол для [привязи] обезьян; вырастут в три-четыре пяди — их срубают, чтобы сделать балки в доме знатного; вырастут в семь-восемь пядей — их срубают, чтобы сколотить гроб для человека благородного или богатого купца. Вот такие деревья и умирают под топором и секирой прежде времени, не прожив отведенного им природой срока. Они гибнут потому, что полезны. [Будь они бесполезны], их бы освободили так же, как запрещают приносить в жертву Реке быка с белым лбом, поросенка с рылом кверху и человека, страдающего геморроем. В таких [признаках] колдуны и жрецы видят предвестие беды, прозорливые же люди находят в них предзнаменование великого счастья.

Подбородок Урода Шу {14} касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

[Когда] призывали воинов, среди них [без опаски] толкался [этот] калека. [Когда] объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работу. [Когда же] производилась раздача немощным, он получал три чжуна зерна и десять вязанок хвороста. [Если] способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем более тот; у кого искалечена добродетель!

[Когда] Конфуций направлялся в Чу, чуский безумец Встречающий Колесницы {15} прошел мимо его ворот и пропел:

«О Феникс! О Феникс!

Прощай, добродетель!

Грядущее — в далах.

Прошедшее — где ты?

Есть путь в Поднебесной —

Мудрейших творенье.

Пути не обрящем —

Мудрейший в сторонке.

Ужасное время —

Спасайся от казни!

Пушиною счастье —

Держи — улетает!

Но тяжести горя

Как скинуть — не знаю!

Оставь, о Мудрейший!

К чему добродетель!

Опасно! Опасно!

Оставь за чертою!

О страшные тернии!

Сгиньте с дороги!

Мой путь так извилист.

Мне ноги не раньте!»

Гора грабит сама себя деревьями. Масло сжигает само себя в светильнике. Корицу срубают оттого, что она съедобна. Лаковое дерево срубают оттого, что оно полезно. Все знают, как полезно быть полезным; но никто не знает, как полезно быть бесполезным.

Глава 5

ЗНАК ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ {1}

В Лу жил Ван Кляча {2}, которому отрубили ногу за преступление. За ним следовало столько же учеников, сколько и за Конфуцием.

Чан Цзи {3} спросил [о нем] у Конфуция:

— Что за человек Ван Кляча? [Хотя] у него отрублена нога, за ним следует, как и за [вами], учитель, половина [царства] Лу. [Он] не поучает стоя, не ведет бесед сидя, но приходят [к нему] опустошенными, а возвращаются исполненными [истины]. Не существует ли воистину «учение без слов» {4}, совершенствование разума без [внешней] формы?

— Он — мудрый человек, — ответил Конфуций. — [Я], Цю, еще не успел побывать [у него], но пойду учиться, тем более [следует это сделать] тем, кто хуже [меня], Цю. И почему только в Лу? Поднебесную [я], Цю, поведу у него учиться!

— Человеку [за преступление] отрубили ногу, а [величают его] Пржеджерожденным Ваном! Насколько же превосходит он обычных: людей! Но как он этого добился? — спросил Чан Цзи.

— Как могуча жизнь, как могуча смерть, а [они] не в силах: его изменить. Пусть обрушится небо, пусть опрокинется земля, и [это] не принесет ему утраты. [В его] знании нет пробелов, [оно] не меняется вместе с [изменением] вещей. Обозначая развитие вещей, [он] твердо придерживается их предка <сущности>.

— Что это значит?

— [Когда] исходят из различий, видят [одну] печень [или] желчь, [одно царство] Чу [или] Юэ; [когда] исходят из уподобления <общего> {5}, видят тьму вещей в единстве. Так и поступает [Ван]. [Уходит] от знаний, которые приносят зрение и слух, странствует разумом в гармонии свойств. Видя общее в вещах, не замечает того, что они теряют; утрата собственной ноги для него то же, что потеря [комка] земли.

— Он занимается самим собой. Благодаря своим познаниям обретает разум, а благодаря своему разуму обретает законы разума. Почему же собираются вокруг него другие?

— Люди смотрят на [свое] отражение не в текучей воде, а в стоячей {6}, [ибо] лишь неподвижное способно остановить [домогательства] всех [других. Из вещей,] получающих жизнь от земли {7}, только кедр и туя зеленеют и зимой и летом: [из людей], получающих жизнь от неба, правильным был только Ограждающий. [Он] сумел, к счастью, вести правильную жизнь и исправлять жизнь всех. Один герой, сохраняя изначальный характер и бесстрашную сущность, [способен] смело проложить путь сквозь [все] девять армий. Если на подобное способен тот, для кого самое важное — стремление к славе, на что же окажется способным тот, кто органами чувств воспринимает небо и землю, объемлет [всю] тьму вещей? Пребывая лишь временно в шести частях [своего] тела, [воспринимая] образы слухом и зрением, [он] объединяет познанное в едином знании, и [законы] разума не умирают. [Когда] такой человек выберет день, чтобы подняться ввысь <умереть>, люди последуют за ним. Разве согласится он заниматься делами?

Наставник Счастливый {8}, которому отрубили ногу в наказание [за преступление], учился вместе с чжэнским Цзычанем у Темнеющего Ока.

[Однажды] Цзычань сказал Счастливому:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться.

На другой день они снова сидели на той же циновке в том же зале, и Цзычань повторил:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться. Сейчас я пойду, удержишься ли ты? Кроме того, не считаешь ли себя равным [мне], облеченному властью? Видишь [меня], облеченного властью, а дороги не уступаешь!

— Поистине ли облеченный властью остается им и в доме учителя? — спросил Счастливый. — Ты любишь собой, облеченным властью, и [хочешь], чтобы [все] оставались позади. А я слышал, что к чистому зеркалу не пристанет ни пыль, ни грязь; если же пристаёт, значит зеркало нечистое. Тот, кто долго прожил вместе с человеком достойным, не совершает ошибок. Ты же выбрал великого, Пржеджерожденного, а сказал такое. Не ошибаешься ли?

— Такой, как ты, а еще споришь о добродетели с Высочайшим? — возразил Цзычань. — Подсчитай-ка свои достоинства! Не хватит ли тебе, чтобы раскаяться?

— Многие рассказывают о себе так, будто лишились [ноги] незаслуженно; редко кто признается, что лишился [ноги] заслуженно; лишь достойные способны понять неизбежное и спокойно покориться своей судьбе. [А если кто-либо] бродит перед натянутым луком Охотника {9} в центре [мишени] и в него [стрела] не попадет, это также судьба! Многие, сохранившие обе ноги, смеялись надо мной, одноногим, и меня охватывал гнев. Только попав к Пржеджерожденному, [я] освободился от позора и вернулся [к обычному состоянию]. Пржеджерожденный незаметно очистил меня добротой. Уже девятнадцать лет странствую с учителем, не сознавая, что я — подвергшийся наказанию. Ныне мы с тобой изучаем внутреннюю жизнь, а ты выискиваешь [что-то] в моем внешнем. Не ошибаешься ли ты?

Цзычань от волнения изменился в лице и сказал:

— Тебе не придется больше так говорить.

В Лу жил изувеченный в наказание [за преступление] по прозвищу Беспалый с Дяди-горы {10}. Ступая на

пятках, он пришел повидаться с Конфуцием, но тот сказал:

— Раньше ты был неосторожен и навлек на себя такую беду. Зачем же теперь [ко мне] пришел?

— Ведь я всего-навсего не разбирался в делах, вот и лишился, пальцев на ногах — отнесся легкомысленно к собственному телу, — ответил Беспалый. — Ныне же я принес [вам], учитель, нечто более ценное, чем ноги, что стараюсь сохранить в целости. На [вас], учитель, я смотрел, как на небо и на землю. Ведь небо все покрывает, а земля все поддерживает. Разве ждал от [вас], учитель, такого приема?

— [Я], Цю, был невежлив, — извинился Конфуций. — Дозвольте рассказать [вам], чему [я] научился. Почему же вы не входите?

[Но] Беспалый ушел.

— Старайтесь, ученики, — сказал Конфуций. — Если [даже] Беспалый, изувеченный в наказание, еще стремится к учению, чтобы возместить содеянное в прошлом зло, тем более [должен стремиться] тот, чья добродетель в целости.

Беспалый же поведал [обо всем] Лаоцзы:

— Конфуций еще не сумел стать настоящим человеком. Почему он без конца тебе подражает? Он стремится прославиться как [человек] удивительный и чудесный. [Ему] неизвестно, что для настоящего человека это лишь пути, [связывающие] по рукам и по ногам.

— Нельзя ли освободить его от этих пут? — спросил Лаоцзы. — Почему бы не показать ему прямо единство жизни и смерти, возможного и невозможного?

— Как его освободишь? Ведь [это] кара, [наложенная] на него природой.

Луский царь Айгун {11} и спросил Конфуция;

— Что за человек безобразный вэец, которого звали Жалкий Горбун То? {12}. Мужчины, которым приходилось с ним вместе жить, [так к нему] привязывались, что не могли уйти. Увидя его, девушки просили родителей: «Лучше отдайте ему в наложницы, чем другому в жены». [Их] не пугало, что [наложниц] у него было уже больше десятка. Никто не слышал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил. Он не стоял на престоле, не мог спастись от смерти; не получал жалованья, не мог насыщать голодных; своим же безобразием пугал всю Поднебесную. Он лишь вторил, никогда не запевая, [слава] его познаний не выходила за пределы округи, и все же к нему стремились и мужчины и женщины — он был, наверно, выдающимся человеком! [Я], единственный {13}, призвал его и увидел, что безобразием [он] воистину пугает всю Поднебесную. [Но] не прожил он у [меня], единственного, и одной луны, а [я], единственный, [уже] привязался к нему. Не прошло и года, а [я], единственный, стал ему доверять. В царстве не было [тогда] ведающего заклинанием жертвенного скота, и [я], единственный, [хотел] назначить его, а он опечалился. Позже согласился, но с такими колебаниями, будто отказывался. [Мне], единственному, стало досадно, но в конце концов [я] ему вручил должность. Вскоре, однако, [он] покинул? [меня], единственного, и ушел. [Я], единственный, горевал, точно об умершем, как будто никто другой не мог разделить со мной радости власти.

— Однажды, — начал Конфуций, — когда [я], Цю, ходил Послом в Чу, [я] заметил поросят, которые сосали свою уже мертвую мать. Но вскоре [они] взглянули на нее, бросили сосать и убежали, [ибо] не увидели [в ней] себя, не нашли [своего] подобия. В своей матери [они] любили не тело, а двигавшую им [жизнь].

— Погребая погибшего в бою, его провожают без опахала из; перьев, — продолжал Конфуций. — [Ибо для таких знаков отличия] нет оснований, как [нет смысла] заботиться о туфлях тому, кому отрубили ногу в наказание. [Никто] в свите Сына Неба не срезает ногтей, не прокалывает [себе] ушей. Новобрачный не выходит из дома, свободен от службы. Этого достаточно [для них], сохранивших в целости [свое] тело, тем более же для тех, кто сохранил в целости добродетель! [Обратимся же] ныне к Жалкому Горбуну То. Ничего не говорил, а снискал доверие; не имел заслуг, а пользовался [общей] любовью; ему вручали власть и боялись лишь его отказа. Он должен был быть человеком целостных способностей, Добродетель которого не [проявлялась] во [внешней] форме.

— Что означает «человек целостных способностей»? — спросил Айгун.

— Веление судьбы, развитие событий: рождение и смерть, жизнь и утрату, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару — он [воспринимает] как смену дня и ночи. [Ведь] знание не способно управлять их началом. Поэтому [он считает, что] не стоит из-за них нарушать гармонию [внутри себя], нельзя допускать [их] к себе! в сердце. Предоставляет им гармонично обращаться, а [сам] не утрачивает радости; предоставляет дню и ночи сменяться без конца, а [сам] подходит к другим [нежно, будто] весна. И тогда в сердце у каждого рождается [это] время года. Вот это и называется «целостными способностями».

— Что означает «добродетель, которая не [проявлялась] во [внешней] форме»?

— Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. [Подобно ей он все] хранит внутри, внешне [ничуть] не взволнуется. Совершенствование добродетели и есть воспитание [в себе] гармонии. [Его] добродетель не [проявляется] во [внешней] форме, [поэтому] его и не могут покинуть.

Передав об этом через несколько дней Миньцзы {14}, Айгун сказал:

— Раньше я считал высшим пониманием [долга] то, что, стоя лицом к югу, правлю Поднебесной, храню в народе порядок и печалюсь о смерти людей. Ныне же я услышал о настоящем человеке и боюсь, что подобным

совершенством не обладаю: легковесно отношусь к самому себе и веду к гибели царство. Мы с Конфуцием не царь и слуга — [мы с ним] друзья по добродетели.

Безгубый {15} калека с кривыми ногами подал [как-то] совет вэйскому царю Чудотворному и [так] понравился Чудотворному, что шеи у нормальных людей стали казаться тому слишком короткими.

Человек с Зобом, похожим на кувшин [как-то] подал совет цискому царю Хуаньгуну и так царю понравился, что шеи нормальных людей стали казаться тому слишком тонкими.

Так что преимущества в свойствах заставляют забыть о телесном. [Если] человек не забывает о том, что забывается, а забывает о том, что не забывается, то это — истинное забвение.

Поэтому у мудрого есть где странствовать. [Для него] знания — зло, клятвенные союзы — клей, добродетель — [средство] приобретения, [предметы] ремесла — товар. Мудрый не строит планов, зачем ему знания? Не рубит, зачем ему клей? Не утрачивает, зачем ему добродетель? Не торгует, зачем ему товар? [Вместо] всего этого [его] кормит природа. Природа кормит естественной пищей. Поскольку пищу он получает от природы, зачем ему людское? Тело у него человеческое, [но он] не знает человеческих страстей. Телом — человек, поэтому и живет среди людей, не страдая человеческими страстями, не принимая ни хвалы, ни хулы. В незначительном, в малом он — человек. Высокий, величественный, [он] в одиночестве совершенствует в себе природное.

Творящий Благо спросил Чжуанцзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуанцзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, [если] путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному, и не добавляет к жизни [искусственного].

— [Если] не добавлять к жизни [искусственного], — возразил Творящий Благо, — как [поддерживать] существование тела?

— Путь дал [человеку] такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуанцзы. — А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходуешь свой эфир: поешь, прислонясь к дереву; спишь, опираясь о столик. Природа избрала [для] тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

Глава 6

ОСНОВНОЙ УЧИТЕЛЬ {1}

Знание созданного природой и знание созданного человеком — [знание] истинное. Знание созданного природой дается природой. [Тот, кто обладает] знанием созданного человеком, с помощью познания познанного упражняется в познании непознанного. [Такой человек] не умирает преждевременно, доживает до естественного предельного возраста. Это знание наиболее полное. И все же в нем есть и пагубное. Ведь знание точное от [чего-то] зависит, а то, от чего оно зависит, — совершенно неопределенное. Как знать, называемое мною природным — это, быть может, человеческое, а называемое человеческим — это, быть может, природное? Только настоящий человек {2} обладает истинным знанием.

Кого же называют настоящим человеком? Настоящий человек древности не шел против малого, не хвалился подвигами, не [входил в число] мужей, [представляющих] замыслы. Поэтому ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не [впадал] в самодовольство. Такой человек [мог] подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием [он, даже] умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла. У человека, побежденного [в споре], слова застревают в глотке, будто [его] тошнит, — чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем [проявляется] естественное начало.

Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя [в жизнь], не радовался, ухом [из жизни], не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался — и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получав [что-либо], радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути, не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком.

У такого сердце — в покое, [выражение] лица — неизменно, лоб — высок и ясен. Прохлада [исходит от него], точно от осени тепло, точно от весны. Радость и гнев [его естественны], как четыре времени года. [Он] общается с вещами, [как это] необходимо, но [никто] не знает его пределов. Поэтому мудрый способен поднять войско, покорить царство, не утратив [привязанности] людских сердец; распространить полезное на [всю] тьму вещей, но не из любви к людям. Ибо тот, кто упивается [своим] пониманием вещей, не мудр; обладающий личными

привязанностями не милосерден; [тот, кто ожидает] удобного момента, не добродетелен; кто взвешивает полезное и вредное, тот — неблагородный муж; [кто] теряет себя, домогаясь славы, тот не муж; [тот, кто] жертвует собой, теряя истинное, тот не [способен] повелевать другими. Такие, как Ху Буцзе {3} и Омраченный Свет {4}, Старший Ровный и Младший Равный, Сидящий на Корточках, Помнящий о Других {5} и Наставник Олень {6}, были слугами других, исполняли чужие желания, а не собственные. Настоящий человек древности был справедлив и беспристрастен; [ему] как будто [чего-то] не хватало, но не [требовалось] дополнительного; [он] любил одиночество, но [на нем] не настаивал; соблюдал чистоту, но без прикрас. Улыбался, словно от радости, но двигался лишь по принуждению. Собранное [в нем] вторгалось в нас, вместе с ним в нас укреплялись свойства. Строгостью был подобен времени, возвышенный, не терпел ограничений; отдаляющийся, будто с сомкнутыми устами; бессознательный, будто забывший о словах.

Наказания считали телом [управления], обряды — [его] крыльями, знания — [определением благоприятного] времени, добродетель — согласием [с другими]. Те, кто считал наказания телом [управления], были умеренны в казнях; те, кто считал обряды крыльями, действовали в согласии с миром; те, кто считал знания [определением благоприятного] времени, были вынуждены применять их в делах; те, кто считал добродетель согласием [с другими], говорили, что поднимаются на вершину вместе со [всеми], у кого есть ноги. Люди полагали, что (они) воистину труженики.

То, что они любили, было единым; то, что они не любили, было единым. В своем единстве [они были] едиными; в отсутствии единства [они были] едиными. В своем единстве [они] были последователями природного; в отсутствии единства [они] были последователями человеческого. [Тот, в ком] природное и человеческое не побеждают друг друга, и называется настоящим человеком.

Жизнь и смерть — от судьбы. Она так же постоянна, как природа в смене дня и ночи. То, что человек в этом не может воспринять, [относится] к свойствам [самих] вещей. Одни видят только Небо как [своего] отца и его любят, тем более [должны бы любить то], что выше неба. Другие видят только благородного мужа [царя], их превосходящего, и готовы за него умереть; тем более [должны бы это делать] ради того, что более истинно, [чем царь].

Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели, и [стараются] дать друг другу влагу дыханием и слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге [в просторах] рек и озер. Вместо того чтобы восхвалять Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше предать забвению их обоих и идти по своему пути.

Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть {7}.

[Если] спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь Силач унесет все на спине, а Невежда ничего не будет знать. В [каком бы] подходящем месте ни спрятать большое или малое, [оно] все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для [всех] вещей.

Только отлили тело в форме человека, и уже ему радуются; но это тело еще испытает тьму изменений бесконечных, такое счастье разве можно измерить? Поэтому мудрый странствует там, где вещи не теряются, где все сохраняется. [Он] видит доброе и в ранней смерти и в старости, и в начале и в конце. [Если] другие ему подражают, то тем более [должны подражать] тому, от чего зависит [вся] тьма вещей, от чего зависит [все] развитие в целом.

Ведь путь обладает реальностью и достоверностью, [но у него] отсутствуют деяние и телесная форма. О нем можно рассказать, но [его] нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. В нем самом и его основа и его корень. [Он] существовал вечно, прежде неба и земли, с самой древности: [он] дал святость душам предков, дал святость богам {8}, породил небо и землю. [Он] выше зенита, а не высокий, ниже надира, а не низкий; [существовал] прежде неба и земли, а не древен; старше самой отдаленной древности, а не стар.

[Человек] из рода Кабаньей Шкуры {9} обрел его и привел в порядок небо и землю. Готовящий Жертвенное Мясо обрел его и проник к матери воздуха. Ковш, Связующий Звезды {10}, обрел его и никогда не ошибался. Солнце и луна обрели его и никогда не останавливались. Каньтэй {11} обрел его и взошел на гору Союз Старших Братьев. Фын И {12} обрел его и странствовал по великой Реке. Цзянь У обрел его и поселился на горе Великой. Желтый Предок обрел его и поднялся в облака. Вечно Недовольный {13} обрел его и поселился в [Черном] дворце. Юй Цян обрел его и укрепился на Северном полюсе. Мать Западных Царей обрела его и уселась на Шаогуан-горе. Никто не знает, что было началом <пути>; никто не знает, что будет ему концом. Пэн Цзу обрел его [и прожил] от [времен] Ограждающего до Пяти царей {14}. Фу Юэ {15} обрел его и стал помощником Удина, [сделав Удина] хозяином Поднебесной. [Фу Юэ] поднялся на восток Млечного пути и, оседлав Стрельца и Скорпиона, стал в ряду звезд.

Подсолнечник из Южного предместья {16} спросил у Женщины Одинокой {17}:

— Почему у тебя в такой старости цвет лица, словно у ребенка?

— Я слушаю о пути, — ответила Одинокая.

— Могу ли изучить путь?

— Нет, не можешь! Ты не такой человек. Вот Бу-Опора Балки {18}. [У него] способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого. Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня [он] сумел бы [познать] отчужденность от Поднебесной. После того как [он] познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от жизни. [Познав же] отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить [туда, где] нет ни жизни, ни смерти. [Ведь] то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается. Это то, что каждую вещь сопровождает, встречает, разрушает, создает. Имя этому — покой в столкновениях. Покой в столкновениях означает, что создание [происходит лишь] после столкновения {19}.

— От кого ты об этом слышала? — спросил Подсолнечник из Южного Предместья.

— Я слышала от сына Гадателя на Черепашьем Панцире {20}, а сын Гадателя слышал от внука Повторяющего, а внук Повторяющего слышал от Ясного Взора, а Ясный Взор слышал от Шепчущего на Ухо, а Шепчущий на Ухо слышал от Неотложного Труда, а Неотложный Труд слышал от Поющего, а Поющий слышал от Изначального Эфира, а Изначальный Эфир слышал от Пустоты, а Пустота слышала от Безначального.

Приносящий Жертвы, Носильщик {21}, Пахарь {22} и Приходящий, беседуя, сказали друг другу:

— Мы подружись бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое {23}. Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности [у него] теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Эфир, [силы] жара и холода в нем пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха {24}, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения [жизни] наступает [свое] время, а [ее] утрата следует [за ее ходом]. Если довольствоваться [своим] временем и во всем [за процессом] следовать, [к тебе] не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. [Он] задыхался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте [того, кто] превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему:

— Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, [он] лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. [Если] они приблизят ко мне смерть, а я послушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. [Если] ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать [мечом] Мосе!», [то] великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. [Если] ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!», то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. [Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел {25}, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться? Завершил и засыпаю, [а затем] спокойно проснусь.

Учитель с Тутювого Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан {26} подружились. Они сказали друг другу:
— Кто способен дружить без [мысли] о дружбе? Кто способен действовать совместно, без [мысли] действовать совместно? Кто способен подняться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо [всем] живом, [как бы] не имея конца?

[Тут] все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вот Учитель с Тутювого Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цзыгуна им помочь. [Цзыгун услышал, как] кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на цине, и вместе запели:

Ах! Придешь ли, Учитель с Тутювого Двора.

Ах! Придешь ли, учитель!

Ты уже вернулся к своему истинному,

А мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цзыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли [вы] так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили [оба], переглянулись и усмехнулись.

Цзыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений [к похоронам] не совершали, отчужденные от формы, пели над усопшим и не изменились в лице. [Я] даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а [я], Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и [я], Цю, поступил неразумно, послав с тобой [свое] соболезнование. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире неба и земли. Для них жизнь — [какой-то] придаток, зоб; смерть — прорвавшийся чирей, освобождение от нароста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? [Они] допускают, что тело состоит из различных вещей {27}. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, [они твердят] все снова и снова о конце и начале, не зная границ. [Они] бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, [странствуют] в беспредельном, в области недеяния. Разве станут они себя затруднять исполнением людских обрядов? Представать перед толпой зрителей, [говорить] для ушей [толпы слушателей]?

— Почему же тогда [вы], учитель, следуете обрядам? — спросил Цзыгун.

— На [мне], Цю, кара Небес! {28} И все же я разделяю ее с тобой, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает [свою] жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: «Рыбы забывают друг о друге в [просторах] рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути».

— Осмелюсь ли узнать, [что за человек] тот, кто чуждается людей? — спросил Цзыгун.

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: «Человек ничтожный для природы — благородный муж [царь] для людей {29}; благородный муж для людей — человек, ничтожный для природы».

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда у Мэнсуня Талантливый {30} умерла мать, он причитал, не проливая слез, сердцем не скорбел, не горевал при погребении. При таких трех упущениях в царстве Лу считали, что он прекрасно выполнил обряд. [Мне], Хою, кажется очень странным то, что [он] приобрел такую славу, не имея [на нее права] по существу.

— Этот, из рода Мэнсунь, все исчерпал! — сказал Конфуций. — [Он] продвинулся в познании. Пренебречь обрядом не сумел, но для себя [им] пренебрег. [Тот] из рода Мэнсунь не разбирает, почему [возникает] жизнь, почему [наступает] смерть; не разбирает, где начало, а где конец. Как будто, превращаясь в [другую] вещь, ожидает неведомых ему перемен. Ведь когда готов к изменениям, как узнать, что не изменишься? А когда не готов к изменениям, как узнать, что уже изменился? Только мы с тобой еще не начали просыпаться от этого сна. Ведь тот [Мэнсунь], выражая страх во внешнем, не [отягощал] утратой своего сердца. Он ощущал не смерть, а [быстротечность] пристанища на [одно] утро. Только Мэнсунь и проснулся. Причитал потому, что другие причитали. К тому же, когда общаются с другими, [есть] собственное «я». Но как знать, «я» ли то, что мы называем «я»? Вот тебе приснится, что [ты] птица и взмываешь в небеса; приснится, что [ты] рыба и ныряешь в глубину. А теперь не знаешь, говоришь [об этом] наяву или во сне? Тому, кто встречает [превращение] безропотно, далеко до [того, кто встречает его] с улыбкой; [тому, кто] изображает [на лице] улыбку, далеко до [того, кто вверяет себя] движению. Тот, кто спокойно [вверяет себя] движению, проходит через изменение [в смерти] и вступает в пустоту, естественность, единое.

Сын Ласточки встретился с Никого не Стесняющим, и тот его спросил:

— Что посоветовал тебе Высочайший?

— Высочайший сказал, что мне следует, склонясь, подчиниться милосердию и справедливости и [тогда я] стану верно судить об истинном и ложном, — ответил Сын Ласточки.

— И зачем только ты пришел [ко мне]? — задал ему вопрос Никого Не Стесняющий. — Если Высочайший наложил на тебя клеймо своего милосердия и справедливости {31}, отрезал тебе нос [своим суждением] об истинном и ложном, разве сумеешь ты странствовать в области безграничного наслаждения, необузданной свободы и бесконечного развития?

— И несмотря на это, я хочу вступить за ее ограду, — ответил Сын Ласточки.

— Это невозможно! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Незрячему незачем [толковать] о красоте глаз, бровей, лица; слепому не познать ни темное и желтое, ни красоты [орнамента] расшитых царских одежд.

— Но, — возразил Сын Ласточки, — ведь Пренебрегшая Украшениями утратила свою красоту, Схвативший Балку {32} утратил свою силу, а Желтый Предок забыл о своих знаниях, — все они попали под молот на наковальне. Как знать, [быть может], то, что творит вещи, снимет с меня клеймо, восстановит мне нос, чтобы я снова, целый, смог последовать за [вами], Пржедерожденный?

— Ах! Заранее этого не узнаешь! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Я расскажу тебе [лишь] об основном. О, мой учитель! О, мой учитель! {33} Крошишь [всю] тьму вещей, но не вершишь справедливости. Вращиваешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не [проявляешь] мастерства. Вот в чем [я] и странствую.

Янь Юань сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций. [Я], Хой, сию и забываю [о себе самом].

— Что это значит, «сию и забываю [о себе самом]»? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, [я] уподобляюсь всеохватывающему {34}. Вот что означает «сию и забываю [о себе самом]».

— Уподобился [всеохватывающему] — значит, освободился от страстей; изменился — значит, освободился от постоянного. Ты воистину, стал мудрым! Дозволь [мне], Цю, следовать за тобой.

Носильщик и Учитель с Тутового Двора {35} были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик [сам себе] сказал:

— Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

[Он] захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот [дома] Учителя [Носильщику послышался] то ли плач, то ли пение. За ударом [по струнам] циня последовали слова:

«О отец!

О мать!

О природа!

О люди!..»

Слабевший голос спешил допеть строфу.

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно [все] покрывает, а земля беспристрастно [все] поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным {36}? Я искал, кто это сделал, но не мог [никого] найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба {37}.

Глава 7

ДОСТОЙНЫЙ БЫТЬ ПРЕДКОМ И ЦАРЕМ

Четырежды обратившись к Наставнику Юных с вопросами {1} и четырежды [услышав] «не знаю», Беззубый подпрыгнул от радости, пошел и сообщил об этом Учителю в Тростниковом Плаще. Тот сказал:
— Теперь-то ты это понял? Ведь роду Владеющих Тигром {2} далеко до рода Великих {3}. [Человек] из рода Владеющих Тигром таил в себе милосердие, чтобы привлекать людей и завоевывать [сердца], но еще не начал делать [различие между] человеческим и нечеловеческим {4}. [Человек] из рода Великих спал спокойно, пробуждался довольный, мнил себя то конем, то буйволом. Знания его были достоверными, чувства — надежными, свойства — настоящими. Он даже не подошел к [различию между] человеческим и нечеловеческим.

Цзянь У встретился с Безумцем Встречающим Колесницы и тот его спросил:

— Что сказал тебе Начало Полудня? {5}

— [Он] мне сказал: «Когда сам правитель образцово выполняет правила и обряды, никто не осмелится [его] ослушаться и все преобразуются», — ответил Цзянь У.

— Это свойство ложное, — ответил Безумец. — [Применить] его к управлению Поднебесной все равно, что [пытаться] перейти вброд море {6}, проложить русло для Реки или заставить комаров перенести гору. Разве мудрец своими знаниями [способен] управлять внешним? [Если сам он], став образцом, начал действовать, то добьется воистину лишь того, чтобы выполнялись его дела. Ведь птица, спасаясь от стрелы, привязанной на бечеве, улетает ввысь; а мышь, [когда ее] выкуривают или выкапывают, роет нору глубоко под Священным холмом. Неужто [у правителя] знаний меньше, чем у этих тварей?

Корень Неба {7}, прогуливаясь на солнечном склоне [горы] Темнокрасной, дошел до реки Заросшей Осокой. [Тут он] случайно встретился с Безумным и обратился [к нему] с вопросом:

— Дозвольте спросить, [что нужно] сделать для Поднебесной?

— Иди прочь, невежда! — ответил Безумный. — Что надоедаешь вопросами! Я готовился к общению с тем, что творит вещи, как с себе подобным, а пресытившись, собирался подняться на птице неведомых далей за пределы всех шести стран света, странствовать в царство небытия, пребывать в бескрайних просторах. К чему тревожишь мое сердце [вопросом об] управлении Поднебесной?

[Но Корень Неба] повторил вопрос, и Безумный ответил: — Наслаждайся сердцем в бесстрастии, соединишься с эфиром в равнодушии, предоставь каждого естественному [пути], не допускай ничего личного, и в Поднебесной воцарится порядок.

Ян Чжу встретился с Лаоцзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, пронизательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лаоцзы, — такой [человек выглядел бы] как суетливый мелкий слуга {8}, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников» {9}; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался [на царя]; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. [Сам же царь] стоял в неизмеримом и странствовал в небытии {10}.

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал [каждому] срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-горы]:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности, — ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, — сказал учитель, — без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

Назавтра Лецзы снова явился с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Децзы снова явился с колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его], и [я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять названий глубин. [Я же] появился в трех: [в виде] глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет, — сказал учитель. — Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал [от меня].

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая [все] до предела, [будь] бесконечен; странствуя, не оставляй следов; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретай; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем <разумом>, словно зеркалом. Не следует [за вещами], не идет [им] навстречу, [им] отвечает, но [их] не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, по остается невредимым.

Владыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой Центра-Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали [они]. — Попытаемся [их] ему проделать.

Каждый день делали по одному отверстию и на седьмой день Хаос умер {11}.

Глава 8

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ НОГ

Перепошки между пальцами ног и шестой палец на руке даются от природы, но для [человеческих] свойств излишни. Опухоль и зуб вырастают на теле [человека], но для природного [они] излишни. Милосердие и справедливость во многих предписаниях распределяются между [всеми] пятью внутренними органами. Однако они не отвечают истине природных свойств. Как перепошки между пальцами ноги — добавочное бесполезное мясо, а шестой палец руки — добавочный бесполезный палец, так и многое внешнее [подобно] перепошкам и шестым пальцам для свойств [всех] пяти внутренних органов. Излишние милосердие и справедливость [вызывают] многие предписания, как слушать и смотреть.

Поэтому излишне острое зрение [ведет к] смещению [всех] пяти цветов, к изощренности в орнаменте, ослеплению темными и желтыми расшитыми царскими одеждами. Не так ли было с [Видящим] Паутину Издали? Излишне тонкий слух [ведет к] смещению пяти звуков, к изощренности в шести тонах, [пристрастию к музыкальным инструментам из] металла и камня, шелка и бамбука, колоколам и шести полутонам. Не так ли поступал Наставник Куан? Излишнее милосердие [ведет к] отказу от свойств, к скованности [человеческой] природы во имя славы, к тому, чтобы все в Поднебесной дули в свирели и били в барабаны, прославляя недостижимый образец. Не так ли поступали Цзэн[цзы] и Хронист [Ю]? {1}

Излишества в спорах [ведут к] нагромождению фраз, [будто] черепицы или узлов на веревке, к наслаждению тождеством и различием, твердостью и белизной, безудержными бесполезными словами ради минутной славы. Не так ли поступали Ян [Чжу] {2} и Мо [Ди]? {1}

Все эти учения с перепошками и шестыми пальцами не составляют подлинной истины в Поднебесной. Подлинная истина в том, чтобы не терять природных свойств. Следовательно, при объединении уничтожаются перепошки, а при разделении — лишние пальцы. [Однако] длинное не должно считаться излишним, а короткое —

недостаточным. Хотя лапки утки коротки, [но] попробуй их вытянуть — причинишь боль; хотя ноги у журавля длинные, [но] отруби их — причинишь горе. Если не отрезать то, что от природы длинно, не удлинять то, что от природы коротко, не нужно будет и устранять боль. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько боли причиняет людям милосердие!

Тот, кому разрежут перепонку между пальцами, заплачет; тот, кому откусят лишний палец, закричит. У одного — излишек, у другого — недостаток, а боль у обоих одинаковая. Современные милосердные с засоренными глазами печалются о бедах мира, а немилосердные, насилуя природные свойства, алчут богатства и почестей. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько шуму они вызвали в мире со времен трех династий! {3}.

Тот, кто с помощью крюка и отвеса, циркуля и наугольника придает [вещам] надлежащую [форму], калечит их природу; тот, кто с помощью веревок и узлов, клея и лака укрепляет [вещи], вредит [их] свойствам. Тот, кто [заставляет людей] изгибаться в обрядах и танцах, оберегать милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной, лишает их постоянных [свойств] {4}. У [всех вещей] Поднебесной есть постоянные [свойства]. К постоянному относится то, что скривилось без крюка, выпрямилось без отвеса, округлилось без циркуля, стало квадратным без наугольника; что соединилось без клея и лака, связалось без веревки и тесьмы. Так [все] в Поднебесной, увлекая один другого, рождаются и не знают, почему рождаются; одинаково обретают и не знают, почему обретают. Такой порядок был и в старину и в наше время, [он] не может быть нарушен. Как может связанный милосердием и справедливостью, точно клеем и лаком, веревкой и тесьмой, наслаждаться природными свойствами? [Они] вводят весь мир в заблуждение. Небольшое заблуждение изменяло направление; великое заблуждение изменяло [человеческую] природу. Откуда это известно? С тех пор как [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром смутил Поднебесную своим призывом к милосердию и справедливости, каждый по принуждению поспешил следовать за милосердием и справедливостью. Не изменилась ли из-за [появления] милосердия и справедливости и человеческая природа?

Попытаемся [высказать] об этом суждение.

Со времен трех династий каждый [человек] в Поднебесной из-за вещей изменял [свою] природу. Ничтожные люди жертвовали жизнью ради наживы, мужи — ради славы, военачальники — ради рода, мудрецы — ради царства. У этих людей различные занятия, различные прозвания, но, жертвуя собой, они причиняли своей природе одинаковый вред.

Так, Раб и Рабыня вместе пасли стадо и оба потеряли своих овец. Спросили Раба, что [он] делал? Оказалось, что читал дощечку с записью гадания. Спросили Рабыню, что [она] делала? Оказалось, что играла в кости. Занимались они различными делами, но оба одинаково потеряли овец. Так, Старший Ровный, жаждавший славы, умер у подножья горы Первого Солнца; разбойник Чжи {5}, жаждавший поживы, умер на вершине Восточного Кургана. Смерть их вызвана различными причинами, но оба они равно сократили свою жизнь и причинили вред своей природе. Почему же следует восхвалять Старшего Ровного и порицать Чжи?

Из тех, кто в Поднебесной жертвует собой, одни делают это ради милосердия и справедливости, тогда их обычно величают благородными мужами; другие — ради имущества и богатства, тогда их обычно прозывают ничтожными людьми. Жертвуют собой одинаково, почему же становятся благородными или ничтожными? Разбойник Чжи так же сократил свою жизнь и повредил своей природе, как и Старший Ровный, откуда же [появилось] между ними различие, как [различие] между ничтожным и благородным?

[Умение] подчинять свою природу милосердию и справедливости, даже [столь] совершенное, как у Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], я не называю сокровищем; [умение] подчинять свою природу [всем] пяти вкусам, даже [столь] совершенное, как у Юйэра {6}, я не называю сокровищем; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти звукам даже [столь] совершенно, как Наставник Куан, я не называю чуткими; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти цветам даже [столь] совершенно, как [Видящий] Паутину Издали, я не называю зоркими. Я называю сокровищем обладание не милосердием и справедливостью, а лишь своими свойствами. Я называю сокровищем не обладание милосердием и справедливостью, а лишь предоставление свободы своим природным чувствам. Я называю чутким не того, кто слышит других, а лишь того, кто слышит самого себя. Я называю зорким не того, кто видит других, а лишь того, кто видит самого себя. Ведь смотрит на других тот, кто не видит самого себя; овладевает другими тот, кто не владеет собой, [такой] завладевает тем, что принадлежит другим, а не тем, что обрел он сам; стремится к тому, что пригодно для другого, а не к тому, что пригодно для него самого. Ведь те, кто стремится к пригодному для другого, не стремятся к пригодному для них самих. Они одинаково порочны, пусть это даже Старший Ровный или разбойник Чжи! Мне стыдно перед природными свойствами, поэтому я не осмеливаюсь упражняться в милосердии и справедливости с первым и не решаюсь предаваться порокам и последним.

Глава 9

У КОНЯ КОПЫТА

У коня копыта, и [он] может ступать по инею и снегу. Шкура защищает [его] от ветра и холода. Он щиплет траву, пьет воду, встает на дыбы и скачет. Такова истинная природа коня. Ему не нужны ни высокие башни, ни

огромные залы.

Но вот Радующийся Мастерству сказал:

— Я умею укрощать коней.

[И принялся] подстригать им гриву, подрезать копыта, стал их палить и клеймить, взнуздывать и стреноживать, запирает в конюшни и загоне. Из [каждого] десятка погибали два-три коня. [Он] стал укрощать их голодом и жадой, пускал рысью и галопом, заставлял держать строй. Спереди [им] угрожали удила и шлея, сзади — кнут и хлыст. Коней же погибало более половины.

Гончар сказал:

— Я умею лепить из глины.

Круги [у него] соответствовали циркулю, а квадраты — наугольнику.

Плотник сказал:

— Я умею обрабатывать дерево.

Изгибы [у него] соответствовали крюку, а прямые [линии] — отвесу.

Разве [своей] природой глина и дерево стремятся соответствовать циркулю и наугольнику, крюку и отвесу? Но все же [мастеров] славил из поколения в поколение:

— Радующийся Мастерству умел укрощать коней! Гончар и Плотник умели обращаться с глиной и деревом!

Это — ошибка тех, кто правил Поднебесной.

Я думаю, что мастер, управляя Поднебесной, поступил бы иначе. Постоянное в природе людей то, что [они] ткут и одеваются, возделывают землю и питаются, — это и называется [их] общим свойством. [Некогда они] были едины, не делились на группы, [и это я] называю естественной свободой {1}. Поэтому во времена, [когда] свойства были настоящими, ходили медленно и степенно, смотрели твердо и непреклонно. Тогда в горах еще не проложили дорог и тропинок, на озерах не было лодок и мостов; все создания жили вместе, и селения тянулись одно за другим. Птицы держались стаями, звери ходили стадами, травы росли со всей пышностью, а деревья — во всю свою длину. Поэтому можно было гулять, ведя на поводу птицу или зверя, вскарабкаться на дерево и заглянуть в гнездо сороки или вороны. Да, во времена, [когда] свойства были настоящими, [люди] жили рядом с птицами и зверями, [составляли один] род со всеми существами. Разве знали о [делении на] благородных и ничтожных? [Ни у кого] одинаково не было знаний, [никто] не нарушал своих свойств, [все] одинаково были свободны от страстей, и это [я] называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то [умение] ходить вокруг да около прихрамывая, стали принимать за милосердие; [умение] ходить на цыпочках — за справедливость, — и [все] в Поднебесной пришло в замешательство. Распушенность и излишества стали принимать за наслаждение; Сложенные руки и согнутые колени стали принимать за обряды. И [все] в Поднебесной стали отделяться друг от друга.

Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как [сумели бы] ввести милосердие и справедливость, не нарушив природных свойств? Как [сумели бы] ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто [сумел бы] создать орнамент, не спутав [всех] пяти красок? Кто [заставил бы] пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что ради сосудов искалечили дерево, вина мастеров; в том, что ради милосердия и справедливости нарушили природные свойства, вина мудрецов {2}.

Пока кони жили на просторе, они щипали траву и пили воду. Радуюсь, сплетались шеями и ласкались, сердясь, поворачивались друг к другу задом и лягались. Только в этом и состояли их знания. Но когда на коней надели ярмо, украсили им морду [изображением] луны, они научились коситься и выгибать шею, упираться и брыкаться, ломать ярмо и рвать поводья. Поэтому в том, что кони приобрели [подобные] знания и научились разбойничьим повадкам, виноват Радующийся Мастерству.

Во времена рода Пламенных Помощников {3} народ жил, не зная, что [ему] делать; ходил, не ведая куда. [Человек] набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они [ввели] преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы [поведения] в Поднебесной; вывесили для [общей] радости милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая, и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за наживой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

Глава 10

ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать [все] веревками, запирает на засовы и замки. Вот это умно, говорят обычно. Но приходит большой Вор, хватает весь сундук под мышку, взваливает на спину шкаф, цепляет на коромысло мешки и убегает, боясь лишь одного, — чтобы веревки и запоры [не оказались] слабыми. Тогда те, которых прежде называли умными, оказывается, лишь собирали добро для большого Вора. Посмотрим, не собирает ли добра для больших воров тот,

кого обычно называют умным? Не охраняет ли крупных разбойников тот, кого называют мудрецом? Как доказать, что это истина?

В старину в царстве Ци соседи из [разных] общин видели друг друга, петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем {1}]. На пространстве более двух тысяч квадратных ли расставляли сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой. В пределах четырех границ во всем брали пример с мудрецов при постройке храма предков, алтаря Земли и Проса, домов, при разбивке на околотки, селения, округа и области. Но вот однажды утром Тянь Чэнцзы убил цисского царя и украл его царство. Только ли царство украл? [Нет!] Вместе с царством украл и мудрые порядки. И хотя о Тянь Чэнцзы пошла слава как о воре и разбойнике, сам он наслаждался таким же покоем, как Высочайший и Ограждающий. Малые царства не смели его порицать, а большие — покарать. И так двенадцать поколений [его потомков] владели царством Ци.

Если он украл не только царство Ци, но и его порядки, [введенные] умными и мудрецами, то не являются ли эти самые [умные и мудрецы] хранителями воров и разбойников? {2}

Посмотрим, не собирают ли [добро] для больших воров те, кого в мире величают самыми умными? Не охраняют ли разбойников те, кого величают самыми мудрыми? Как доказать, что это истина?

[Вот] в старину обезглавили Встреченного Драконом, вырезали сердце у Царевича Щита, выпотрошили Чан Хуна {3}, сгноили в реке [тело] Цзысюя {4}. Все четверо — достойные люди, а не смогли избежать казни.

Сообщник разбойника Чжи его спросил:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить [на промысел] без учения? — ответил Чжи. — Угадать по ложным [слухам], что в доме есть сокровища, — мудрость; войти [в него] первым — смелость; выйти последним — справедливость; пронюхать, возможен ли [грабеж], — знание; разделить [добычу] поровну — милосердие. Без этих пяти [добродетелей] никто в Поднебесной не может стать крупным разбойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя стать добрым человеком, то без учения мудрецов нельзя стать и разбойником {5}. Но добрых людей в Поднебесной мало, а недобрых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной мудрецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится: «Отрежут губы — стынут зубы», «из-за плохого вина в Лу Ханьдань подвергся осаде» {6}, «когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник».

Если мудрецов прогнать, а разбойников оставить в покое, в Поднебесной воцарится порядок. Ведь [если] высохнет поток, опустеет и долина; [если] сровнять с землей гору, заполнится и пропасть. Когда мудрецы перемрут, исчезнут и большие грабители, в Поднебесной наступит мир и больше не будет беды. Пока мудрецы не перемрут, не переведутся и великие разбойники. Управлять Поднебесной, уважая мудрецов, означает соблюдать выгоду разбойника Чжи.

Если сделают меры и гарнцы, чтобы мерить, украдут [и зерно] вместе с мерами и гарнцами; если сделают гири и безмены, чтобы взвешивать, то украдут [и взвешиваемое] вместе с гирями и безменами; если сделают верительные дщицы и царские печати, чтобы обеспечить доверие, то украдут [и царство] вместе с верительной дщицей и царской печатью; если создадут милосердие и справедливость для исправления [нравов], то украдут и [исправление нравов], вместе с милосердием и справедливостью. Как доказать, что это истина?

[Вот:] укравшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство {7}. У ворот правителей и хранится милосердие со справедливостью. Разве это не кража милосердия и справедливости, мудрости и знаний?

Поэтому-то вслед за большими грабителями крадут царства, крадут милосердие и справедливость вместе со всей наживой от мер и гарнцев, гирь и безменов, верительных дщиц и царских печатей. [Этого] не остановить, даже награждая колесницей и шапкой сановника; [этого] не запретить даже страхом перед топором и секирой; этого не обуздать из уважения к пожилому разбойнику Чжи — такова вина мудрецов. Поэтому и говорится: «Рыбе нельзя покидать глубины, орудие наживы в стране нельзя показывать людям» {8}. Мудрецы и есть орудие наживы в стране, [им] и нельзя показываться людям. Поэтому [следует]: уничтожить мудрость и отбросить знания, тогда переведутся и большие разбойники; выбросить нефрит и расколоть жемчуг, тогда исчезнут и малые вору; сжечь верительные дщицы и разбить царские печати, тогда народ станет простым и безыскусственным; поломать меры и перебить безмены, тогда в народе прекратятся тяжбы; истребить все правила мудрецов в Поднебесной, тогда с народом можно будет рассуждать; перемешать [все] шесть трубок, сжечь свирели и гусли, заткнуть уши слепцу Куану, и все в Поднебесной обретут слух; уничтожить орнаменты, раскидать [все] пять красок, склеить веки [Видящему] Паутину Издали, и все в Поднебесной обретут зрение; истребить крюки и отвесы, выбросить циркули и наугольники, переломать пальцы Искусному Молоту {9}, и каждый в Поднебесной обретет мастерство. Поэтому и говорится: «Величайшее искусство похоже на неумение» {10}. [Следует] презреть поведение Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], зажать рот Ян [Чжу] и Мо [Ди], изгнать милосердие и справедливость, и свойства всех в Поднебесной сравняются с изначальными. [Если бы] каждый обрел зрение, в Поднебесной никого бы не ослепляли; [если бы] каждый обрел слух, в Поднебесной никого бы не оглушали; [если бы] каждый обрел знания, в Поднебесной не стало бы заблуждений; [если бы] каждый обрел свои свойства, в Поднебесной не стало бы порока. Такие как Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], Ян [Чжу] и Мо [Ди], Наставник Куан, Искусный Молот и [Видящий] Паутину Издали выставляют свои достоинства напоказ, чтобы ослепить [всех] в Поднебесной. Подражать им нельзя.

Разве ты не знаешь о времени истинных свойств? В древности жили [люди] из родов Юнчэн {11}, Огромных Дворов, Дяди Повелителя, Срединных, Равнины Каштанов, Разводящих Вороных Коней, Создателей Колесниц, Пламенных Помощников, Священной Чаши и Жаровни, Вызывающих Пламя, Готовящих Жертвенное Мясо, Священных Землепашцев. В те времена «народ запоминал, завязывая узелки на веревках» {12}, наслаждался, жуя свою пищу, любовался своей одеждой, был счастлив своими обычаями, довольствовался своим жилищем. «Жители соседних царств видели друг друга, петухи друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем]. Люди доживали до глубокой старости, но не общались друг с другом». В те времена царил истинный порядок.

А теперь дошло до того, что люди, вытягивая шею и становясь на цыпочки, [друг другу] сообщают: — Там-то появился мудрец.

И, захватив с собой провизии, спешат к нему, покидая дома своих родителей, бросая дела государя. Следы [их] ведут через границы царств, колеи, проложенные [их] повозками, тянутся через тысячи ли. В этом — вина высших, пристрастившихся к знаниям. Когда высшие, не обладая учением, воистину пристрастятся к знаниям, [они] ввергают Поднебесную в великую смуту.

Как доказать, что это истина? [А вот, если] растут познания [насчет] луков и самострелов, силков, стрел на шнурке и [другого] оружия, то птицы в небе приходят в смятение; [если] растут знания [в области] крючков и приманок, сетей и бредней, сачков и бамбуковых кубарей, то рыбы в воде приходят в смятение; [если] растут знания [насчет] загонов, ловушек и тенет, то звери на болотах приходят в смятение. [Когда же] растет умение лукавить и изворачиваться, изводить и порочить, [устанавливать] тождество и различие, твердость и белизну, то нравы ввергаются в смятение софистикой. Поэтому в Поднебесной каждый раз возникает великая смута и вина за нее ложится на пристрастных к знаниям {13}.

Поэтому все в Поднебесной умеют стремиться к познанию неизвестного, но не умеют стремиться к познанию известного; все умеют осуждать то, что считается недобрым, но не умеют осуждать то, что считается добрым, — это и ведет к большой смуте. Поэтому-то наверху и затмевается свет солнца и луны, а внизу истощается сила гор и рек; уменьшаются дары четырех времен года. [Все вплоть до] слабых червяков и малых насекомых утрачивают свою природу. Как ужасна в Поднебесной смута из-за пристрастия к знаниям! И так повелось со времен трех династий. Забыли простой, скромный народ и обрадовались хитрым, изворотливым краснобаям; оставили тишину и покой недеяния и обрадовались пустопорожнему многословию. Это-то пустопорожнее многословие и ввергло Поднебесную в смятение!

Глава 11

ПРЕДОСТАВИТЬ [КАЖДОГО] САМОМУ СЕБЕ

Слышали о том, что Поднебесную следует предоставить себе самой, но не слышали о том, что в Поднебесной следует наводить порядок. «Предоставить» — из опасения, чтобы не извратилась природа Поднебесной, «каждого самому себе» из опасения, чтобы не изменились [человеческие] свойства. [Если] природа Поднебесной не извратится, а [человеческие] свойства не изменятся, разве нужно будет наводить в ней порядок?

В старину Высочайший стал наводить порядок, чтобы Поднебесная возликовала, люди возрадовались своей природе, а [они] лишились покоя. Разрывающий на Части стал наводить порядок, чтобы Поднебесная опечалилась, люди оплакивали свою природу, и [они] лишились радости. Но ведь [жизнь] без покоя, без радости не свойство человека. Разве без [присущих человеку] свойств можно долго продержаться? [Нет!] Такого в Поднебесной не бывало.

При чрезмерной радости у человека расходуется с излишком [сила] жара, при чрезмерном гневе расходуется с избытком [сила] холода. При перерасходе и жара и холода перестают [правильно] чередоваться четыре времени года, нарушается гармония прохлады и тепла, а [эти нарушения] причиняют вред телу человека. Он перестает [различать], когда радоваться, когда сердиться, жизнь [его] лишается постоянства, мысли — удовлетворения, работа останавливается на полпути. Тут-то и возникают в Поднебесной заносчивость и немилость, превосходство и угнетение, а за ними появляются разбойник Чжи, Цзэн [цзы] и Хронист [Ю. Если] по всей Поднебесной награждать за доброе, [с этим] не справиться; [если] по всей Поднебесной наказывать за недоброе, [с этим] не справиться. Ибо Поднебесная велика, [на всех] не хватит наград и наказаний {1}.

Со времен трех династий все шумят о наградах и наказаниях. Откуда же возьмется досуг, чтобы [найти] покой в природных свойствах? А кроме того, наслаждаясь острым зрением, предаются излишеству в цветах; наслаждаясь тонким слухом, предаются излишеству в звуках; наслаждаясь милосердием, нарушают [естественные] свойства; наслаждаясь справедливостью, нарушают законы природы; наслаждаясь обрядами, помогают извращениям; наслаждаясь музыкой, помогают разврату; наслаждаясь мудростью, помогают искусственности; наслаждаясь знаниями, помогают порокам. [Если бы все] в Поднебесной [находили] покой в природных свойствах, эти восемь [наслаждений] могли бы остаться, могли бы и исчезнуть. [Но когда] в Поднебесной не [находят] покоя в природных свойствах, из-за этих восьми [наслаждений] люди начинают [друг друга] резать на куски и скручивать [в клубок], толкать и отнимать и ввергать в смуту Поднебесную. [Если же] в Поднебесной начинают чтить наслаждения, тосковать о них, каким сильным становится [это] заблуждение! Разве [смогут] пройти мимо

[наслаждений], от них отказаться? Ведь чтобы говорить о них — постыятся, чтобы им предаться — преклоняют колени, чтобы изобразить их — играют и поют. Что же тут поделать?

Поэтому для благородного мужа, [если он] вынужден взойти на престол, лучше всего недеяние. Недеяние, а за ним — покой в природных свойствах. Ибо тому, кто ценит свою жизнь больше, чем царство, можно доверить Поднебесную; тому, кто любит свою жизнь больше царства, можно поручить Поднебесную. Если государь способен не рассеивать свое внутреннее, не обнаруживать зрения и слуха, возвышаться, [словно] Покойник, [то] взглянет [он, как] Дракон; погрузится в молчание, а голос [его загремит, словно] гром; движению [его] мысли подчинится природа. [Он предается] безмятежности и недеянию, а [окажется] связанным со [всею] тьмой существ. Разве у такого найдется досуг, чтобы наводить порядок в Поднебесной?

Высоченный Боязливый {2} спросил Лаоцзы:

— [Если] не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лаоцзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек унижится, стоит возвысить — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — и тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым словно резец и гранить драгоценный камень. Оно то вспыхнет словно пламя, то станет холодным как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успевает дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменится благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно пучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

В старину Желтый Предок встревожил сердца милосердием и справедливостью. А Высочайший и Ограждающий, чтобы воспитать [всех] в Поднебесной, [так трудились, что у них] стерлись волоски на голених {3} и пушок на бедрах. [Они] надрывали [все] свои пять внутренних органов ради милосердия и справедливости, отдавали кровь и дыхание, чтобы установить законы и порядок, и все же не справились. И тогда Высочайший сослал [людей] с Лошадью на Шишаке на Почитаемую гору, переселил Трех Мяо на [гору] Треглавую, изгнал Ведающего Разливами {4} в Обитель мрака. [Но и] этим не справился с Поднебесной.

Когда же пришло [время] царей трех [династий], Поднебесную объял ужас. Появились презираемые: Разрывающий на Части и разбойник Чжи; появились почитаемые: Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], а еще появились конфуцианцы и монеты. И тогда стали подозревать друг друга и в радости и в гневе, обманывать друг друга и умные и глупые, порицать друг друга и добрые и недобрые, высмеивать друг друга и лживые и правдивые, и Поднебесная стала приходить в упадок. В свойствах появились различия, в [человеческой] природе наступило гниение и разложение. В Поднебесной пристрастились к знаниям, и в поисках [знаний] весь народ дошел до крайности. И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить по [плотничьим] отвесу и правилу, приговаривать с долотом и шилом, ввергли Поднебесную в страшную смуту, и преступления стали тревожить людские сердца. Поэтому-то достойные и скрылись под утесами великих гор, а государи, владевшие тьмой колесниц, дрожали от страха в храмах предков.

Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи. А между закованными в наручники и колодки стали появляться конфуцианцы и моисты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неведомо было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику {5}. Как знать, не явились ли Цзэн [цзы] и Хронист [Ю] гремучей стрелой для Разрывающего на Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

[Уже] девятнадцать лет стоял [на престоле] Желтый Предок как Сын Неба; [его] приказы выполнялись [по всей] Поднебесной. [Однажды он] услышал, что на вершине [горы] Единения Пустоты обитает Всеобъемлющий Совершенный {6}, и отправился с ним повидаться.

— Я слышал, — сказал Желтый Предок, — что [вы], мой учитель постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, [какова] его сущность? Я стремлюсь воспользоваться сущностью неба и земли, чтобы помочь [созреванию всех] пяти злаков для прокормления народа. А еще я стремлюсь направить [силы] жара и холода на благо всего живого.

— То, о чем ты хочешь спросить, это — сущность вещей; а то, как ты хочешь управлять, это — пагуба для вещей, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — С тех пор как ты правишь Поднебесной, дождь идет прежде, чем пары превратятся в облака; листья и травы опадают, не успев пожелтеть; лучи солнца и луны все более угасают. В сердце твоём [склонность] к мелочам, [точно] у красная. Разве достоин ты беседы об истинном пути?

Желтый Предок удалился, сложил с себя [управление] Поднебесной, построил себе отдельную хижину с циновкой из белого пырея. [Здесь он] провел в праздности три луны, а затем снова навещал учителя.

Всеобъемлющий Совершенный лежал головой к югу. Полный покорности, Желтый Предок подполз [к нему] на коленях, дважды, поклонился до земли и спросил:

— Я слышал, что [вы], мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, как управлять самим собой, как добиться долголетия?

Всеобъемлющий Совершенный поспешно поднялся и ответил:

— Вопрос [ты] задал прекрасный! Подойди, я поведаю тебе об истинном пути.

Мельчайшее истинного пути глубоко и темно, величайшей истинного пути сумрачно и безмолвно. Не смотри, не слушай, покойся, храня [свой] разум, и тело само собой выправится. Будь покоен, чист, не утруждай свое тело, не тревожь свое семя и проживешь долго. [Если] глазам нечего будет видеть, ушам нечего слышать, сердцу нечего познавать, твоя душа сохранит [твое] тело, и тело проживет долго. Чем больше будет у тебя знаний, тем скорее] потерпишь поражение. Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего.

А тогда я с тобой поднимусь к великой ясности вплоть до стоков высшей [силы] жара; войду в ворота мрака, и [мы] достанем истоков высшей [силы] холода. Небо ведает своим, земля — своим; у [каждой из сил] жара и холода — свое вместилище. Береги и храни самого себя, а вещи созреют сами по себе. Я храню [силы жара и холода] в единстве, чтобы удержать их в гармонии, поэтому тысячу двести лет соблюдаю себя, а тело мое [до сих по] не одряхлело.

Желтый Предок дважды поклонился до земли и попросил:

— Расскажите о природе, Всеобъемлющий Совершенный.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — Она в своих вещах неисчерпаема, а все люди думают, что [она] конечна. Она в своих вещах неизмерима, а все люди думают, что [она] предельна. Из тех, кто обрел мой путь, лучшие стали предками, а худшие — царями. Из тех, кто утратил мой путь, лучшие увидели свет, а худшие обратились к земле. Ведь все, что ныне процветает, родилось из земли и вернется в землю, поэтому я покину тебя и пройду во врата бесконечности, чтобы странствовать в беспредельных просторах. Я сольюсь с лучами солнца и луны, соединюсь в вечности с небом и землей. Когда я уйду, [даже] далекие от меня опечалются. Все люди умрут и только я один буду существовать.

Поддерживаемый вихрем, Полководец Облаков {7} странствовал на востоке и встретился с Безначальным Хаосом. Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по-птичьи и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Полководец Облаков в смущении остановился и почтительно спросил:

— Кто [вы], старец? Что, старец, делаете?

— Прогуливаюсь, — ответил ему Безначальный Хаос, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вопрос, — сказал Полководец Облаков.

— Фу! — посмотрев [на него], воскликнул Безначальный Хаос.

— В эфире неба нет гармонии, — начал Полководец Облаков, — в эфире земли застой, в шести явлениях [природы] нет согласия, в смене времен года нет порядка. Что [мне] делать, [если] я собираюсь ныне привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю, — ответил Безначальный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Полководец Облаков не решился [снова] спросить.

Прошло три года. Странствуя на Востоке, Полководец Облаков миновал равнину Владеющих Жилищем. [Он] снова заметил Безначального Хаоса, в большой радости поспешил [к нему] и заговорил:

— [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? — дважды поклонился до земли и хотел было задать ему вопрос, как Безначальный Хаос произнес:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда. Странствующий утруждается, чтобы наблюдать, [как все идет] своим путем.

— Я сам также считаю, что несусь, [не ведая куда]. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поделать. Ныне же, подражая людям, хочу услышать [от вас хоть] одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы расшатывается, характер [всех] вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пресмыкающихся и насекомых, — вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Полководец Облаков.

— Ах! [Все это один] вред! — воскликнул Безначальный Хаос, — возвращайся к себе потихонечку.

— С [вами, Равный] Небу, так трудно встретиться. Хотелось бы услышать [хотя бы еще] одно слово, — попросил Полководец Облаков.

— Ах! — ответил Безначальный Хаос. — Укрепляй свое сердце. [Если] только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосущим эфиром. Освободи сердце и разум, стань покойным, будто неодушевленное [тело, и тогда] каждый из тьмы существ [станет] самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит [его] до конца своей жизни. Если же осознают это, то его <корень> покинут. Не выспрашивай его названия, не выпытывай его свойств, и [все] вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал, — сказал Полководец Облаков. — [Вы, Равный] Небу, ниспослали мне свои

свойства, просветили меня безмолвием, — он дважды поклонился до земли, попрощался и удалился.

Обычному человеку нравится, когда другие на него походят, и не нравится, когда другие от него отличаются. Любовь к себе подобным и нелюбовь к тем, кто отличается, происходят от желания выделиться из толпы. Но разве тот, кто стремится выделиться из толпы, [действительно] выдающийся? Для успокоения [он] следует за толпой, [но его] опыту далеко до того мастерства, [которым обладает] толпа. Желая стать правителем, собирает полезное у царей трех династий, но не замечает у них вредного. У такого [судьба] царства будет зависеть от случайности, и редко, лишь по счастливой случайности царство не погибает. Нет и одного [шанса] из десяти тысяч, что [такое] царство будет существовать. О гибели [такого] царства [говорит то, что] ни одно [дело там] не завершится, а десяток тысяч [дел] расстроится. Увы! Владеющие землями [этого] не ведают. Владеющему землями принадлежит огромная вещь. Владеющий огромной вещью не способен предоставить вещи [самим] вещам, а не [владеющий] вещью способен. Тот, кто понимает, как [предоставлять] вещи [самим] вещам, отвергает вещи. Разве [он] только управляет народом? [Нет!] Он вступает во [все] шесть стран света, выходит из них, странствует по [всем] девяти областям [земли]. В одиночестве отправляется, в одиночестве возвращается. Такой и называется единственным. Единственного человека поэтому и считают воистину ценным.

Учение великого человека подобно тени, отбрасываемой телом, эху, откликающемуся на голос. На [каждый] вопрос [он] отвечает, истощая все свое сердце, соединяясь в пару со [всем] в Поднебесной. В покое беззвучен, в движении не ограничен. Ведет каждого, как тому хочется, и возвращает [каждого] к самому себе. Странствует, не оставляя следов, приходит и уходит без отклонений, безначально, как солнце. [Еще] скажем, [что] телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного «я». Разве может лишенный собственного «я» владеть существующим <бытием>? Наблюдающие за бытием — [таковы] благородные мужи древности; наблюдающий за небытием — таков друг природы.

Незначительны, а нельзя не сообразоваться с их [природой] — [таковы] вещи. [Занимает] низкое положение, а нельзя [на него] не опираться — [таков] народ. Скрыты, а нельзя их не вершить — [таковы] дела. Грубы, а нельзя их не излагать — [таковы] обычаи. Далека, а нельзя от нее отделиться — [такова] справедливость {8}. Близко, но нельзя его не расширить — [таково] милосердие. Ограничивают [людей], но нельзя их не множить — [таковы] обряды. [Держится] середины, но [заслуживает] возвышения — [такова] добродетель. Един, но не способен не изменяться — [таков] путь. Священно, но не способно не действовать — [таково] Небо. Поэтому мудрецы созерцали Небо, но [ему] не помогали; совершенствовались в добродетелях, но [их] не отягощали; исходили из пути, но не вносили [в него] своих замыслов; соединялись с милосердием, но [на него] не полагались; следовали за справедливостью, но [ее] не множили; исполняли обряды и не уклонялись; принимали дела и не отказывались; подчинялись обычаям и не [поднимали] смуты; опирались на народ и [им] не пренебрегали; сообразовались с вещами и [их] не покидали. Вещи не достойны [того, чтобы ими] заниматься, но [ими] нельзя не заниматься. У тех, кто не понял Неба, нет чистоты добродетели. Те, кто не постиг пути, ни к чему не способны. Как жалок тот, кто не постиг пути! Что же такое путь? Есть путь Неба и есть путь человека. Бездеятельный и чтимый — таков путь Неба; деятельный и несущий тяготы — таков путь человека. Путь Неба — [путь] хозяина, путь человека — [путь] слуги. Нельзя не понять, как далеки они друг от друга.

Глава 12

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо и земля велики, но изменяются они равномерно. Вещей тьма, но порядок у них единый. Людей и рабов множество, но хозяин у них — царь. Царь исходит из свойств, а совершенствуется природой. Поэтому и говорится: «В далекой древности управляли Поднебесной недеянием, одними лишь природными свойствами». [Если] исходить из пути, то слова «царь Поднебесной» были правильными; [если], исходя из пути, рассматривать различия, то долг царя и [его] помощников был ясен; [если] исходить из пути, то [каждый] ведал [делом] по способности; [если] исходить из пути, то все вокруг соответствовало [всей] тьме вещей. Ибо общее для неба и земли — это свойства, а то, что действует во тьме вещей, — это путь <материя>. Высший правит людьми, [провозглашая] установления; способный обучается мастерству. Мастерство соответствует установлениям, установления соответствуют долгу, долг соответствует свойствам, свойства соответствуют пути, путь соответствует природе. Поэтому и говорится: «Те, кто в древности пас [всех] в Поднебесной, не имели страстей, и в Поднебесной [царило] довольство. [Они предавались] недеянию, и [вся] тьма вещей развивалась {1}. [Они хранили] покой пучины, и народ [сам по себе] утверждался». Записи гласят {2}: «[если] пронизаны единством, [вся] тьма установлений сполна выполняется. [Если] отказаться от страсти, к приобретению, покорятся [даже] души предков и боги».

Учитель сказал:

— Ведь путь поддерживает и покрывает [всю] тьму вещей. Как он безбрежно велик! С его помощью благородный {3} не может не очистить своего сердца. То, что действует недеянием, называется природой; то, что в речах обозначает недеяние, называется свойством; любовь к людям, полезное для вещей называется

милосердием; уподобление различных [вещей] называется величием; поведение, [не знающее] границ и различий, называется великодушием; обладание тьмой различий называется богатством. Поэтому придерживаться свойств называется [держаться] основы; тот, чьи свойства завершены, называется установившимся; тот, кто следует пути, называется [обладающим] полнотой; тот, кто не меняет свою волю из-за вещей, называется совершенным. Как велик благородный, который постиг эти десять [положений] и объемлет все дела и мысли! [Как вода] в низину, к нему стекается [вся] тьма вещей. Такой человек [оставляет] золото скрытым в горах, а жемчуг — в глубинах; не обогащается ни товарами, ни имуществом; чуждается благородства и богатства; не радуется долголетию, не печалится ранней смерти; не прославляет благоденствия, не стыдится злополучия; не присваивает себе благ современников; не ищет для себя славы в управлении Поднебесной. Слава в том, чтобы постичь, что у [всей] тьмы вещей одно хранилище, что жизнь и смерть — одинаковые формы [в развитии].

Учитель сказал:

— О путь! Как он глубок! Как прозрачна его чистота! Без нег не запоят ни металл, ни камень. Металл и камень [способны] звучать, но не тронешь их, не запоят. Так кто же способен определить [свойства всей] тьмы вещей?

Человек, обладающий царственными свойствами, ведет себя просто и стыдится заниматься делами; утвердившийся в корнях и истоках, [он] постигает сокровенное. Поэтому его свойства всеобъемлющи, а исходящее из его сердца воспринимается [всей] тьмой вещей. Ибо без пути формы не рождаются, без свойств жизнь не проявляется. Не обладает ли царственными свойствами тот, кто бережет тело, исчерпывает до конца жизнь, утверждает свойства, постигает путь. Тот, кто необъятен, появляется внезапно, движется неудержимо; за кем следует [вся] тьма вещей, тот называется [обладающим] царственными свойствами. Тот, кто смотрит на изначальный мрак, слушает безмолвное, один видит рассвет в изначальном мраке, один различает гармонию в безмолвии. Поэтому, проникая все глубже и глубже, [он] способен [понимать] появление вещи; [размышляя] над сокровеннейшим, [он] способен [постичь] мельчайшие семена. Поэтому общаясь со [всей тьмой] вещей, [он] дает каждому искомое и достигает небытия. Всегда спешит уйти, но возвращается к себе. Великое [для него] — мало, длинное — коротко, далекое — близко.

Прогуливаясь к северу от Красных вод, Желтый Предок поднялся на вершину [горы] Союз Старших Братьев, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину {4}. [Он] послал Знание {5} отыскать ее, но [оно] не нашло; послал [Видящего] Паутину Издали, и [тот] не нашел; послал Спорщика, и [тот] не нашел; послал Подобного Небытию, и Подобный Небытию ее отыскал.

— Как странно, — воскликнул Желтый Предок, — что отыскать ее сумел именно Подобный Небытию!

Учителя Высочайшего звали Никого не Стесняющим, учителя Никого не Стесняющего звали Беззубым, учителя Беззубого звали Наставником Юных, учителя Наставника Юных звали В Тростниковом Плаще.

Высочайший спросил у Никого не Стесняющего:

— Можно ли Беззубого [облечь властью] Равного Небу? {6} Я попрошу его через Наставника Юных.

— Как [это] опасно! Поднебесной [будет грозить] беда! — ответил Никого не Стесняющий. — Ведь Беззубый превосходит всех остальных. [Он] человек прозорливый, с острым зрением и тонким слухом, скорый на ответы. Но при этом [хочет] обрести природное <естественное> с помощью человеческого <искусственного>; размышляет, как искоренить преступления, а не знает, отчего происходят преступления. Как такого [облечь властью] Равного Небу! Ведь он станет применять человеческое, а не природное. Притом [он] основывается на самом себе и отвергает других; притом чтит знания и [применяет их] быстро как огонь; притом [он] раб мелочей; притом связывает себя вещами; притом, оглядываясь по сторонам, [ожидает] подтверждения от других; притом, соглашается с требованием [каждого из] толпы; притом, изменяется вместе с вещами и никогда не бывает постоянным. Разве достоин [он власти] Равного Небу? И все же, [ведь у него] есть предки, есть род, [его] можно сделать отцом всех, но нельзя сделать отцом отцов всех. [Он] возглавит смуту. [Поставь его] лицом к северу {7} — навлечет беду, лицом к югу — породит разбой.

Высочайший любовался [царством] Цветущим {8}, и Страж Границы Цветущего сказал:

— Ах, мудрый человек! Разрешь мне, мудрый человек, пожелать [тебе] долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. — От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью, этих трех [благ] не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, [ты] благородный муж.

Природа породила тьму людей, им необходимо дать занятие. [Если иметь] много сыновей и каждому дать занятие, откуда возмущаются тревоги? [Если имеешь] богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, [точно] перепел, питается, [словно] птенец, передвигается [подобно] птице, не оставляя следов <славы>. [Когда] в Поднебесной царит путь, [мудрый] процветает вместе со [всеми] вещами; [когда] в Поднебесной нет пути, [мудрый] в праздности укрепляет добродетель. [Если] за тысячу лет [ему], жить надоест, [он] улетает к бессмертным, оседлав белое облако. [Туда], в обитель предков, нет доступа трем бедам. [Но если] телу ничто не причинит вреда, откуда же возьмется поношение? — [И], Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить... — начал, следуя за ним, Высочайший;

— Изыди! — ответил [ему] Страж.

[Когда] Высочайший правил Поднебесной, [он] поставил Высокосовершенного {9} правителем [одного из царств].

Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий передал Молодому Дракону, [и тогда] Высокосовершенный отказался быть правителем и стал пахать. Молодой Дракон отправился с ним повидаться и застал [его] на поле обрабатывающим землю. Подойдя, Молодой Дракон занял место пониже и спросил:

— Некогда Высочайший правил Поднебесной и поставил [вас], мой учитель, правителем. Дозвольте спросить, по какой причине, [вы], мой учитель, отказались быть правителем и стали обрабатывать землю, [когда] Высочайший передал [власть] Ограждающему, а Ограждающий — мне?

— Некогда, правя Поднебесной, Высочайший не награждал, а в народе [друг друга] поощряли; не наказывал, а в народе остерегались. Ныне ты награждаешь и наказываешь, и народ утратил человечность. С той поры пришла в упадок добродетель, с той поры распространились наказания {10}. С той поры, пошла смута последующих поколений. Уходи! Не мешай мне работать! — [Высокосовершенный] принялся усиленно пахать и [более] не оглядывался.

В первоначале {11} было небытие, не было бытия, не было и названий. При появлении одного, у одного еще отсутствовала форма. Обретя [одно], вещь рождается, и это называется свойством. [Когда] в еще неоформившемся появляется разделение, но без отделения, это называется жизнью. [Начинается] движение, и рождается вещь; [когда] вещь завершена, рождается и [естественный ее] закон, называется это формой. Форма — [это] тело, хранящее дыхание [разум, душу]. У [каждой вещи] свой внешний вид, [свое] положение, и это называется природой [характером]. Природа, достигнув совершенства, возвращается к свойствам, свойства в высшем пределе [становятся] тождественными первоначалу, тождественные [первоначалу] становятся пустыми, а пустые — великими. [Это как бы] хор, поющий без слов, сомкнув губы. Объединяясь в таком хоре, сливаются с небом и землей. Их единение смутное, то ли глупое, то ли неосознанное, [но] это называется изначальным свойством, тождественным великому согласию [с путем].

Конфуций спросил Лаоцзы {12}:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем, будто подражая сильному: [делая] невозможное возможным, неистинное истинным; [или] софиста, который говорит, что отделить твердое и белое [ему] так же [легко], как [различить] светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь умение собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лаоцзы. — Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха; но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих [людях], [но] некоторые [из причин] управляются людьми. Того же, кто забывает обо [всех] вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. [Только] забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Цзянлюй Уговаривающий {13} увиделся с Цзи Уразумевшим и сказал:

— Лусский правитель просил [меня], Уговаривающего, разрешить ему воспринять [от меня] учение. [Я] отказывался, но безуспешно. Поведал [ему], но не знаю, попал ли в цель. Разрешите попытаться представить вас [царю]. Я же сказал лусскому царю: «необходимо покорять почтительных и бережливых, выдвигать [преданных] общему и верных [царю], не лстивых и не корыстных. И тогда никто в народе не посмеет нарушать согласие».

Цзи Уразумевший рассмеялся и ответил:

— Вам, учитель, речами о добродетелях предков и [прежних] царей, не справиться с задачей так же, как [кузнечнику] богому, что в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке. Ведь таким образом царь сам только подвергся бы опасности: у него в башне много сокровищ; куда бы [он] ни отправился, по [его] следам бросается толпа.

Цзянлюй Уговаривающий задрожал от страха и сказал: — [Мне], Уговаривающему, неясны [ваши] слова, учитель. И все же хочу, чтобы [вы], прежде рожденный, рассказали [мне] об этом главное.

Цзи Уразумевший ответил:

— Великий мудрец, правя Поднебесной, воодушевляет сердца людей, чтобы [они] завершали обучение, улучшали обычаи, отказывались от разбойничьих страстей. [Он] ведет всех своей единой волей, [но происходит это] подобно самодвижению природного характера [каждого], и причину этого народ не сознает {14}. Разве такой [человек], беспредельный и необъятный, в обучении народа [может считаться] младшим братом Высочайшего и Ограждающего, а не старшим их братом? [Он] стремится к тождеству с [изначальными] свойствами и к покою сердца.

Странствуя, Цыгун дошел на юге до [царства] Чу и возвращался в Цзинь. Проходя севернее [реки] Хань, заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал [их], лазая в колодец с большим глиняным кувшином. Хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Цыгун сказал:

— [Ведь] здесь есть машина, [которая] за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелает ли учитель [ее испытать]?

— Какая она? — подняв голову, спросил Огородник.

— Выдалбливают ее из деревянных досок, заднюю часть — потяжелее, переднюю — полегче. [Она] несет воду, [точно] накачивая, будто кипящий суп. Называется водочерпалкой.

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю [ее] не оттого, что не знаю, [я] стыжусь [ее применять]. От своего учителя я слышал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди, механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь».

Стыдясь и раскаиваясь, Цыгун опустил голову и промолчал.

Через некоторое время Огородник спросил:

— Кто ты?

— Ученик Конфуция, — ответил Цыгун.

— Не из тех ли многознающих, что подражают мудрым, чтобы в самодовольстве всех превзойти? [Не из тех ли], что бренчат в одиночестве [на струнах] и печально поют, чтобы купить себе славу на всю Поднебесную? [Если бы] ты забыл о своей священной душе и отказался от своей плоти, быть может, приблизился бы [к пути]. Но неспособный управлять собственным телом, как сумеешь [ты] навести порядок в Поднебесной? Уходи! Не мешай мне работать! — сказал Огородник.

Устыдившись, Цыгун побледнел и, точно потерянный, не мог овладеть собой. [Лишь] пройдя тридцать ли, пришел в себя.

— Что это был за человек? — спросили [его] ученики. — Почему при встрече с ним [вы], учитель, изменились в лице, побледнели и целый день не могли прийти в себя?

— Раньше [я] считал, что в Поднебесной есть лишь один человек <Конфуций>, не знал, что есть еще и другой, — ответил Цыгун. — Я слышал от учителя о пути мудрецов: [это] стремление осуществлять дела, приобретать заслуги, добиваться больших успехов малыми силами. У нынешнего же [учителя] иначе. У того, кто владеет учением, целостные свойства. При целостных свойствах — целостно тело. При целостном теле — целостен разум. В целостном же разуме и заключается путь мудрого. Вверяясь жизни, [он] действует вместе с народом, но куда идет — неведомо. Неизмерима и совершенна [его] простота! Учитель сердцем предал забвению заслуги и корысть, ловкость и хитрость. Такой человек не пойдет против своей воли, не поступит против своего желания. Обретая то, о чем говорит, гордый, [он] даже не оглянется, хотя бы [все] в Поднебесной его прославляли. Утратив то, о чем говорит, [он] даже не обратит внимания, хотя бы [все] в Поднебесной его порицали. Хвала или хула [всех] в Поднебесной ничего [ему] не прибавит, ничего [у него] не отнимет. Вот кто называется человеком с целостными свойствами. Я же причислю [себя] к тем, которых несет ветром по волнам.

Вернувшись в Лу, [Цыгун] поведал обо всем Конфуцию, который сказал:

— Тот прикидывается, будто совершенствуется в учении рода Хаоса. Постигает из него [лишь] одно, но не понимает другого; управляет внутренним, но не управляет внешним. Ты, конечно, удивился [тому, что он] познал, как уйти в чистоту, в недеяние, вернуться к простоте, как хранить разум в телесной природе, странствуя среди мирского, обычного. Но разве достойно учение рода Хаоса {15}, чтобы я и ты его познавали!

Изначальный Туман {16} отправился на восток к Великой пучине и на берегу Восточного моря повстречался с Легким Ветерком. Легкий Ветерок спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К великому океану.

— Зачем же?

— Хочу там побродить. Ведь великий океан — это то, что не наполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не иссякает, сколько бы из него ни выливалось.

— Нет ли, у [вас], учитель, мыслей о народе с глазами впереди? {17} Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении, — ответил Изначальный Туман, — начальники в раздачах не упускают необходимого каждому, выдвигают [людей], не упуская способностей каждого; видят все дела в целом и творят должное. Дела сами собой совершаются, слова сами собой произносятся, и Поднебесная развивается. [Один] взгляд, взмах руки — и со [всех] четырех сторон народ прибывает. Вот это и называется мудрым правлением.

— Хотелось бы услышать о добродетельном человеке.

— Человек, [обладающий изначальными] свойствами, в покое не [знает] тоски, в действиях не [знает] опасений. [Он] не следует [учению] об истине и лжи, о красоте и безобразии. [Когда все] среди четырех морей наслаждаются общими благами — считает [это своей] радостью; получают общие дары — считает [это своим] покоем. [Без него народ] огорчается, как младенец, потерявший мать; отчаивается, как пешеход, сбившийся с дороги. Вещей [у всех] в изобилии, а откуда, неведомо; еды и питья вдоволь, а от кого, неизвестно. Таков облик человека, которого называют [обладающим изначальными] свойствами.

— Хотелось бы услышать о человеке, [обладающем] разумом.

— Человек, [обладающий] высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч {18} и исчезает вместе [со своим] телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив [тяготы всей] тьмы дел, наслаждается [радостью] неба и земли, и [вся] тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

Мын Отрицающий Душу {19} и Чичжан Полный Размышлений наблюдали за войском царя Воинственного {20}, и Чичжан Полный Размышлений сказал:

— [Воинственному] далеко до [Ограждающего] из рода Владеющих Тигром, [который] избежал подобной беды.

— Разве Ограждающий наводил порядок после смуты? [Ведь] он стал править, когда в Поднебесной царил порядок! — заметил Мын Отрицающий Душу.

— [Все] хотят, чтобы в Поднебесной царил порядок, — сказал Чичжан Полный Размышлений и спросил, — но по какой причине это доверили [Ограждающему] из рода Владеющих Тигром?

— [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром врачевал болячки на голове, — ответил Мын Отрицающий Душу.

— Лысым раздавал волосы, больных стремился вылечить. [Как] почтительный сын, пользовался снадобьями, чтобы укрепить [здоровье] милостивого отца, и тот совершенно исхудал. Мудрый человек этого бы постыдился. Во времена настоящего порядка добродетельных не превозносили, способными не распоряжались. Высшие походили на верхушку дерева, а народ — на вольного оленя. [Люди] были прямыми и честными и не ведали, что это справедливость; любили друг друга и не ведали, что это милосердие; были искренними и не знали, что это верность; [делали то, что] следует, и не ведали, что это доверие; работали и помогали друг другу и не ведали, что это благодеяние. Поэтому-то [они] ходили, не оставляя следов, вершили дела, но не рассказывали [о них] преданий {21}.

Почтительный сын, [который] не льстит своим родителям, верный слуга, [который] не льстит своему государю, — таковы совершенные слуга и сын. [Того, кто] поддакивает каждому слову родителей, [одобряет] каждый [их] поступок, в народе зовут негодным сыном. [Того, кто] поддакивает каждому слову государя, одобряет каждый [его] поступок, в народе зовут негодным слугой. И все же не знают, что такова необходимость. Ведь не зовут льстецом того, кто одобряет как истину [все], сказанное в народе, считает хорошим [все], названное [в народе]! Значит ли это, что к народу относятся с большим почтением, чем к родителям, с большим уважением, чем к государю? [Стоит] назвать кого-либо угодником, и сразу же бросят гневный взгляд; [стоит] назвать кого-либо льстецом, и сразу же бросят недовольный взгляд, а [между тем] на всю жизнь остаются угодниками, на всю жизнь остаются льстецами. Нанизывая сравнения, разукрашивая речи, собирают толпы [слушателей], и [никто] их ни в начале, ни в конце, ни главных, ни второстепенных не предаст всех вместе суду. В длинных разноцветных халатах принимают различные позы, чтобы пленить своих современников, но не называют себя угодниками и льстецами. Становясь учениками, вслед за наставником твердят об истинном и ложном, но не считают себя людьми дюжинными. [Таково] круглое невежество. Тот, кто понимает свое невежество, [уже] не совсем невежда; тот, кто понимает свое заблуждение, [уже] не заблуждается [столь] глубоко. От глубокого заблуждения не освободиться всю жизнь; круглому невежде не измениться до смерти. [Когда], один из троих потерял дорогу, [они] еще могут прийти к цели, [ибо] заблудившихся меньшинство. [Когда же] двое [из них] потеряли дорогу, путь [их] не приведет к цели, [ибо] победят заблудившиеся. Ныне же заблудились [все] в Поднебесной. Я и зываю, но не могу обрести отклика. Как это печально! Возвышенный голос не трогает слуха односельчан. [Заслыша] «Ломаем тополь», «Яркие цветы» {22}, [они] хохочут. По этой-то причине высокие речи не задерживаются в сердцах дюжинных людей. [Когда же] не звучат слова истины, верх берут пошлые речи. [Удары] по паре глиняных горшков заглушат колокол, и не достигнешь цели. Ныне же оглушены [все] в Поднебесной. Я зываю, но не могу обрести отклика. Настаивать, зная, что не обретешь [отклика], еще одно заблуждение. Поэтому лучше их оставить и не продолжать поисков. Перестану искать, — кто же разделит [со мной] печаль?

У Прокаженного в полночь родился сын. [Он] поспешил взять огня и стал пристально всматриваться, боясь лишь, чтобы сын [не оказался] на него похожим.

От столетнего дерева отрубили [часть ствола], сделали жертвенный сосуд и украсили его черным и желтым орнаментом. Обрубок же бросили в канаву. Сравним жертвенный сосуд с обрутком в канаве и [увидим], сколь различны красота и уродство. Но и сосуд и обрубок равно утратили свою природу. По-разному осуществляют справедливость [разбойник] Чжи и Цзэн-цзы с Хронистом [Ю], однако [все] трое в равной мере утратили свою природу. Ведь для утраты [своей] природы существует пять [возможностей]. Первая — пять красок, которые расстраивают зрение, лишают глаза зоркости; вторая — пять тонов, которые расстраивают слух, его притупляют; третья — пять запахов, от которых ослабляется обоняние и закладывает нос; четвертая — пять прятностей, от которых теряются и извращаются вкусовые ощущения; пятая — смущающие сердца пристрастие и неприязнь, от которых [изначальная] природа разлетается, [словно пыль]. Все эти пять [возможностей] — враги жизни. А тут еще начали отделяться Ян [Чжу] и Мо [Ди], считая, что [именно] они обрели [истину]. Я же не называю это обретением [истины]. Разве можно назвать обретшим [истину] того, кто бедствует? Ведь тогда Сова или Голубка, очутившись в клетке, также могут считать это обретением? Тем более что пристрастие и неприязнь, звуки и краски [служат им], чтобы отгородиться от внутреннего; а кожаная шапка с перьями зимородка, памятная дщица и широкий пояс {23} ограничивают их во внешнем. Внутреннее отгорожено клеткой, а внешнее — рядами шнуров. Для тех, кто красуется в шнурах, да еще считает это обретением [истины], это такое же обретение, как для преступника — веревки на руках и тиски, сжимающие пальцы; а для тигров и барсов — мешки и загонь.

Глава 13 ПУТЬ ПРИРОДЫ

В пути природы [все] движется, ничто не застаивается, поэтому и возникает [вся] тьма вещей. В пути предков [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [к ним] и обращаются [все] в Поднебесной. В пути мудрых [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [все] среди морей [им] покоряются. Кто познал природу, постиг мудрость, [все] шесть явлений и четыре времени года, свойства предков и [древних] царей, тот [предоставляет все] самодвижению и, не проявляясь, всегда [сохраняет] покой.

Покой мудрого не означает, что покой — это добро, и оттого [он] покоен. [Вся] тьма вещей не заслуживает того, чтобы [из-за нее] тревожить сердце, поэтому [он] и покоен. [Когда] вода в покое, [в ней] виден ясно [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода чистая, то тем более [чист] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей {1}. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах. Поэтому предки, [древние] цари и мудрые мужи оставляли [деятельность]. Оставив [деятельность], очистившись до пустоты, [наполнялись] сущностью, а сущностью и [определяли] людские порядки. Пустота [влечет за собой] покой, покой — движение, движение — восприятие. Покой [влечет за собой] недеяние, недеяние — ответственность за [свое] дело. Недеяние [влечет за собой] удовлетворение, удовлетворение не оставляет места ни горю, ни печали, [а дает] долголетие. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — основа [всей] тьмы вещей. Те, кто понял это, становились лицом к югу — и государем стал Высочайший; те, кто понял это, становились лицом к северу — и советником стал Ограждающий. Встать с помощью [основы] над всеми — таково достоинство предка, [древнего] царя, Сына Неба. Остаться с ее помощью внизу — таков путь скрывающегося мудрого, не коронованного царя. Уединиться с ее помощью {2} и уйти странствовать — таков [путь] мужей на реках и морях, в горах и лесах. [Тот, кто] с ее помощью действует и успокаивает современников, приобретает великие заслуги, славное имя и объединяет Поднебесную. В покое становятся мудрецом, в движении — царем. [Того, кто] не действует, почитают; с тем, кто безыскусственен и прост, не сможет состязаться в красоте никто в Поднебесной. Ведь того, кто постиг свойства неба и земли, называем великим основателем, великим родоначальником. [Он] един с природой, а поэтому приводит к гармонии Поднебесную, [он] един с людьми. Быть в единстве с людьми — это наслаждение человеческое, быть в единстве с природой — это наслаждение естественное.

Чжуанцзы сказал:

— О мой учитель! О мой учитель! Крошишь [всю] тьму вещей, а не жесток; возвращаешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не тленен. Это и называется естественным наслаждением. Поэтому и говорится: «Для того, кто познал естественное наслаждение, жизнь — проявление природы, смерть — изменение вещи». В покое у него те же свойства, что у [силы] холода; в движении у него такие же волны, как у [силы] жара {3}. Поэтому для того, кто познал естественное наслаждение, нет ни гнева небес, ни людского порицания, ни бремени вещей, ни кары душ предков. Поэтому и говорится: «В его движении — небо, в его покое — земля. Сердцем в едином утвердился и царствует в Поднебесной, души предков [ему] не вредят, [его] не утомляют». Сердцем в едином утвердился, и [ему] покорится [вся] тьма вещей. [Если] слова исходят из пустоты и покоя, достигают неба и земли, проникают во [всю] тьму вещей, это называется естественным наслаждением. Естественное наслаждение — это стремление мудрого, который пасет [всех] в Поднебесной.

Родоначалники свойств предков и [древних] царей — это небо и земля; хозяева их — свойства пути, постоянное в них — недеяние. При недеянии брали у Поднебесной и оставался избыток, при деянии давали Поднебесной и [все] не хватало. Поэтому-то древние и ценили недеяние. [Если] высшие [держались] недеяния и низшие [держались] недеяния, то низшие приобретали те же свойства, что и высшие. Когда низшие приобретали те же свойства, что и высшие, не [оставалось] слуг {4}. [Если] низшие [держались] деяния и высшие [держались] деяния, то высшие обретали тот же путь, что и низшие. Когда высшие обретали тот же путь, что и низшие, не [оставалось] хозяина. Высшим необходимо недеяние, и [они] берут у Поднебесной; низшим необходимо деяние и [они] дают Поднебесной — таков неизменный путь. Поэтому древние, царствуя в Поднебесной, не заботились [ни о чем], хотя и охватывали своими знаниями небо и землю; не говорили, хотя своим красноречием [могли] вылепить [всю] тьму вещей; не действовали, хотя были способны [совершить] все среди морей. Небо не рождает, а [вся] тьма вещей [сама] развивается; земля не выращивает, а [вся] тьма вещей [сама] вскармливается. Предки и [древние] цари [держались] недеяния, а [все] в Поднебесной завершалось. Поэтому и говорится: «Нет ничего священнее неба, нет ничего богаче земли, нет ничего величественнее предков и [древних] царей». Поэтому и говорится: «Предки и [древние] цари в свойствах равны небу и земле». Таково учение о том, как оседлать небо и землю, как погонять [всю] тьму вещей и применять массу людей.

Корень в высшем, верхушка в низшем; основное за хозяином, подробности за слугой. В движении трех армий и [воинов] пяти родов оружия {5} — верхушки свойств. В наградах и карах, выгоде и ущербе, в приговоре к пяти наказаниям — верхушки обучения. В обрядах и законах, мерах и числах, телах и названиях, изучении и сравнении — верхушки управления. В звуках колокола и барабана, в красоте перьев и [бычьих] хвостов — верхушки радости. В плаче и причитаниях, траурных одеждах, пышных или скудных — верхушки горя. Таковы [все] пять верхушек, но чтобы за ними следовали, необходимо движение разума, необходимо движение сердца. Учение о верхушках было у древних, но [его] вовсе не ставили на первое место. Благородный муж начинает, слуга [за ним] следует; отец начинает, сын [за ним] следует; старший брат начинает, младший — следует; старшие начинают, а младшие — следуют; мужчины начинают, а женщины — следуют; муж начинает, а жена — следует. Ведь в том, что впереди шествуют более почитаемые, а за ними — менее почитаемые, — порядок неба и земли. Поэтому мудрые [ему] и подражали. Священное и мудрое [в том, что] небо наверху, а земля внизу: порядок четырех времен года в том, что весна и лето сначала, а за ними осень и зима; развитие в том, что [вся] тьма вещей изменяется, приобретает форму, зарождаюсь и отделяясь, и умирает, отцветая и увядая. [Если] у самых священных — неба и земли — есть порядок высшего и низшего, первого и второго, то тем более [он должен быть] в пути людском. Порядок великого [людского] пути таков; в родовом храме почитают предков, при дворе — высших, в общине — старейших, в делах — добродетельных. Говорить о пути и отрицать его порядки — [означает] отрицать сам путь. [Если] отрицать путь, как же можно им пользоваться? По этой причине в древности те, кто постиг великий путь, начинали постижение с природы [неба], а затем переходили к природным свойствам; от природных свойств переходили к милосердию и справедливости; от милосердия и справедливости — к разделению по рангам и обязанностям; от разделения по рангам и обязанностям — к телам и названиям; от тел и названий — к назначению на должности по способностям; от назначения по способностям — к наблюдению и расследованию; от наблюдения и расследования — к одобрению и порицанию; от одобрения и порицания — к наградам и наказаниям; постигнув награды и наказания, отвели должное место умным и глупым, утвердили положение благородных и презренных. Милосердные, добродетельные и неумелые по [своей] сущности строго делились по способностям, строго отвечали названию. Так вот служили высшим, так вот пасли низших, так вот управляли вещами, так вот совершенствовались самих себя. Не прибегая ни к знаниям, ни к замыслам, непременно обращались к природе. Это и называлось поистине мирным правлением.

В древних преданиях говорится: «есть тела, есть и названия». Тела и названия {6} были [еще] у древних, но их не ставили на первое место. [Когда] древние рассуждали о великом пути, то могли упомянуть о телах и названиях в [числе] пяти изменений, могли упомянуть и о наградах и наказаниях в [числе] девяти изменений. На первое место ставит тела и названия [тот, кто] не знает их основы; на первое место ставит награды и наказания [тот, кто] не знает, где их начало. Рассуждают, извращая путь, разглагольствуют, противореча пути, — такие могут [лишь] управляться людьми, но разве способны управлять людьми? Те, кто на первое место ставит тела и названия, награды и наказания, познали орудия управления, но им неведом путь управления. [Они] могут быть использованы Поднебесной, но недостойны использовать Поднебесную. Таких называют софистами и педантами. У древних были обычаи и законы, меры и числа, тела и названия, изучение и сравнение. С их помощью низшие служили высшим, но не высшие пасли низших.

В старину Ограждающий спросил Высочайшего:

— Какие старания прилагаешь [ты], небесный государь?

— Я не кичусь перед беспомощными, не бросаю бедных, — ответил Высочайший. — Оплакиваю умерших, радуюсь новорожденным, жалею женщин. Вот так и стараюсь.

— Прекрасно-то прекрасно, — сказал Ограждающий. — Но не величественно.

— А как нужно? — спросил Высочайший.

— [Как] покой, который приносят небесные свойства. С таким же постоянством, с которым светят солнце и

луна, сменяют [друг друга] времена года, день и ночь, с которым движение облаков дает дождь.

— [Сколько] беспокойства! [Сколько] тревоги! — воскликнул; Высочайший. — Ты в единстве с Небом, я же в единстве с людьми.

Ведь древние почитали великими небо и землю, восхищались Желтым Предком, Высочайшим и Ограждающим. Но разве в древности царившие в Поднебесной действовали? [Следовали] за небом и землей и только.

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги {7} в чжоуском хранилище, а Цзылу [ему] сказал:

— [Я], Ю, слышал, среди летописцев в Чжоу был Лаоцзы, [но он] отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли [к нему] за помощью, [если вы], учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лаоцзы, но тот отказался [помочь], и [Конфуций] стал [его] убеждать, излагая [все] двенадцать основ {8}.

— Слишком пространно, — прервал его Лаоцзы и сказал, — хочу услышать самое важное.

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? — спросил Лаоцзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лаоцзы, — что [вы] называете, милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со [всеми] вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лаоцзы. — [Если вы], учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы [должны желать ей] постоянства [такого же], как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут [расти] вверх. [Если бы вы], учитель, действовали, подражая [их] свойствам, следовали [их] путем, то уже [достигли бы] истинного. К чему же столь рьяно вешать о милосердии и справедливости, точно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Ах, [вы], учитель, вносите смуту в характер человека!

Муж [по прозванию] Филигранщик {9} увиделся с Лаоцзы и спросил:

— Я слышал, что [вы], учитель, мудрый человек, и поэтому пришел [с вами] повидаться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошел [мимо] сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — не милосердно. У [вас] полно и сырого и вареного, а [вы] собираете и накапливаете без предела.

Лаоцзы с безразличным видом промолчал. На другой день Филигранщик снова увиделся с Лаоцзы и сказал:

— Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня мое сердце искренне [от этого] отказывается?

— Я сам считал, что избавился [от тех, кто] ловко узнает проницательных и мудрых, — ответил Лаоцзы. — [Если бы] вчера вы назвали меня Волком, [и я] назвался бы Волком; назвали бы меня Конем, [и я] назвался бы Конем. Если, встретив какую-то сущность, кто-то дает ей название; [то], не приняв названия, примешь, от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая [его] тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же [мне] совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лаоцзы. — Лоб [у тебя] высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи, умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, познал [все] хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет [тебя] достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

Учитель {10} сказал:

— Путь в огромном не исчерпывается, в мельчайшем не отсутствует. Поэтому-то [он] представлен полностью во [всей] тьме вещей. Обширный-обширный, [он] все в себе объемлет. Глубокий, — он неизмерим. Тела же, их свойства, милосердие, справедливость — [лишь] верхушки разума. Кто кроме настоящего человека способен его определить? Разве мир, которым обладает настоящий человек, не велик? А ведь считает [мир] недостойным, чтобы возложить на себя его бремя. Настоящий человек не идет вместе с теми, кто борется за рукоять <власти в> Поднебесной. Изучая, [он] отвергает ложное. Не идет вместе с теми, кто гонится за выгодой. [Познает] до конца истинную [природу] вещей и способен соблюсти их основу. Поэтому относится к небу и земле [как] к внешнему, покидает [всю] тьму вещей и никогда ничем не отягощает разум. Проникая в путь, сливаясь с [его] свойствами, отвергая милосердие и справедливость, изгоняя церемонии и музыку, — так утверждает настоящий человек [свое] сердце.

Речи, которые в мире ценят, записывают. Записи — это лишь речи. В речах есть ценное. Ценится в речах мысль. [Но] мысль за чем-то следует, [а] то, за чем мысль следует, нельзя передать словами. Однако в мире, цена речи,

передают [их] записями. Пусть в мире их ценят, я все же [считаю, что они] этого не достойны {11}. Ведь ценят их не за то, что в них ценного. Ибо [когда] смотрят, видны [лишь] форма и цвет; [когда] слушают, слышны [лишь] название и голос. Увы! Люди в мире считают форму и цвет, название и голос достаточными, чтобы постичь природу другого; а воистину формы и цвета, названия и голоса недостаточно, чтобы постичь природу другого. Разве в мире понимают, [что] «знающий не говорит, говорящий не знает» {12}?!

Хуаньгун читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова, [вы], государь, распеваете?

— Слова мудрецов, — ответил царь.

— Живы ли [те] мудрецы?

— Уже умерли. — Значит государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь [ты], колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю [я], единственный? [Если] есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— [Я, ваш] слуга, отнесся к этому, как к своему делу, — ответил Маленький. — Если [я] работаю медленно, [мне] легко, но [колесо] получается непрочным. [Если] спешу, [мне] тяжело, а [колесо] не прилаживается. [Когда же] не спешу и не медлю, то овладеваю [мастерством] руками, и откликаюсь сердцем {13}. [Но] уста мои безмолвствуют — в этом есть [какой-то] секрет {14}. [Я, ваш] слуга, не могу в притче [передать его] сыну. Сын [мой, вашего] слуги, также не способен воспринять его от [меня, вашего] слуги. Оттого-то, проработав семь десятков лет, [я] все еще мастерю колеса. Тем менее способны передать [свое мастерство] древние люди. [Они] мертвы, и значит то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей.

Глава 14

ВРАЩАЕТСЯ [ЛИ] НЕБО?

— Вращается ли небо? Покоится ли земля? Борются ли за [свое] место солнце и луна? Кто-нибудь это направил? Кто-нибудь эти связи установил? Кто-нибудь от безделья [их] толкнул и привел в движение? Значит ли это, что [их] принудила скрытая пружина? Значит ли это, что [они] не могут сами остановить свое движение? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто-нибудь посылает эти обильные даяния? Кто-нибудь все это подталкивает, развлекаясь от безделья? Ветер, возникнув на севере, дует то на запад, то на восток, блуждает в вышине. Это чье-либо дыхание? Кто-нибудь от безделья приводит [его] в волнение? Дозвольте спросить: каковы [для этого] причины? {1}

— Подойди! Я тебе поведаю, — ответил Колдун Всех Призывающий {2}. — В природе существуют шесть полюсов и пять элементов. [Когда] предки и цари с ними считались, царил порядок; шли им наперекор, случалась беда. Когда появились из [реки] Ло девять [начертаний] {3}, порядок установился совершенный, свойства [обрели] полноту. [Предки], как зеркальное отражение, освещали [все] внизу на земле. [Все] в Поднебесной их поддерживали. Они-то и назывались высшими предками.

Дан, главный жрец, [ведавший] закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуанцзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки {4}, — ответил Чжуанцзы.

— Что это значит?

— Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— [Я], Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет и сыновней почтительности. Ведь не может быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— [Нет], это не так, — ответил Чжуанцзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить [исходя из] сыновней почтительности. В [твоих же] словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин {5} с юга, не замечают на севере [гору] Миншань? Оттого, что [она] далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о тебе легче, чем [самому] забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь [обладающий] свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается недеянию. Блага [его] распространяются на тьму поколений, а Поднебесная [о нем] и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — [люди] заставляют себя служить собственной добродетели, большего [все это] не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменяется.

Совершенный от Северных Ворот {6} сказал Желтому Предку:

— [Вы], владыка, исполняли мелодию «Восход солнца» {7} на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение, взволнованный, молчал и [долго] не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок. — Я сложил [эту] мелодию с помощью человеческого, настроил [цинь] с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. [Ведь] настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству [всю] тьму {8} вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается [вся] тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением [дел] гражданских и военных {9}. [Эфир] прозрачный и [эфир] мутный [с помощью сил] жара и холода гармонически соединяются, в потоках света [слышится] их звучание. [Чтобы] насекомые очнулись от спячки, я пробуждаю их раскатами грома {10}. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — [эти явления] постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны, поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую [силы] жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки то прерывистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются [все они] в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине — [звуки] наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. [Размах] мелодии определяется объемом вещи; преграды [все] щели — и сохраняется [ее] сила. Она широка и свободна, название ее высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке {11}, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял [я] на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел [всего] достичь, и тело наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и [ты] успокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. [Звуки] следовали беспорядочно, бесформенные, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко, но не растягиваясь, сумрачная, смутная, [почти] беззвучная, [она] ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении [она] рассеивалась, перемещалась, не придерживаясь постоянного. В мире в ней сомневались, [предоставляя] мудрому [ее] изучать. Мудрый же постигал [ее] природу, а следовал естественности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а [все] пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем {12} ее и [прославил] в гимне {13}.

Вслушайся — звука ее не услышишь.

Формы ее не увидишь, всмотревшись.

Небо заполнит, наполнит и землю,

Шесть полюсов обнимая собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию [я] начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова [заиграл] ленивее, [ты] предался бездействию, поэтому [все] и отступило. В заключение же [я] вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

[Когда] Конфуций странствовал на Западе в Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Золотому {14}:

— Что думаете [вы] о поступках учителя?

— [Твой] учитель зашел в тупик. Как жаль! — воскликнул наставник Золотой.

— Почему? — спросил Янь Юань.

— [Пока при обряде] соломенное чучело собаки {15} еще не показывали, — ответил наставник Золотой, — ее укладывают в корзину, покрывают узорчатым платком, а Покойник и жрец, чтоб приблизиться к ней, соблюдают пост. А после обряда, когда это чучело выбросят, прохожие топчут ему голову и спину, солому же просто сжигают, готовя пищу. [Если кто-нибудь] снова подберет [чучело собаки], уложит в корзину, покроет узорчатым платком и, странствуя, будет под ней спать, ему приснится кошмар или [он] засорит себе глаза. Ныне же [твой] учитель опять подбирает залежалые чучела собак [времен] древних царей, сзывает учеников, [с ними] странствует и спит под чучелом. Поэтому-то на него свалили дерево в Сун, [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу — разве это не было кошмарным сном? [Он] был осажден между Чэнь и Цай, семь дней [оставался] без горячей пищи, на грани смерти — разве это не было засорением глаз? Ведь по воде лучше всего передвигаться в лодке, а по суше — в повозке. В лодке можно передвигаться по воде, но толкать лодку по суше {16} не значит ли за всю жизнь не сделать ни шага? Разве древность не отличается от нашего времени, как вода от суши? Разве чжоуские порядки не отличаются от луских, как лодка от повозки?

Применять ныне в Лу чжоуские порядки — не то же ли, что толкать лодку по суху? Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций не ведаёт, что движение безгранично, что, соответствуя вещам [все развитие] бесконечно. Разве ты не видел [колодезного] журавля? Черпаешь [воду] — нагибается, отпустишь — поднимается. Ведь человек его нагибает, а не [он] нагибает человека. Поэтому его поклоны не могут обидеть людей. [Так же и] обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков уважали не за то, [что] они были одинаковыми, а за то, что отвечали порядку. Поэтому сравнивать обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков то же, что уподоблять [друг другу] резань и грушу, мандарин и помелон: [хотя] все они съедобны, но вкус у всех различный. Так же и обряды, долг, законы, меры изменяются в соответствии с временем. [Если же] ныне оденем обезьяну в платье Чжоу гуна {17}, она непременно станет кусать, грызть, тащить, рвать [платье] и не успокоится, пока [его с себя] не стащит. Изучая различия между древностью и современностью, [видим, что] они подобны различию между обезьяной и Чжоу гуном. В старину [красавица] Си Ши из-за боли в сердце хмурилась при всех в селении. На нее залюбовалась некая Уродина и, вернувшись к себе [домой], также стала хвататься за сердце и хмуриться при всех в своем селении. Однако богачи, завидя ее, запирали накрепко ворота и не показывались, а бедняки завидя ее, уходили прочь, уводя с собой жен и сыновей. Уродина поняла [лишь], что хмуриться красиво, но не поняла, почему красиво. Жаль! И [твой] учитель оказался в [таком же] тупике!

Конфуций дожил до пятидесяти лет и одного года, а не слышал о пути. Тогда [он] отправился на юг, достиг Пэй, увиделся с Лаоцзы и тот [его] спросил:

— Ты пришел? Я слышал, что ты добродетельный с Севера. Ты также обрел путь?

— Еще не обрел, — ответил Конфуций.

— Как же ты его искал? — спросил Лаоцзы.

— Я искал его в мерах и числах, но за пять лет [так и] не обрел,

— Как же ты еще искал?

— Я искал его в [силах] жара и холода, но за десять лет и два года [так и] не обрел.

— Так, — сказал Лаоцзы. — Если бы путь можно было подносить [в дар], каждый поднес бы его своему государю; если бы путь можно было подавать, каждый подал бы его своим родителям; если бы о пути можно было поведать другим, каждый поведал бы о нем своим старшим и младшим братьям; если бы путь можно было вручать другим, каждый вручил бы его своим сыновьям и внукам. Но этого сделать нельзя по той причине, что [путь] не задержится [у того, у кого] внутри нет главного; не подойдет [тому, кто] внешне [ему] не пара. [Если путь] исходит изнутри, [то] не воспринимается извне, [от] мудрого человека не изойдет; [если] входит извне, [то] не станет главным внутри, и мудрый человек [его] не прячет.

Слава — общее достояние, много [от нее] забирать нельзя. Милосердие и справедливость — [это словно] постоянный двор древних государей, [там] можно разок переночевать, долго жить нельзя, многие встречные [будут] укорять. Настоящие люди древности проходили дорогой милосердия, останавливались на ночлег у справедливости, чтобы странствовать в беспредельной пустоте, кормиться от небольшого поля, обрабатывать незаложённый огород, [жить] на приволье, в недеянии. От небольшого [поля] легко прокормиться, с незаложённого [огорода] не отдавать {18}. Древние это называли странствиями в сборе истинного. Кто считает истинным богатство, не способен уступить жалованья; кто считает истинным славу, не способен уступить имени; кто любит власть, не способен отдать [ее] рукоять другому. [Тот, кто] держит [все] это в руках — дрожит; [кто] их отдает — страдает. Ни у кого [из них] нет зеркала, чтобы увидеть [себя]: тот, кто не прекращает, [становится] убийцей природного. Гнев и милость, взимание и возврат, советы и обучение, жизнь и казнь — эти восемь [действий] — орудия исправления. Но применять их способен лишь тот, кто следует за великими изменениями и ничему не препятствует. Поэтому и говорится: «Исправляет тот, кто [действует] правильно». Перед тем, чье сердце с этим не согласно, не откроются врата природы.

Конфуций встретился с Лаоцзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— [Если], провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лаоцзы, — то небо и земля, [все] четыре страны света поменяются местами. [Если] искусают комары и москиты, не заснешь всю ночь. [Но] нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости {19} — [она] возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к [природным] свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во [все] неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не стоит того, чтобы о ней спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и [стараются] дать друг другу влагу дыханием, слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге в [просторах] рек и озер.

Повидавшись с Лаоцзы, Конфуций вернулся [домой] и три дня молчал.

— С чем [вы], учитель, вернулись от Лаоцзы, — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона {20}, — ответил Конфуций. — Дракон свернулся [в клубок], и образовалось

тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от [сил] жара и холода. Я разинул рот и не мог [его] закрыть. Как же мне подражать Лаоцзы!

— В таком случае, — спросил Цыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешностью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и [я], Сы, [его] увидеть? — и от имени Конфуция [Цыгун] встретился с Лаоцзы.

Лаоцзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и [я] ухожу. От чего вы [хотите] меня предостеречь?

— Почему только [вы], Пржедерожденный, считаете, что три Царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цыгун. — Ведь [они] управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Почему ты считаешь, что [управляли] по-разному?

— Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цыгун. — Молодой Дракон применял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный {21} покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел [ему] покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Я тебе поведаю, [как] управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству, [Когда] родители умирали, [дети] их не оплакивали и народ [их] не порицал. При Высочайшем в сердцах людей Поднебесной [появились] родственные чувства. [Если] из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее [значение] смерти чужих [родителей], народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной [зародилось] соперничество. Женщины родили после десяти лун беременности, дети пяти лун от рода могли говорить; еще не научившись [смеяться], начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились. У людей появились страсти, а [для применения] оружия — обоснования: убийство разбойника не [стали считать] убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную [для каждого из них свою]. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы и моисты. От них пошли правила отношений между людьми, а ныне еще и [отношений] с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять предков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания были более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь сяньгуй{22}. Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, [они] сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цыгун в замешательстве и смущении остался стоять [на месте].

Конфуций сказал Лаоцзы:

— [Я], Цю, считаю, что давно привел в порядок шесть основ: песни, предания, обряды, музыку, гадания, [хронику] «Весна и осень». Достаточно хорошо понял их причины, чтобы обвинить семьдесят двух царей, истолковать путь ранних государей, выяснить следы [деяний] Чжоу [гуна] и Шао [гуна]. Но ни один царь ничего [этого] не применил. [Как] тяжело! [Как мне], учителю, трудно убеждать, [как] трудно разъяснять учение!

— К счастью, ты не встретился с царем, который управляет современным миром, — сказал Лаоцзы. — В шести основах — следы деяний ранних государей. Но разве в них [говорится о том], как следы проложены? Слова, сказанные тобою ныне, — также следы. Ведь следы остаются и от башмаков, но разве следы — это сами башмаки?

Ведь белые цапли зачинают, [когда] смотрят друг на друга, и зрчки [у них] неподвижны; насекомые зачинают, [когда] самец застрекочет сверху, а самка откликнется снизу {23}; лэй [будучи] и самцом и самкой, [сам] от себя зачинает. [Природные] свойства не изменить, жизнь не переменить, время не остановить, путь на преградить. Постигнешь [законы] пути, и все станет возможным, утратишь — ничего не добьешься.

Конфуций не показывался три луны, затем, снова увидевшись [с Лаоцзы], сказал:

— [Я], Цю, это давно постиг! Ворона и сорока высиживают яйца; рыбы зачинают, смазываясь слюной; оса переплощается <в другое насекомое> {24}, [когда] родится младший брат, старший брат заплачет {25}. Ведь [я], Цю, не превращался вместе [с путем] в человека. [А если] не превращался в человека вместе [с путем], как же могу поучать [других]?

— Хорошо! [Ты], Цю, это постиг! — ответил Лаоцзы.

Глава 15

ПОЛНЫЕ СУРОВЫХ ДУМ

Полные суровых дум {1} и возвышенных дел покидают мир, отвергают [все] пошлое; рассуждая о высоком, возмущаются и порицают [других] — надменные и только. Так любят поступать мужи, [скрывающиеся] в горах и долинах, презирающие современников, высыхающие, словно дерево, или уходящие в пучину.

Произносят речи о милосердии и справедливости, о преданности и доверии, почтительности и скромности, о том, как отказываться от [власти] и передавать [престол], — совершенствуются сами, и только. Это любят мужи,

успокаивающие мир, — те, кто обучает и поучает, странствующие ученики.

Произносят речи о великих подвигах, громкой славе, о церемониях между государем и советником, об исправлении [отношений] между высшими и низшими — [стараются] ради управления и только. Это любят мужи придворные, что благоговеют перед государем, укрепляют [свое] царство, захватывают [чужие царства] и добиваются [признания] заслуг.

[Находя] пристанище на болотах и озерах, поселяясь в безлюдных местах, удят рыбу, наслаждаются праздностью, предаются недеянию, и только. Это любят мужи на реках и морях, удалившиеся от мира, те, кто предается праздности.

Вдыхая <прохладу>, выдыхая <тепло>, [упражняют] дыхание, освобождаясь от старого, воспринимая новое, висят на деревьях, [точно в спячке] медведи, вытягиваются, [точно] птицы, ради долгих лет жизни, и только. Это любят мужи, проводящие [в себе] путь, питающие [свое] тело, [добиваясь] долголетия Пэн Цзу.

Но все [самое] прекрасное последует за тем, кто [способен] стать возвышенным без суровых дум, совершенствоваться без милосердия и справедливости, править, не добиваясь заслуг и славы пребывать в праздности, не [удаляясь] к рекам и морям, живя долго, не проводя [в себе] пути, забывать обо всем и всем обладать, становиться безмятежным без предела. Таков путь неба и земли, таковы и свойства мудрого. Поэтому и говорится: «Безмятежность и безразличие, покой и уединение, пустота и недеяние — таково равновесие неба и земли, [такова] сущность природных свойств».

Поэтому и говорится: «Мудрый в покое». В покое, поэтому ровен и свободен. Ровный и свободный становится безмятежным и безразличным. К ровному, свободному, безмятежному и безразличному не вторгнутся ни горе, ни беда, его не захватят врасплох вредные пары. Поэтому свойства его целостны, а разум не страдает. Вот и говорится: «Жизнь мудрого человека — движение природы, смерть его — изменение вещи». В покое свойства [его] такие же, как у [силы] холода; в движении [у него] такие же волны, как. у [силы] жара. [Он] не опередит другого ни ради счастья, ни из-за беды. Лишь восприняв, откликнется; лишь вынужденный шевельнется; лишь поневоле поднимется; отбросив знания и житейскую премудрость, следует естественным законам, поэтому [для него] нет ни стихийных бедствий, ни бремени вещей, ни людских укоров, ни кары душ предков. Он живет, будто плывет по течению; умирает, словно уходит отдыхать; не мыслит и не заботится, не предвидит и не рассчитывает; светлый, но не блесит; доверяет, не назначая срока. Он спит без сновидений, бодрствует без печали, его разум чист, его душа не устает. Пустой и отсутствующий, безмятежный и безразличный, [он] соединяется с природными свойствами. Поэтому и говорится: «Печаль и веселье [причиняют] зло свойствам, радость и гнев [ведут] к ошибкам в пути, любовь и ненависть [приносят] ущерб свойствам». Поэтому [иметь] сердце, свободное и от печали, и от веселья, — это высшее в свойствах; быть единым и неизменным, — это высшее в покое; не противиться — высшее в пустоте; не общаться с [другими] вещами — высшее в безразличии, не выражать недовольства — высшее в чистоте. Поэтому и говорится: «[Если] утруждать [свое] тело без отдыха, это [приведет к] износу; [если] расходовать свое семя без предела, — это [приведет к] изнурению {2}, изнурение [ведет] к истощению». Вода, — чистая, [если] нет примеси; ровная, [если] не движется; непроточная, стоячая [вода] не может [сохранить] чистоты. [Таков] образ природных свойств. Поэтому и говорится: «Простой и чистый, без примеси, неизменный в покое и единстве, безразличный, предающийся недеянию — в движение приводится природой». Таков путь, питающий разум. Ведь обладатель меча из Гань [или] Юэ {3}, не смея к нему прибегать, вложил его в ножны и спрятал. [Таково] высшее [в использовании] сокровища. Разум движется одновременно во [всех] четырех направлениях и ничем не ограничивается. Наверху — достигает неба, внизу — обвивается вокруг земли. [Но] для развития и питания [всей] тьмы вещей [его] нельзя считать образцом. Имя такого — равный предку. Чистейший и простейший путь сохраняет лишь разум. Сохраняет и не утрачивает [человек], единый с разумом. Пронизанный единой сущностью соединяется с правилами природы. Простая поговорка гласит: «Толпа дорожит выгодой, честный муж дорожит именем, добродетельный ставит высоко волю, мудрый же ценит сущность». Поэтому про чистого скажу, что он ни с чем не смешивается; про простого скажу, что он не наносит урона своему разуму; того же, кто способен воплотить в [своем] теле чистоту и простоту, назову настоящим человеком.

Глава 16

ИСПРАВЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР

Исправляющие характер {1} в стремлении вернуться к его началу [обращаются] к распространенным пошлым учениям. Погрязшие в страстях в стремлении обрести ясность характера [обращаются] к пошлым мыслям. Таких назову невеждами. Те, кто в древности приводил в порядок путь, накапливали знания посредством безмятежности. Знания рождались, но для действий не применялись. [Это] называется посредством знаний выращивать безмятежность. [Так] выращивали друг друга знания и безмятежность, и в гармонии с естественными законами появлялся их характер. Ведь свойства — это гармония, путь — естественные законы. Свойства вмещают в себе все, [в том числе и] милосердие; в пути все естественные законы, [в том числе и] справедливость. [Когда] понимают справедливость, вещи сближаются, [появляется] преданность. [Когда] с чистой сущностью обращаются к чувствам, [появляется] музыка. [Когда] доверие проявляется во внешнем облике и форме и

следует за красотой, [появляются] обряды. [Когда] обряды и музыка распространяются повсюду, в Поднебесной начинается смута. [Если] тот, кто исправляет [других], невежествен в своих свойствах, [его] свойства не распространяются. [Если же] распространяются, то вещи непременно утратят свой [природный] характер.

Люди древности еще при хаосе вместе со [всеми] современниками обретали безмятежность и спокойствие. [Силы] жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, [вся] тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим единством. В те времена не совершали деяний и постоянной была естественность. Когда же свойства стали ослабевать, в Поднебесной начали действовать Добывающий Огонь Трением {2} и Готовящий Жертвенное Мясо. [Люди] покорились, но утратили единство. Свойства упали ниже, и в Поднебесной начали действовать Священный Земледелец и Желтый Предок. [Люди] успокоились, но стали непокорными. Свойства упали еще ниже, и в Поднебесной начали действовать [Высочайший] из [рода] Гончаров {3} и [Ограждающий] из [рода] Владеющих Тигром. Тут расцвели управление, просвещение и [тому подобное]. Рассеяли простоту, загрязнили чистоту, ушли от пути ради добрых Дел, воздвигли преграды для свойств ради действий, а затем отказались от [природного] характера и последовали за [своими] взглядами. Сердце [одного] узнавало сердце [другого], и знания стали недостаточными для успокоения Поднебесной. А затем к этому добавили еще внешнюю красоту {4} и многознание. Внешняя красота уничтожила сущность, а многознание ослабило разум. И тогда в народе начались смуты и беспорядки, нельзя было вернуться к [природному] характеру и чувствам, вернуться к [их] началу. Отсюда видно, что мир потерял путь, а путь покинул мир. Мир и путь утратили друг друга. Как же могли владеющие путем поднять мир? Как же могли в мире поднять путь? Пути нечем было поднять мир, миру нечем было поднять путь. Даже если мудрый; не уходил в горы и леса, его свойства оставались скрытыми. Причина отнюдь не в том, что [он] сам скрывался. Те, кого в древности называли отшельниками, отнюдь не прятались и не скрывались, отнюдь не замыкали свои уста и не молчали, отнюдь не скрывали свои знания и [их] не обнаруживали. Это великое заблуждение [учения] о времени и судьбе {5}. Когда [учение] о времени и судьбе широко распространилось в Поднебесной, те, кто [стремился] возвратиться к единству, исчезли бесследно. Это не [учение] о времени и судьбе, а великое бедствие для Поднебесной! Тогда, уйдя в глубину [естественности], ожидали, храня высшее спокойствие. Таков путь к самосохранению. В древности те, кто хранил [в себе] путь, не приукрашивали свои знания красноречием, не терзали [всех] в Поднебесной своими знаниями, не истощали [своих] свойств знаниями. Им оставалось лишь остерегаться, пребывая в своем жилище, и [стараться] вернуться к своему [природному] характеру. Путь, конечно, не действует по мелочам, свойства, конечно, не познаются по мелочам. Малые знания вредят свойствам, а малые дела вредят пути. Поэтому и говорится: «Исправляй самого себя, и только». Радость целостности — это обретение желаемого. [Но] обретением желаемого в древности называли не [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки {6}, а только ту радость, к которой нечего добавить. Ныне же обретением желаемого называют [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки. [Но] колесница с высоким передком и парадная шапка принадлежат телу, не природному характеру. [Такие] вещи появляются случайно, на [какое-то] время. Временные — их приходу не воспрепятствовать, их ухода не остановить. Поэтому ради колесницы с высоким передком и парадной шапки нельзя давать волю [своим] желаниям, нельзя и прибегать к пошлости из-за нужды и стесненного положения. И в том, и в другом [случае] радость [должна быть] одинаковой. [Она] лишь в отсутствии печали. Ныне же уход временного лишает [человека] радости. Отсюда видно, что даже радость его была бесплодной. Поэтому и говорится: «Те, кто теряет себя в вещах, утрачивают в пошлом [природный] характер». Таких назову людьми, [которые все] ставят вверх ногами.

Глава 17

С ОСЕННИМИ РАЗЛИВАМИ

С осенними разливами сотни потоков переполнили Реку. [Она] разлилась так широко, что с одного берега и даже с островка не отличишь на другом берегу буйвола от коня. И тут Дядя Реки {1} возрадовался, считая, что у него [теперь] вся красота Поднебесной.

[Он] по течению двинулся к востоку и достиг Северного Океана. Взглянул на восток к не увидел воде конца. Тут Дядя Реки повертел головой, глядя на водный простор, вздохнул и обратился к [Северному Океану] Жо {2}: — Простая поговорка гласит: «О пути узнал одну частицу и мнит, что с ним никто уж не сравнится», — это сказано обо мне. Я слышал к тому же, как мало ценили знания Конфуция, как презирали Старшего Ровного за [приверженность] долгу. Раньше я [этому] не верил, ныне же [убедился], узрев, как ты неисчерпаем. Не дойди я до твоих ворот, мне грозила бы опасность еще долго терпеть насмешки тех, кто изучает великий путь.

Северный Океан Жо сказал:

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море {3} — [ее] предел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — [она] знает лишь [свое] время года. С ограниченным человеком не толкуй о пути, [он] связан [тем, чему его] обучили. Ныне, покинув [свои] берега, ты полюбовался великим океаном и понял свое ничтожество, [значит], с тобой можно поговорить о великом законе. В Поднебесной нет большего водного [пространства], чем океан. В

него устремляется тьма потоков — неведомо, когда остановятся, — а [он] не переполняется. Из него вытекает [пучина] Задние Ворота — неведомо, когда иссякнет, а [он] не осушается. [Океан] не меняется ни весной, ни осенью, не знает ни наводнений, ни засухи. Даже измерить нельзя, насколько он превосходит реки и потоки. Но все равно я никогда не считал себя огромным.

Сам [я] сравнивал себя с небом и землей, с [силами] жара и холода, от которых получал эфир, и рядом с небом и землей я [оказался] подобным камешку или деревцу на огромной горе. Увидев [себя] малым среди существующего, как мог [я] считать себя большим? Четыре моря в пространстве между небом и землей не походят ли на впадины от камней посреди большого болота? А Срединные царства в центре [четырех] морей не походят ли на зернышко в большом амбаре? Называя вещи, говорили: их тьма, к человеку же относили одно [название]. Людей всего девять областей, но [куда бы ни] проникали корабли и повозки, среди тех, кто питается зерном, человек был лишь одной [частью].

В сравнении с тьмой вещей не подобен ли человек кончику волоска на конской шкуре? {4} Вот к чему сводится все [значение] деяний пяти предков, борьбы царей трех династий, забот милосердных и хлопот служилых мужей. Вот почему [лишь] хвастовством [можно] считать и славу Старшего Ровного, отказавшегося от престола, и многознание Конфуция, [толковавшего] обо всем в речах. Не так ли и ты недавно хвастался массой [своих] вод? — В таком случае, — спросил Дядя Реки, — можно ли [считать] небо и землю [самым] большим, а кончик волоска [самым] малым?

— Нет! — ответил Северный Океан Жо. — Ведь время бесконечно {5}, качества вещей безграничны {6}, в [их] участии нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Поэтому-то [обладающие] глубокими познаниями наблюдают и за близким и за далеким; маленькое [для них] — не мало, большое — не велико; [так] узнают, что качества бесконечны. Доказательств ищут и в современности, и в древности; древними не тяготеют, [хотя они] и отдаленные; [современные] собирают, не становясь на цыпочки; [так] узнают, что время бесконечно. Изучают пустое и полное; обрета, не радуются; утратив, не печалются; [так] узнают, что в участии нет постоянства. Видя [жизнь как] ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; [так] узнают, что ни з конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человеком меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. [Если] с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает: «Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить»? — спросил повелитель Реки.

— Ведь [тот, кто], исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, — [его] не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо, — [тот, кто], исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, [его] не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить [их] легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению для счета: то, что нельзя охватить, не исчерпашь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от [величины] крупной или мелкой. Поэтому-то большой человек не стремится причинить вреда людям, [но и] не проявляет излишней [своей] благосклонности и милосердия. Не действует ради выгоды [и] не презирает раба у ворот. Не сутяжничает из-за имущества и товаров, [но и] не кичится, уступая или [от них] отказываясь. В делах не прибегает к чужой [помощи, и] не кичится тем, что кормится [собственными] силами, не презирает жадных и алчных. В своих поступках отличается от [людей] пошлых [и] не кичится таким отличием. Следуя за толпой, не презирает говорунов и льстецов. Ранги и жалование в мире не считает достойным поощрением; казни и позор не считает постыдными. Знает, что нельзя [точно] отделить правильное от неправильного, нельзя [точно] отличить малое от большого. [Я] слышал, что человек, [постигший] путь, остается неизвестным; что обладающий высшими свойствами [ничего] не обретает; что у великого человека нет самого себя — [таков] высший предел в ограничении [своей] доли.

— [Если не различать]: вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых? — спросил повелитель Реки.

— [Если] судить исходя из пути, — ответил Северный Океан Жо, — нет вещей благородных, нет презренных {7}. [Если] судить исходя из вещей, [то они] самих себя ценят, а других презирают. [Если] судить исходя из людских обычаев, [то] от самого [человека] не зависит, [быть ему] благородным или презренным.. [Если] судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то [вся] тьма вещей окажется большой; [если] называть малыми тех, кого считают малыми, то [вся] тьма вещей окажется малой. [Так] узнаешь, что небо и земля — зернышко; [так] узнаешь, что кончик волоска — холм или гора. Так сравнивают по относительной величине. [Если] судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у [всей] тьмы вещей окажутся заслуги; [если] отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у [всей тьмы] вещей [заслуг] не окажется. [Так], узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, [можно] определить роль [каждого как] части. [Если] судить исходя из интересов [каждого] и одобрять тех, кого одобряют, то всю тьму вещей придется одобрить; [если] осуждать тех, кого

осуждают, то всю тьму вещей придется осудить. [Так], узнав, что Высочайший и Разрывающий на Части каждый себя одобрял, но один другого порицал, [можно] увидеть, как властвовали [собственные] интересы. В старину Высочайший и Ограждающий уступили трон и остались предками, а Куай {8} уступил трон и погиб. Испытующий и Воинственный боролись и стали царями, а Бэйгун боролся и погиб. Отсюда видно, что обычай — уступать [трон] или бороться [за него], поведение Высочайшего или Разрывающего на Части нельзя принимать за [нечто] постоянное, [они] бывали то благородными, то презренными. Балкой можно протаранить городскую стену, но нельзя заткнуть нору — [таково] различие в орудиях. Рыжий Быстроногий и Рыжий Черногривый пробегали в день по тысячи лиу [но] мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — [таково] различие в способностях. Сова и филин по ночам ловят блох, различают кончик волоска, а днем таращат глаза и не замечают даже гору, — [таково] различие в [природных] характерах. Поэтому и говорится: «Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, [природного] характера [всей] тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать [силу] холода и отрицать [силу] жара, — ясно, что это не годится. И все же [об этом] толкуют, не переставая, [если] не дураки, так лгуны. Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от [своих] современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости. Помолчал бы [ты], Дядя Реки! Откуда тебе знать, где ворота благородного, а где — презренного, где дома малых, а где — великих!

— Что же мне в таком случае делать, а чего не делать? — спросил Дядя Реки. — Принимать или отказываться? Добиваться или отступать? Как же мне, в конце концов, быть?

— Что такое благородный? Что такое презренный? [Если] судить исходя из пути, назову это [лишь] развитием противоположностей, — ответил Северный Океан Жо. — Не упрямясь в своих мыслях, [они] большое препятствие для пути. Что такое малые? Что такое великие? Это назову [лишь] благодарностью за дары <природы>. Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем. [Будь] суров подобно [такому] государю в царстве, который не знает личного пристрастия. [Будь] удовлетворен подобно богу Земли во время жертвоприношения — для него нет личного счастья. [Будь] широк подобно бесконечности всех четырех сторон, которой нет пределов. Охвати [всю] тьму вещей, [не вникая] кто кому помогает, кто кого поддерживает, — это назову беспристрастием. [Станешь относиться] ко [всей] тьме вещей беспристрастно, [разве окажутся] одна хуже, другая лучше? У пути нет ни конца, ни начала, у вещей есть смерть и рождение, их совершенство ненадежно; то пустые, то полные, не [навечно] обретают свою форму. Годы нельзя повторить, время нельзя остановить. Увядание и рост, полнота и пустота, конец и начало — вот почему называем великой справедливостью, судим о [естественном] законе тьмы вещей. Жизнь вещи подобна стремительному бегу, [она] развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом {9}. [Ты спрашиваешь], что тебе делать? Чего не делать? Ведь в будущем, конечно, сам по себе изменишься.

— Но что же тогда ценного в пути? — спросил Дядя Реки.

— Познавший путь, — ответил Северный Океан Жо, — непременно постигнет [естественный] закон; постигший [естественный] закон непременно поймет, что такое власть; понявший, что такое власть, не станет вредить себе из-за вещей. [Человека] настоящих свойств огонь не обожжет, вода не утопит, ни холод, ни жар не причинят [ему] вреда, ни хищные птицы, ни дикие звери [его] не погубят. [Это] не значит, что они к нему (отнесутся) безразлично. [Это] значит, что [он] изучает опасное и безопасное, спокоен в счастье и в беде, осторожен, и приближаясь и удаляясь, и ничто [ему] не вредит. Поэтому и говорится: «Естественное — внутри, человеческое — вовне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, [обретешь] корень в природном и твердость в свойствах. [Чем] топтаться на месте, [то] вытягиваясь, [то] сжимаясь, [лучше] вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое? — спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги, — ответил Северный Океан Жо, — это называют естественным. Конь в узде, буйвол с продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческим, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняй [природное], не теряй [его] — это назову возвращением к своему истинному.

Одноногий {10} позавидовал Сороконожке, Сороконожка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер, позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

Одноногий сказал Сороконожке:

— Подпрыгивая на одной ноге, я передвигаюсь медленнее [тебя]. Как ты ныне [справляешься] со [своей] тьмой ножек?

— Не знаю почему, [но] я двигаюсь ныне с помощью естественного механизма, — ответила Сороконожка. — Разве ты не видел слюны? Когда плюют, [капельки] то крупные, точно жемчужины, то мелкие, точно туман, рассеиваясь, падают вниз. [Этих капель] нельзя и сосчитать.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь на многих ногах. Почему же я не могу догнать тебя, у которой нет ног?

— [Мною] движет естественный механизм. Разве [его] можно изменить? И как бы я стала ходить ногами? — ответила Змея.

Змея сказала Ветру:

— Я передвигаюсь, шевеля своим позвоночником и ребрами, как будто у меня есть [ноги]. [У тебя] как будто нет [ног], как же ты ныне, бушуя, поднимаешься с Северного океана и, бушуя, влетаешь на Южный океан?

— Да, я бушуя поднимаюсь с Северного океана и влетаю на Южный океан, — ответил Ветер. — Но ткни меня пальцем, и меня одолеешь; наступи на меня, и меня одолеешь, а ведь лишь я способен ломать огромные деревья и сносить большие дома. Поэтому великие победы одерживает [лишь] тот, кого не победит тьма мелочей. Одерживать великие победы способен лишь мудрый.

[Когда] Конфуций странствовал по [местности] Куан {11}, сунцы окружили его в несколько рядов, но [он], не прекращая, пел и перебирал струны.

— Почему [вы], учитель, развлекаетесь? — войдя, спросил Цзылу.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Конфуций. — Я давно уже опасался беды, но не [смог ее] избежать — [такова] судьба. Давно уже добивался удачи, но [ее] не достиг — [таково] время. При Высочайшем и Ограждающем в Поднебесной не было неудачников, и [благополучия] добивались не знаниями. При Разрывающем на Части и Бесчеловечном не было людей удачливых, и не из-за недостатка в знаниях. Таково соотношение времени и обстоятельств. Ведь мужество рыболова в том, чтобы не избегать па воде встречи с драконом. Мужество охотника в том, чтобы не уклоняться на суше от тигра и носорога. Мужество героя в том, чтобы встретить смерть, точно жизнь, скрестив сверкающие клинки. Мужество мудрого в том, чтобы бестрепетно встретить великое бедствие, сознавая, что беда зависит от судьбы, а удача — от времени {12}. Останься [здесь], Ю! Моя судьба предрешена!

Но вскоре вошел латник попрощаться и сказал:

— [Вас] приняли за Яна Тигра, поэтому и окружили. Ныне же снимаем [осаду]. — [Он] попросил разрешения проститься и ушел.

Гунсунь Лун сказал царевичу Моу {13}:

— [Я], Лун, с юности изучал путь древних государей, [когда] вырос, понял поведение милосердного и справедливого. [Я] объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, [утвердил] истинное и неистинное, возможное и невозможное. [Я] утомился, [постигая] знания [всей] сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и чел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуанцзы и удивился, [так] они неясны. В чем [я] отстал [от него] — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепахе из Восточного моря? «Почему бы, [вам], учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? [Я] выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаюсь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зайду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем и стопа и голень.

Никто кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, распоряжаться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не [успела] еще Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут [она] потопталась и, пятясь, стала рассказывать [Лягушке] о море: «Ведь так [оно] широко, что тысячи ли не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи жней не хватит достать до [дна]. Во времена Молодого Дракона за десять лет девять раз [случалось] наводнение, а воды [в море] не прибавилось; во времена Испытующего за восемь лет семь раз [случалась] засуха, а берега [его] не понизились. Много ли [пройдет] времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, [море] не переменится. Вот какое огромное наслаждение [жить] в Восточном море». Тут, само собою разумеется, Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала, как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с [твоими] знаниями, недостаточными, чтобы [понять] тончайшие речи учения, [со стремлением] каждый раз [показаться] острословом своего времени?

Да притом [тебе, — продолжал царевич, —] со знаниями, не[достаточными, чтобы] отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуанцзы, как комару снести гору, а стоножке перегнуть реку. Чжуанцзы же в своем мастерстве попирает Желтые источники; взмывает к дальним небесам, [для, него] нет ни юга, ни севера. Беспрепятственно проникая во [все] четыре стороны, погружается в неизмеримое, [для него] нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению [эфира]. Ты же с трепетом просишь [рассказать о нем] для изучения, ищешь его, [чтоб отточить свое] красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как целиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина {14} учились ходьбе в Ханьдане? Еще не приобретя [в этом] царстве [нового] мастерства, утратили прежнюю [сноровку] в ходьбе, вернулись же ползком. [Если] теперь не уйдешь, забудешь прежнее [искусство], потеряешь свое ремесло.

Гунсунь Лун удалился так стремительно, что не успел ни остановить языка, ни закрыть разинутого рта.

[Когда] Чжуанцзы удил в реке Бушуй {15}, от чусского царя прибыли два знатных мужа и передали [ему слова царя]: «хочу обременить [вас службой] в [моем] царстве».

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуанцзы так [им] сказал:

— Слыхал я, что в Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят [ее] в храме предков [завернутую] в покровах в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?

— Лучше быть живой и волочить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу волочить хвост по земле {16}. Уходите! — заключил Чжуанцзы.

Чжуанцзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуанцзы, [он] зарится на ваш [пост].

Творящий Благо перепугался. [Целых] три дня и три ночи обыскивал [он] страну.

Чжуанцзы явился к нему и спросил:

— Слыхал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот [этот] Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «прочь!» Ныне и ты угрожающе кричишь: «прочь!» Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао {17} Чжуанцзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость! {18}

— Ты же не рыба, — возразил Творящий Благо. — Откуда [тебе] знать в чем ее радость?

— Ты же не я, — возразил Чжуанцзы. — Откуда [тебе] знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты, — продолжал спорить Творящий Благо, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуанцзы. — «Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?» спросил ты, я ответил и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над [рекой] Хао.

Глава 18

ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

Существует ли в Поднебесной высшее счастье? Существует ли возможность сохранить жизнь? Как же ныне действовать, на что опираться? Чего избегать, где задерживаться? Чего домогаться, от чего отказываться? Что любить, что ненавидеть?

Ведь в Поднебесной почитают богатство, знатность, долголетие, доблесть; любят покой, тонкие яства, изящные одежды, прекрасные лица, мелодичные звуки, а ненавидят бедность, низкое положение, преждевременную смерть, ничтожество; страдают, когда не могут беззаботно предаваться покою, вкушать тонкие яства, облачаться в изящные одежды, любоваться красавицами, наслаждаться музыкой. Лишенные всего этого охвачены страхом, предаются печали. Как глупо! Ведь все это делается лишь для тела!

Ведь богачи, изнуряя себя чрезмерным трудом, собирают столько сокровищ, что не успевают ими воспользоваться, и [даже] телу они не нужны. Благородные проводят дни и даже ночи в размышлениях [о том, насколько они] доблестны. Как это чуждо [даже] телу!

Человек рождается вместе с горем, дожив до глубокой старости, тупеет. Как мучительно, не умирая, столь долго горевать. Насколько далеко от [его] тела то, что он делает.

[Все] в Поднебесной превозносят доблесть героев, пожертвовавших жизнью. Но я не знаю, воистину ли это доблесть, [если ее] недостаточно, чтобы сохранить [свою] жизнь? Если считать это доблестью, [ее] недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не считать это доблестью, так [ее] достаточно, чтобы сохранить жизнь другим. Поэтому и говорится: «[Если] искренним советам не внимают, сиди покорно и не спорь». Ибо [У]Цзышуй стал спорить и погубил себя, а не спорил бы, не заслужил бы славы. Так существует ли в действительности доблесть?

Я не знаю, в том ли на самом деле счастье, что ныне в толпе делают и в чем [находят] счастье. Я наблюдаю за тем, что толпе нравится, за чем все бегут, вопреки опасности, точно боясь упустить. То, что все называют счастьем, для меня не счастье, хотя и не горе. Но существует ли, на самом деле счастье? Я считаю настоящим счастьем недеяние {1}, а толпа считает это великим мучением. Поэтому и говорится: «Высшее счастье в отсутствии счастья, высшая слава в отсутствии славы» {2}. Хотя в Поднебесной нельзя определить, в чем истинное, а в чем неистинное, но в недеянии можно определить, что истинное, а что неистинное. Высшее наслаждение в сохранении жизни, но только недеяние приближает [это] к осуществлению. Дозвольте попытаться это объяснить.

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих

развивается [вся] тьма вещей. Неразлично, неуловимо [они] исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. [Вся] тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: «Небо и земля бездействуют и все совершают» {3}. А кто из людей способен достичь недеяния?

У Чжуанцзы умерла жена и Творящий Благо [пришел] ее оплакивать. Чжуанцзы же сидел на корточках и пел, ударяя [в такт], по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

— Мало того, что [вы] не оплакиваете умершую, [которая] прожила с [вами, своим] мужем до старости, и вырастила детей. Не слишком ли много [себе позволяете], предаваясь пению, отбивая такт о таз?

— Это не так, — ответил Чжуанцзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? [Но затем] я задумался о том, что [было] вначале, [когда она] еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличимым, неуловимым, [стала] развиваться и обрела эфир, эфир развился и обрела тело, тело развилось и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме; значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Дядя Урод и Дядя Неразумный Одноногий {4} осматривали холм — Обитель мертвых, где покоился Желтый Предок в пустынных местах на горе Союз Старших Братьев. И вдруг на левом локте [у Неразумного Одноногого] появилась опухоль {5}, и он задумался с удивлением, [будто] испугался.

— Страшишься ее? — спросил Урод.

— Нет, — ответил Неразумный Одноногий. — Чего мне страшиться? Ведь жизнь [нами лишь] одолжена. Взяли в долг и живем, живущие — прах. Жизнь и смерть, [что] день и ночь. Мы с тобой посетили [того, кто уже] прошел через изменение. Почему же мне страшиться изменения, когда оно меня коснулось?

Подходя к Чу, Чжуанцзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. [Чжуанцзы] ударил по черепу хлыстом и [обратился] к нему с вопросами:

— Довела ли [тебя] до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть, [после многих] лет жизни? — сказав это, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился [ему] во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя [мучений] живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуанцзы спросил:

— А хочешь я велю Ведающему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взглянул [в него], сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

Янь Юань отправился на Восток, в Ци, и Конфуций опечалился.

Цыгун сошел с циновки и задал вопрос:

— Осмелюсь ли [я], ничтожный ученик, спросить, почему [Вы], учитель, опечалились, когда Хой отправился на Восток, в Ци?

— Вопрос ты задал хорошо! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, одобряю слова, когда-то сказанные Гуаньцзы: «В малый мешок не вместить [ничего] большого, с короткой веревкой не зачерпнуть [воды] в глубоком [колодце]». Да, это так. Телом [человек] следует за тем, что предназначено судьбой, ничего не добавишь, ничего не убавишь. Я опасюсь, что Хой заговорит с правителем Ци о пути Высочайшего, Ограждающего, Желтого Предка, станет повторять речи Добывающего Огонь Трением и Священного Земледельца. [В этих идеалах] царь будет искать себя, но не найдет. А не найдя, станет подозревать Хоя, а заподозрив, казнит. Разве ты не слышал [о том], как в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась морская птица {6}. Лусский правитель сам ее встретил и устроил для нее пиршество в храме предков. Чтобы усладить [ее] музыкой, исполнили девять [тактов мелодии «Великое»] Цветение»; чтобы угостить, приготовили жертвенных животных {7}. Но у птицы рябило в глазах, [она] грустила, не решилась проглотить ни одного куса, не смогла выпить ни одной чарки и через три дня умерла.

Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам, а не тем, чем кормится птица. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, бродить по отмелям, плавать по

рекам и озерам, кормиться угрями и мелкой рыбой, летать в косяке и опускаться, отдыхать на приволье. Ведь ей человеческая речь неприятна, что [ей] делать среди этого шума? [Если] исполнять «Восход солнца» и девять [тактов мелодии «Великое» Цветение» на берегах [озера] Дунтин, то птицы от них разлетятся, звери разбегутся, рыба уйдет в глубину. Только люди, заслышав их, окружают [певцов] и станут на них смотреть.

Рыба под водой живет, а человек под водой умирает. [Они] друг от друга отличаются, а поэтому любят и ненавидят не одно и то же. Поэтому-то прежде мудрые не считали одинаковыми ни способности, ни занятия. Названия [у них] отражали сущность, а должное соответствовало [природе]. Поэтому и говорили, что [тогда] порядок был разумным, а счастье — прочным.

Лецзы, странствуя, решил закусить у дороги и заметил столетний череп. Отогнув полынь и указав на него, Лецзы сказал:

— Только мы с тобой и понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Обрел ли ты действительно печаль [смерти]? Обрел ли я действительно радость [жизни]?

Есть мельчайшие семена {8}. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек, бабочки также изменяются и становятся насекомыми. Когда [насекомые] рождаются у соляного поля <у очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] цюйдо. Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, а сыми превращается в [насекомое] илу в пищевом укусе, а от него — [насекомое] хуанхуан пищевого укуса, а от него [насекомое] цзюю. [Насекомое] моужуй порождает вошь на тыквах. [Растение] янси, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек же снова уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается.

Глава 19

ПОНИМАЮЩИЙ [СУЩНОСТЬ] ЖИЗНИ

Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела, прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, [хотя] вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом. От прихода жизни нельзя отказаться, ее ухода не остановить. Увы! Ведь в мире считают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, хотя пропитания тела, разумеется, недостаточно для поддержания жизни. Почему же в мире считают это достаточным? И [почему] неизбежно все так поступают, хотя этого и недостаточно? Ведь тому, кто хочет избежать забот о теле, лучше всего уйти от мира. Уйдя от мира, избавляешься от бремени. Избавившись от бремени, становишься прямым и ровным. Став прямым и ровным, вместе с другими обновись. Обновившись же, станешь близок [пути]. Но стоит ли оставить дела? Стоит ли забыть о жизни? [Да]. Оставив дела, перестанешь утруждать свое тело; забыв о жизни, не утратишь сущности. Ведь сохранив целостным тело, восстановив сущность, сольешься в единое целое с природой. Ведь небо и земля — отец и мать [всей] тьмы вещей. [Когда они] объединяются — образуется тело, [когда] разделяются — образуется [новое] начало. Сохранение без утраты тела и сущности называется [сохранением] способности к движению. Сущность, и снова сущность, и возвращение, чтобы уподобиться природе.

Учитель Лецзы спросил Стража Границы:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, — ответил Страж Границы. — Сядь, я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи. [Различие] только в свойствах! Как же могут одни вещи отдаляться от других! Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Но разве могут [другие] вещи остановить того, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений? Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. [Он добивается] единства [своей] природы, чистоты своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и

упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Мститель не станет ломать [мечей] Мо[се] и Гань[цзян] {1}. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу. [Если] в Поднебесной [всего] будет поровну {2}, не станет ни смуты — нападений и войн, ни казней — убийств, обезглавливания. Значит, путь развивает не человеческую, а естественную природу. С раз, — витием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. [Если] не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной [природе].

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и [шарики] не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пень, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он. — У прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал [еще], но [он] мне более не отвечал. Осмелюсь ли задать вопрос: «Что это означает?».

— «У прекрасного пловца [к этому] особые способности», — ответил Конфуций, — [означает, что он] забывает про воду; «а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма [вещей], это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры [со ставкой] на Черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застежку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Тянь Кайчи встретился с чжоуским царем Величественным {3} и царь спросил [его]:

— Что ты слышал от жреца Шэня, когда с ним прогуливался? Мне говорили, он изучает долголетие.

— Что [я], Кайчи, мог слышать от учителя? [Ведь я] стоял с метлой, прислонясь к воротам, — ответил Тянь Кайчи.

— Не уклоняйся, Тянь, — сказал царь. — Мне хочется об этом услышать.

— [Я] слышал от учителя, — заговорил Кайчи, — что умеющий поддерживать жизнь подобен пастуху: смотрит за отстающими овцами и их подгоняет.

— Что это значит? — спросил чжоуский царь Величественный.

— Одиноким Барс {4} жил в Лу на высокой горе, пил [лишь] воду, ни с кем не делил наживы. Прожил лет до семидесяти, а выглядел будто младенец. Но на беду повстречался с голодным тигром. Голодный тигр убил его и сожрал. Жил [там и] Чжан Смелый. На высоких воротах [у него] висели тонкие занавеси, и каждый к нему заходил. Прожил лет до сорока и умер от болезни — лихорадки. Одиноким Барс поддерживал свое внутреннее, а тигр съел его внешнее. Смелый поддерживал свое внешнее, а болезнь напала на его внутреннее. Оба они не подгоняли свое отстающее.

Конфуций сказал:

— Не уходить и не таиться, не выходить и не красоваться, выситься посередине, будто сухое дерево, — тот, кто усвоит эти три [условия], непременно достигнет высшей славы. Ведь перед опасной дорогой, где из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья предостерегают друг друга и осмеливаются выходить только со многими воинами и слугами. Не есть ли это знание об опасности, которой подвергается человек? Но сколь заблуждается тот, кто не умеет предостеречь [людей], возлежащих на циновках во время еды и питья!

Жрец Сородич {5} в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:
— Зачем ты страшишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать, а [уж потом], подостлав белый пырей, возложу твои лопатки и крестец на резную жертвенную подставку?

Заботившийся о Кабане сказал:

— Лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Заботившийся о самом себе сказал:

— Хорошо бы жить почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — пусть похоронят в гробу на разукрашенной погребальной колеснице.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался Заботившийся о Кабане. Чем же он отличается от Кабана?

Гуань Чжун правил колесницей, [когда царь] Хуаньгун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

— Видел ли [ты] что-нибудь, Отец Чжун?

— [Я, Ваш] слуга, ничего не видел, — ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди цисских мужей был Хуанцзы Обвинитель Гордыни {6}, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается, поэтому [его] и не хватает. [Если], поднявшись, [эфир] не спускается, человек становится вспыльчивым; [если], опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; [если], не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, [человек] заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют, — ответил Хуанцзы. — У озера есть Соломенный Башмак {7}, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка; в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разреши узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

— Извивающийся Змей, — ответил Хуанцзы, — толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как заслышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет [царем] царей.

— Вот его-то [я], единственный, и увидел, — сказал царь и захохотал. Тут [он] оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуанцзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для царя. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]; струи спадают с высоты в три тысячи жэней, пена бурлит на сорок ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел (из воды) с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и [ему] сказал:

— Я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?» — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — [такова] привычка; вырос на воде и

удовлетворен [жизнью] на воде — [таков] характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — [такова] судьба.

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поражались [его искусству], будто сделали ее духи или боги.

Увидел раму луский царь и спросил:

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать [я, Ваш] слуга, рабочий человек? И все же был один. [Я, Ваш] слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и [уже] не смел думать о [получении мною], Счастливым, награды — ранга и жалованья; постился пять дней и [уже] не смел думать о хвале или хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало [для меня] ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда [я] отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру [деревьев]. И в лучшем по форме и сущности [дереве] передо мной предстала воочию рама [музыкального инструмента] {8}. Иначе пришлось бы [от замысла] отказаться. И тут [я] приложил руки, естественное [во мне] соединилось с естественным [в дереве], и [музыкальный] инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он!

Просо из Восточной Степи представился Достойнейшему как колесничий {9}. [Он ездил] вперед и назад, точно по отвесу, [делал] повороты направо и налево, точно по циркулю. Достойнейший подумал, что в красоте линий [у него] нет погрешностей, и велел ему вернуться, проделав сотню поворотов.

Янь Врата Бытия, повстречавшись с колесницей, явился [к царю] и сказал:

— Просо скоро загонит коней.

Царь промолчал.

Но вскоре [колесничий] вернулся, действительно загнав [коней].

— Как ты это узнал? — спросил царь.

— Кони уже обессилели, а [он] все их понукал, — ответил Янь. — Поэтому [я] и сказал, что загонит.

Искусный Молот чертил круги [и квадраты] точнее, чем с циркулем и наугольником. Вещи изменялись, [как в природе], вместе [с движением его] пальцев, а [его] мысль на них не задерживалась. Поэтому его разум оставался целостным и не знал пут. [Он] забывал о [своих] ногах, [лишь бы] обувь впору; забывал о поясице, [лишь бы] удобный пояс; в знаниях забывал об истинном и ложном, [лишь бы были] по-сердцу. Не изменялся внутренне, не следовал за внешним, сообразуясь с [каждым] случаем. Начал сообразовываться, и, всегда со всем сообразуясь, он забыл о сообразности [своего пристрастия] к сообразности.

Сунь Изгой {10} — подошел к воротам учителя Бяня Счастливого {11} и, смущенно вздыхая, сказал:

— [Я], Изгой, жил в селении, и не случалось, [чтобы меня] называли ленивым; не случалось, чтобы в опасный момент [меня] называли трусливым. Но вот на полях не было урожая, а на службе царю [я] не встретил удачи. [Меня] изгнали из селения, из области. Но в чем [мое] преступление? О Небо! За что [мне] досталась судьба Изгоя!

— Разве ты не слышал о поведении настоящего человека? — сказал Бянь Счастливый. — [Он] забывает о своей смелости, забывает о зрении и слухе, бесцельно блуждает за пределами мирской пыли, в беспредельном, не занимаясь делами. Это называется действовать, но не настаивать; [быть] старшим, но не управлять. А ты ныне приукрашиваешь [свой] познания, чтобы удивить невежд; очищаешься сам, чтобы осветить грязь [других]; сверкаешь, будто поднимаешь солнце и луну. Ведь в сравнении со многими людьми: глухими, слепыми, хромыми, безвременно погибшими — ты обрел целостным свое тело, все [его] девять отверстий. Это уже счастье! Зачем же попусту ропщешь на небо? Уходи!

Сунь Изгой удалился, а Бянь вошел [в дом], сел, но вскоре взглянул на небо и вздохнул.

— Почему [Вы], Пржеджерожденный, вздыхаете? — спросили ученики.

— Недавно приходил Изгой, — ответил Бянь, — и я рассказал ему о свойствах настоящего человека. Боюсь, что напугал его, и [он] впадет в сомнения.

— Нет, — ответили ученики. — В чем [Ваша] вина? [Если] то, что сказал Изгой истинно, а то, что сказали [Вы], Пржеджерожденный, ложно, то ложное, конечно, не может вызвать сомнений в истинном. [Если же] то, что сказал Изгой ложно, а то, что сказали [Вы], Пржеджерожденный, истинно, то он, конечно, усомнится и вернется.

— Нет, — ответил Бянь. — Ведь в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась птица. Обрадовавшись ей, луский царь [велел] приготовить жертвенных животных, чтобы ее угостить; исполнить девять [тактов мелодии «Великое»] Цветение», чтобы усладить ее музыкой. Но птица начала грустить, [у нее] зарябило в глазах, [она] не могла ни пить, ни есть. Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, плавать по рекам и озерам, кормиться на приволье, на отмели и только. Вот и ныне, как мог не испугаться Изгой, человек мало видевший, мало

слышавший? Ведь рассказывать [ему] о свойствах настоящего человека то же самое, что мышей катать в повозке или перепелку веселить барабанной трелью и звоном колоколов.

Глава 20

ДЕРЕВО НА ГОРЕ

Бродя по [склону] горы, Чжуанцзы увидел огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился около дерева, но [его] не выбрал.

— Почему [его не рубишь]? — спросил Чжуанцзы.

— Ни на что не годно, — ответил Лесоруб.

— Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца, — заметил Чжуанцзы, спустился с горы и остановился в доме старого друга.

От радости друг велел мальчишке-рабу зарезать гуся и сварить.

— Разрешите узнать, — спросил мальчишка, — какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может?

— Режь того, который не может петь, — ответил хозяин. На другой день ученики спросили Чжуанцзы:

— Дерево на горе, [которое вы видели] вчера, может дожить до своего естественного конца, так как [ни на что] не годно. А сегодня смерть грозит гусю хозяина, который [ни на что] негоден. Как бы [Вы], Преждедрожженный эту [годность] определили [для себя]?

— [Я], Чжоу, поместился бы между годным и негодным. [Сказав] между годным и негодным, как будто определил, а [на самом деле] нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но [все] иначе, если парить и странствовать, оседлав природные свойства. [Подобно] то дракону, то змее, без славы и хулы, развиваться вместе со временем, не соглашаясь предаться [чему-либо] одному. То вверх, то вниз, с мерой [лишь] в гармонии парить и странствовать у предка [всей] тьмы вещей, как вещь [рядом!] с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возьмутся затруднения? Таковы были Желтый Предок и Священный Земледелец. Иначе обстоит [дело с теми, кто] говорит о [всей] тьме вещей, об отношениях между людьми: единое разделяют, созданное разрушают, честных унижают, почитаемых низвергают, деятельным [несут] неудачи, добродетельных [стремятся] перехитрить, бесполезных — обмануть. Разве тогда не обязательны [затруднения]? Увы! Запомните это, ученики! Вам [остается] лишь одно — область природных свойств!

[Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе, {1} увиделся с лусским царем. Царь Лу выглядел печальным и [Удалец] с Юга от Рынка спросил:

— Почему [Вы], государь, выглядите печальным?

— Я изучал путь прежних царей, — ответил царь Лу, — совершенствовался в делах предков-правителей, я почитал души предков, уважал добродетельных. Осуществлял это с любовью, непрерывно и все же не [сумел] избежать беды. Вот и печалюсь.

— Плохие у [Вас], государь, средства, избавляющие от беды, — сказал [Удалец] с Юга от Рынка. — Ведь вот пушистая лисица и пятнистый барс живут на горах, в лесах, залегают в пещерах на отвесных скалах — [таков их] покой. Ночью охотятся, днем не выходят — [таков их] запрет. [Они] сдерживаются и прячутся; несмотря на голод и жажду, все же должны добывать себе пищу вдали [от людей] на реках и озерах, — [таков их] закон. И все же не [умеют] избежать беды — сетей и ловушек. В чем их вина? [В том, что] беду им приносит собственная шкура. Не представляет ли ныне царство Лу шкуру царя {2}? Мне хочется, чтобы государь содрал с себя [эту] шкуру, омыл сердце, отказался от страстей и [отправился] странствовать по безлюдным местам. На юге Юэ есть община, которая называется царством Утвердивших свойства {3}. Народ там прост и невежествен. Люди почти лишены корысти и страстей. Умеют трудиться, но не умеют прятать; дают, не требуя возврата, не ведают ни долга, ни обрядов; действуют бездумно, ступают свободно. При рождении они могут радоваться, при смерти их могут похоронить. Мне хотелось бы, чтобы [Вы], государь, покинули [свое] царство, отказались от пошлого и стали действовать, опираясь на путь.

— Разве сумею? — спросил царь. — Дорога туда далека и опасна, там и горы и реки, а у меня нет ни лодки, ни повозки.

— Не гордитесь телом, не тоскуйте о жилище, [пусть] станут [им для Вас] лодка и повозка, — ответил [Удалец] с Юга от Рынка.

— Дорога туда далека и неведома, там нет людей, — сказал царь. — Кто же станет моим соседом? У меня нет зерна, мне нечего будет есть, как же я туда доберусь?

— Сократите свои расходы, умерьте свои желания и удовлетворитесь, даже если не будет зерна, — ответил Удалец с Юга от Рынка. — Переходите, государь, реки, плавайте по морям, поглядите на них и не увидите берегов, чем дальше, тем меньше будете знать, где им конец. Все те, кто [Вас], государь, проводит до берега, вернутся. И только [Вы], государь, будете от [всего] этого далеки. Ибо тот, кто владеет людьми, обременен; тот, кем люди владеют, опечален. Поэтому-то Высочайший и не хотел ни владеть людьми, ни подчиняться людям. Мне хочется освободить [Вас], государь, от бремени, избавить [Вас], государь, от печали, чтобы [Вы] один

вместе с путем странствовали в царстве Великой пустоты. [Когда] на переправе пустая лодка толкнет другую, не разгневется даже вспыльчивый. [Если же] в [толкнувшей] лодке окажется человек, то наберет воздуха и крикнет погромче. Крикнет раз, а [тот] не услышит, так крикнет в другой раз. [Снова] не услышит, так крикнет и в третий — тут уже непременно добавив словцо покрепче. Прежде не гневался, а теперь разгневется; прежде [думал, что] пустая, а теперь [узнал, что] занята. Но разве можно повредить тому, кто, сумев очиститься от самого себя, странствует по свету?!

Расточительный из Северного Дворца {4} [по поручению] вэйского царя Чудотворного собирал пожертвования на колокола для алтаря за воротами [столицы] царства, и за три луны собрал на весь подбор <восемь колоколов> с высоким и низким [тоном]. Увидел его царский сын Завидующий Счастливицу {5} и спросил:

— Не нашел ли ты какого-нибудь секрета?

— Ничего не смел искать, — ответил Расточительный. — Был поглощен лишь одним [— колоколами. Я], Расточительный, слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусственности. [Держался] просто с теми, кто не имеет знаний; неопределенно с теми, кто медлил и сомневался. Всех без различия встречал, когда приходили, провожал, когда уходили; приходивших не прогонял, уходивших не задерживал. Дерзким потакал, с лукавыми соглашался, поэтому они сами отдавали все, [что могли]. И так собирал с утра до вечера, [никого] ни на волос не обижая. Тем более [должен так поступать] следующий за великим путем!

Конфуций, посаженный между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи, и к нему пришел выразить сочувствие Несущий Бремя Беспристрастия {6}.

— Ты чуть не погиб? — спросил [он Конфуция].

— Да! — ответил Конфуций.

— Боишься смерти? — Да!

— Я попытаюсь рассказать о пути, [на котором] не бывает смерти, — сказал Несущий Бремя Беспристрастия.

— На Восточном море есть птица, имя ей — Забывчивая {7}. Эта птица летает медленно, невысоко, будто немощная. Подтолкнут, поддержат — полетит, заставят — сядет, не смеет ни опередить, ни отстать; не решается первой пробовать пищу, подбирает непременно [лишь] остатки. Поэтому ее не гонят из стаи, никто вне [стаи] из людей не может [ее] погубить, и так [она] избегает беды. [Ведь] первым срубят дерево прямое, первым осушат колодец со сладкой водою. Ты же задумал — приукрашивать [свои] познания, чтобы удивить невежд; очищаться самому, чтобы осветить грязь [других]; сверкать, будто поднимаешь солнце и луну. Поэтому и не избежал [беды]. Когда-то я слышал, как человек высокосовременный сказал: «Восхваляющий самого себя лишается заслуг {8}; заслуги признанные идут к упадку; имя прославленное идет к закату». Тот, кто сумеет отказаться от признания, от славы и вернуться к людям, станет распространять учение и жить скрытно, [тот] обретет [природные] свойства и не назовет места своего жительства. Чистый и обыкновенный, похожий на лишенного разума, [он] не оставляет следов [деяний], отказывается от власти; не действует ради признания и славы, поэтому не порицает людей, и люди [его] также не порицают. О настоящем человеке [никто ничего] не слышит. Чему же ты обрадовался? — спросил Несущий Бремя Беспристрастия.

— Как хорошо! — ответил Конфуций. — Отказаться от своих друзей, оставить своих учеников, бежать на огромные болота {9}, одеваться в шкуры и грубые ткани, питаться желудями и каштанами. Войдешь к диким зверям и не потревожишь стада, приблизишься к птицам и не испугаешь стаи. А если не испугаются птицы и звери, то еще менее — люди!

Конфуций спросил Учителя с Тутового Двора {10}: — Почему [я претерпел столько несчастий]? Меня дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун, [я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. [Пока] я переживал эти несчастья, родные и друзья все более [от меня] отдалялись, ученики и последователи все более разбегались.

— Разве ты не слышал о беглеце из Цзя {11}? — спросил Учитель с Тутового Двора. — [Тогда] Вернувшийся из Леса бросил свои нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежал с младенцем-сыном на спине. Некто спросил: «Почему [взял сына], он дорого стоит?» [Вернувшийся из Леса ответил]: «Недорого». «Меньше хлопот?», — [спросил некто]. «Хлопот с младенцем много», — [ответил Вернувшийся из Леса]. «Почему же [Вы] бросили нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежали с младенцем-сыном на спине?» «Одно связано с выгодой, а другое — с естественными узами», — ответил Вернувшийся из Леса.

Соединенные выгодой бросают друг друга в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти; соединенные естественными узами сближаются в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти. [Различие] между теми, кто сближается друг с другом, и теми, кто бросает друг друга, очень велико. К тому же связи государей пресны, как вода, связи малых людей сладки, как молодое вино. Государь и в близости пресен, малый люд и в разлуке сладок. Тот же, кто без причины сближается, без причины и расстается.

— Почтительно выслушал [ваше] повеление! — сказал Конфуций и пошел к себе медленно, будто кружа. Прекратил обучение, отказался от преданий, не допускал к себе учеников, и любовь их [к нему] усилилась. На другой день Учитель с Тутового Двора [ему] сказал:

— Перед смертью Ограждающий наказал Молодому Дракону: «Остерегайся! В [телесной] форме лучше всего согласие, а в чувствах лучше всего естественность. В согласии не расстаются, в естественности не утомляются. Не расставаясь и не утомляясь, не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой. Не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой, — конечно, не [понадобится и] обхождение с вещами».

В заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой, Чжуанцзы проходил мимо царя Вэй.

— Как очутились [Вы], преждежденный, в столь стесненном положении? — спросил государь.

— Это не стесненное положение, а бедность, — ответил Чжуанцзы. — Убогая одежда, стоптанная обувь, это бедность, а не стесненное положение. Стеснен тот муж, который, обладая естественными свойствами, не может [их] проявить. Такого называют не получившим [признания] своего времени. Разве не приходилось [Вам], государь, видеть, как прыгает обезьяна? Хватаясь за ветки кедров, катальп, перебираясь с дуба на камфарное дерево, она чувствует [себя] царицей, и даже Охотник с Невеждой не сумел бы ее выследить. Но стоит ей очутиться среди кудраний, терновника [и других] деревьев и кустов с колючками, [она] станет двигаться осторожно, озираясь по сторонам, вздрагивать и трепетать. Это не значит, что мускулы [у нее] ослабели, потеряли гибкость. Плохая опора не дает ей развернуться. А [кто] ныне не чувствует себя стесненным среди советников-смутьянов и заблуждающихся вышних? Свидетельство тому — [царевич] Щит, которому вырезали сердце.

Конфуций, терпя бедствие между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи. Опираясь на высохший ствол левой [рукой], отбивая такт сухой веткой в правой [руке, он] пел песню рода Мчащихся Собак {12}. Своим инструментом [он] не попадал в такт, а пением не попадал в тон, и все же его голос и жест своей уверенностью проникали в сердца людей. Янь Юань, почтительно сложив руки, обернулся и взглянул на него. Конфуций, боясь, что ученик [либо] переоценит свои силы и пойдет на безрассудство, [либо] переоценит свою любовь и себя погубит, сказал:

— Ведь [ты], Хой, не изведal, как легко утратить природное, не изведal, как трудно приобрести человеческое. [Таким испытаниям] не было начала и не будет конца, [ведь] человек и природа едины. Так кто же [из нас] теперь будет петь?

— Осмелюсь ли задать вопрос, — спросил Янь Юань, — [что означает] — «не изведal, как легко утратить природное»?

— Голод и жажда, холод и жара, бедность, оковы и [все другие] несчастья, — это действие Неба и Земли, которое проявляется в движении вещей. [Легко утратить], ибо вместе с ним и все исчезает. Тот, кто служит [другому] человеку, не смеет от него уйти. Если слуга [человека] поступает так, то тем более [должен поступать так] слуга Неба!

— Что означает, «не изведal, как трудно приобрести человеческое»?

— Вначале используются [все] четыре преимущества, — ответил Конфуций, — ранги вместе с жалованьем растут без конца. Но польза, приносимая вещами, [зависит] не от меня самого, моя судьба зависит и от внешнего. Государь не разбойничает, добродетельные люди не воруют, как же я стану брать? Поэтому и говорится: «нет птицы умнее ласточки». Увидев, что место [для гнезда] не пригодное, больше [туда] не заглянет; уронив свою добычу, ее не подбирает и улетает. Она боится людей, [но] к ним [в дом] влетает, гнездится же в храме Земли и Проса {13}.

— Что означает, «[таким испытаниям] не было начала и не будет конца»?

— Тьма вещей изменяется, а кто кому [свое место] уступает — неведомо. Как узнать, что [испытания] кончаются? Как узнать, что они начинаются? [Остается] лишь ожидать.

— Что означает «человек и природа едины»?

— Есть природное в человеке; есть природное в природе; [но] то, что в человеке не может быть природным, — это характер. Мудрый человек спокойно уходит телом и [на этом] кончается.

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. [Пролетая, она] задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, [он] поспешил [за ней], держа наготове самострел. [Но тут] заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, на нее набросился, и, глядя на [добычу], забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном [самосохранении].

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга [беду], вещи, конечно, друг друга губят.

[Он] бросил самострел, повернулся и пошел прочь, [но тут] за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны <три дня> не выходил из дома.

— Почему [Вы], учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Це {14}.

— Сохраняя [телесную] форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — [Так долго] наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от [своего] учителя {15}: «Пойдешь к тому пошлому и последуешь за тем пошлым». Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб [и] летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня, за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

Придя в Сун, Янцзы заночевал на постоялом дворе. У хозяина постоялого двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собою] любит, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы [вы] ни пришли.

Глава 21

ТЯНЬ ПОСТОЯННЫЙ

Тянь Постоянный {1}, беседуя с вэйским [царем] Прекрасным, неоднократно упоминал Работающего у Ручья {2}.

— Работающий у Ручья Ваш наставник? — спросил царь Прекрасный.

— Нет, — ответил Тянь. — [Он мой], Постоянного, односельчанин. [Я], Постоянный, потому его хвалю, что [он] не раз очень верно говорил об учении.

— Значит, у Вас нет наставника? — спросил Прекрасный.

— Есть, — ответил Постоянный.

— Кто же Ваш наставник?

— Учитель Кроткий из Восточного Предместья. — Почему же [Вы], учитель, никогда о нем не упоминали? — спросил царь Прекрасный.

— Разве [я], Постоянный, достоин упоминать о нем? Ведь он — настоящий человек! Облик человека, а пустота — природы; следуя [за ней], хранит истинное. Чист [сам], но относится терпимо ко [всем другим] вещам. Тех, которые не обладают учением, он вразумляет снисходительно, так что человеческие намерения [у них] рассеиваются, — сказал Постоянный и ушел.

От удивления царь Прекрасный целый день не промолвил [ни слова. Затем] подозвал стоявших перед ним придворных и сказал:

— Ах, как далеко [нам до] благородного мужа с целостными свойствами! А прежде я считал совершенными речи мудрых и знающих, поведение милосердных и справедливых. [Когда же] услышал о наставнике Постоянного, тело мое освободилось, не хотелось двигаться, уста сомкнулись, и не хотелось говорить. Тот, у кого я [прежде] учился, просто глиняный болванчик! А ведь [царство] Вэй для меня поистине тяжелое бремя!

Дядя [из рода] Мягких [по прозванию] Белоснежный {3} по дороге в Ци остановился на ночлег в Лу. Некоторые лусцы просили разрешения с ним повидаться, но Белоснежный сказал:

— Нет, я не хочу [с ними] встречаться! Я слышал, что благородные мужи в Срединных царствах постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца.

Побывав в Ци, на обратном пути [снова] остановился на ночлег в Лу. Те же люди снова просили разрешения с ним повидаться. Белоснежный сказал:

— Прежде просили о встрече со мной, ныне опять просят о встрече со мной. [Они], конечно, собираются поколебать [мою твердость].

[Он] вышел, принял гостей, а вернувшись [к себе], вздохнул.

На другой день снова принял гостей, а вернувшись, снова вздохнул. — Почему [Вы], возвращаясь после каждой встречи с гостями, вздыхаете? — спросил раб.

— Тебе я, конечно, поведаю, — ответил Белоснежный. — Жители Срединных царств постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, что недавно меня навещали, входили, точно по циркулю, выходили, точно по наугольнику {4}. [Обращались со мной] снисходительно, один — подобно дракону, другой — подобно тигру. Они советовали мне, будто сыновья, наставляли меня, будто отцы. Поэтому-то и вздыхаю.

Повидавшись с Белоснежным, Конфуций [ничего] не рассказал, и Цзылу [его] спросил:

— Почему [Вы], мой учитель, ничего не рассказываете о встрече? Ведь [Вы] так давно хотели повидаться с Белоснежным!

— [Я], твой учитель, увидел с первого взгляда, что [он] хранит в себе учение. В словах [это] объять невозможно!

— ответил Конфуций.

Янь Юань сказал Конфуцию:

— [Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду; [Вы], учитель, спешите, и [я] спешу; [Вы], учитель, бежите, и [я] бегу; [но когда Вы], учитель, мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю.

— Что значат [твои] слова, Хой? — спросил учитель.

— «[Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду» — [означает]: [Вы] учитель, говорите, и [я] говорю; «[Вы], учитель, спешите, и [я] спешу» — [означает]: [Вы], учитель, спорите, и [я] спорю: «[Вы], учитель, бежите, и [я] бегу» — [означает]: [Вы], учитель, рассуждаете об учении, и [я] рассуждаю об учении. «Когда же мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю», — [означает]: [я] просто не понимаю, почему [Вам], учитель, доверяют, хотя молчите; всюду [Вас] поддерживают, хотя [ни с кем] не сближаетесь; народ [к Вам] стекается, хотя нет [у Вас] регалий.

— О! — воскликнул Конфуций. — Разве это не ясно? Ведь нет печали сильнее, чем о смерти сердца, даже [печаль] о смерти человека слабее. Солнце восходит на востоке, а заходит на западном полюсе, с его положением и сообразуется вся тьма вещей. Обладающие глазами и ногами, дождавшись его, вершат свои дела. Оно восходит — появляются, оно заходит — исчезают. Так и со всей тьмой вещей. В зависимости от этого — умирают, в зависимости от этого — рождаются. Однажды я воспринял свою завершенную [телесную] форму, и [она] остается неизменной в ожидании — и конца. Подражая вещам, двигаюсь без перерыва и днем и ночью, и когда она [форма] придет к концу, — не ведаю. Сама собой образовалась моя [телесная] форма, [и] даже знающий судьбы не определит ее будущее. [Я], Цю, таким образом с каждым днем [все далее] ухожу. Разве не горько утратить [нашу дружбу]: мою жизнь, проведенную с тобой рука об руку? Ты раскрыл почти [все, что] раскрыл я, и это уже исчерпал. Думая, что [еще] что-то осталось, ты ищешь [так же напрасно], как искал бы коня на опустевшей рыночной площади. [Как] я покорил тебя, [ты] во многом забыл; [как] ты покорил меня, [я] во многом забыл. И все же, разве стоит тебе скорбеть? Пусть забудется, [каким был] я прежде. От меня останется и незабываемое.

Конфуций увиделся с Лаоцзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил [их], недвижимый, будто не человек. Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда [Лаоцзы] его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли [я], Цю? Верить ли [глазам]? Только что [Вы], Преждерожденный, [своей телесной] формой походили на сухое дерево, будто оставили [все] вещи, покинули людей и возвысились, [как] единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лаоцзы.

— Что [это] означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. [Но] попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю {5}. Обе [силы], взаимно проникая друг друга, соединяются, и [все] вещи рождаются. Нечто создало [этот] порядок, но [никто] не видел [его телесной] формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, — каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и [когда] им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же [всему] этому явился предком [исток]?

— Разрешите спросить, [что означает] такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести [такое] странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, [кто] странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, — ответил Лаоцзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной [вся] тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и [станешь со всеми] ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет [тебя] в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата; беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конца, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью [Вы], учитель, равны Небу и Земле, — сказал Конфуций. — Все же позаимствую [Ваши] истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так, — ответил Лаоцзы. — Ведь бывает, что вода бьет ключом, но [она] не действует, [эта] способность естественная. [Таковы и] свойства настоящего человека. [Он] не совершенствуется, а вещи не могут [его] покинуть. Зачем совершенствоваться, [если свойства присущи ему] так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя [от Лаоцзы], Конфуций поведал [обо всем] Янь Юаню и сказал:

— [Я], Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

Чжуанцзы увиделся с луским [царем] Айгуном {6}, и тот [ему] сказал:

В Лу много конфуцианцев, [но] мало [Ваших] последователей, Пржедерожденный.

— В Лу мало конфуцианцев, — возразил Чжуанцзы.

— Как [можно] говорить, что [их] мало? По всему царству [ходят люди] в конфуцианских одеждах, — возразил Айгун.

— [Я], Чжоу, слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку [в знак того, что] познали время небес; ходят в квадратной обуви [в знак того, что] познали форму земли {7}; подвешивают [к поясу] на разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы [в знак; того, что] решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду; а те, кто носит, вряд ли знают это учение. [Вы], государь, конечно, думаете иначе. [Но] почему бы [Вам] не объявить по всему царству: «Те, что носят, такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тут Айгун [велел] оглашать этот [указ] пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду. Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же его призвал, задал вопрос о государственных делах [и тот, отвечая], оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во [всем] царстве Лу один конфуцианец, — сказал Чжуанцзы. — Вот это можно назвать много!

Не давая места думам ни о ранге, ни о жалованье, Раб из Сотни Ли {8} кормил буйволов, и буйволы жирели. Поэтому, забыв о том, что он — презренный раб, циньский [царь] Мугун вручил ему управление [царством].

[Ограждающий] из рода Владеющих Тигром не давал места думам ни о жизни, ни о смерти, поэтому оказался способным растрогать людей.

Сунский царь Юань задумал [отдать приказ] нарисовать карту. Принять [приказ] явилась толпа писцов. [Одни] стояли, сложив в приветствии руки, [другие], чуть ли не половина, оставшись за дверями, лизали кисти, растирали тушь. Один же писец с праздным видом, не спеша подошел последним. Принял [приказ], сложил в приветствии руки и, не останавливаясь, прошел в боковую комнату.

Царь послал за ним человека последить, и оказалось, что [тот писец] снял одежду и полуголый уселся, поджав под себя ноги.

— Вот это — настоящий художник! [Ему] и можно [поручить карту]! — воскликнул царь.

В [местности] Скрывающихся {9} царь Прекрасный увидел мужа; удившего рыбу: рыбачил без крючка, удилица не держал. Другие рыбаки [сказали]: «Всегда [так] удит». Царь Прекрасный пожелал [его] возвысить и вручить ему [бразды] правления, но боясь неудовольствия старших советников, отцов и братьев, решил покончить [с этой мыслью] и от нее отказаться. И все же в опасении, что народ лишится [защиты] Неба, на другое утро, собрав великих мужей, сказал:

— Ночью [я], единственный, увидел доброго человека с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с одним пурпурным копытом. [Он] провозгласил: «Вручите управление мужу из Скрывающихся. Народ, возможно, получит облегчение!»

— [То был] царь, [Ваш] предок! — взволнованно воскликнули все великие мужи.

— В таком случае погадаем об этом на [панцире] черепахи? — предложил царь Прекрасный.

— Зачем гадать! Приказ царя, [Вашего] предка, не кого-либо другого! — сказали все великие мужи, а затем отправились навстречу мужу из Скрывающихся и вручили ему [бразды] правления.

[Этот муж] не менял уставов и обычаев, не оглашал пристрастных указов, но, [когда] царь Прекрасный через три года понаблюдав, оказалось, что удалыцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки; что старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель; что через [все] четыре границы не смели больше вторгаться [соседи] со [своими] мерками для зерна. [Поскольку] удалыцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки, они стали уважать общее; [поскольку] старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель, они занялись общими делами; [поскольку] через [все] четыре границы не смели больше вторгаться со [своими] мерками для зерна, то правители перестали замышлять измену.

Тут царь Прекрасный признал [мужа из Скрывающихся] царским наставником и, став лицом к северу, [его] спросил:

— Нельзя ли распространить управление на всю Поднебесную?

Муж из Скрывающихся помрачнел и промолчал, [а затем] с безразличием отказался. Утром [он] отдавал приказания, [а] ночью исчез. И никогда [о нем] больше ничего не слышали.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве даже царь Прекрасный не был [властен]? К чему [он] приписал все сну?

— Не говори! Помолчи! — ответил [ему] Конфуций. — Царь Прекрасный обладал всем. Но зачем [ему] были укоры? Он просто сообразовался с моментом.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взшел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней?

И тут Темнеющее Око взшел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Цзянь У спросил Суньшу Гордого:

— Что Вы делаете со своим сердцем? Вы трижды были советником [чуского царя], но не кичились; трижды были смещены [с этого поста], но не печалились. Сначала я опасался за Вас, а ныне вижу — лицо [у Вас] веселое.

— Чем же я лучше других? — ответил Суньшу Гордый. — [Когда] этот пост [мне] дали, я не смог отказаться; [когда] его отняли, не смог удержать. Я считаю, что приобретения и утраты зависят не от меня, и [остается] лишь не печалиться. Чем же я лучше других? И притом не знаю, [ценность] в той службе или во мне [самом]? Если в ней, то не во мне; [если] во мне, то не в ней. Тут и колеблюсь, тут и оглядываюсь, откуда же найдется досуг, чтобы постичь, ценят [меня] люди или презирают?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— [Вот] настоящий человек древности! Знающие не могут [с ним] спорить; красивые не могут [вовлечь его] в распутство; воры не могут обокрасть. Ни Готовящий Жертвенное Мясо, ни Желтый Предок не могли бы завязать [с ним] дружбу. [Если] из-за рождения и смерти, [событий] столь великих, [он] не изменяется, то тем менее [изменится] из-за ранга и жалованья. [Когда] такой человек восходит на высокие горы, дух его не знает препятствий; опускается в глубокий источник и не промокает; попадает в низкое, ничтожное состояние, но не [чувствует] стеснения. [Обладая] изобилием, [подобно] небу и земле [делится] с другими и, чем больше отдает, тем большим владеет.

Царь Чу уселся рядом с царем Фань и вскоре [кто-то] из приближенных чуского царя сказал:

— [Царство] Фань {10} трижды погибало.

— Гибели [царства] Фань, — ответил фаньский царь, — оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование. [Если же] гибели [царства] Фань оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование, то существования [царства] Чу оказалось недостаточно, чтобы сохранить [ваше] существование. Отсюда видно, что Фань еще не начало погибать, а Чу еще не начало существовать.

Глава 22

ЗНАНИЕ СТРАНСТВОВАЛО НА СЕВЕРЕ

Знание странствовало на Севере у истоков [реки] Темная вода, взшло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием {1}.

— Мне хочется тебя спросить, — сказала Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находиться, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на [один из] трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный [берег реки] Светлая вода, взшло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать. Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало [ему те же] вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишь, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуй, ни по какой дороге [не ходи] и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказала Знание. — [А] оба [встреченные мною прежде] не знали. Кто же из [них] прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «Знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постичь <в словах>, свойств нельзя добиться

<речами>. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями [можно] друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает» {2}. [Если] ныне, уже став вещью, [некто] захочет вернуться к своему корню, не будет ли [это ему] трудно? Это легко лишь великому человеку. [Ведь] жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление эфира. Соберется [эфир], образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? [Для всей] тьмы вещей это общее: и то, чем любуются, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается {3}. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает [всю] вселенную», поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. [Это] не значило, что не ответило мне, — не знало, [что] мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. [Это] не значило, что не поведал мне, — хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же [мы к ним] не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это [и есть] знание.

Небо и земля обладают великой красотой, но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком, но [его] не обсуждают; [вся] тьма вещей обладает совершенными [естественными] законами, но [о них] не говорят. Постигнув красоту неба и земли, мудрый постигает [естественные] законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек [предается] недеянию, великий мудрец ничего не создает, [лишь] наблюдает за небом и землей. Ныне они, [небо и земля], священные вплоть до мельчайшей сущности, вместе с другими [вещами] проходят сотни изменений. Вещи сами умирают и рождаются, [сами] квадратные и круглые, где их истоки — неведомо, и все же [вся] тьма вещей существует с далекой древности. Наибольшее — единство шести стран света — не выходит из их, [неба и земли], пределов; наименьшее — осенняя пушинка, [но и] от нее зависит образование тела. Все в Поднебесной то погружается, то всплывает, не остается одним и тем же на всю жизнь. Жара и холод, четыре времени года, сменяя друг друга, соблюдают свой порядок. Смутно, то ли существуя, то ли нет, скользят чудесные, не оформляясь. [Вся] тьма вещей выращивается, но [этого] не сознает. Это и называется корнем, началом, и по нему можно наблюдать за природой.

Беззубый спросил [Учителя] в Тростниковом Плаще, [что такое] путь? [Учитель] в Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, [сосредоточишь] на одном свой взор, то [к тебе] придет согласие с природой. [Если] соберешь свои знания, [сосредоточишься] на одном мериле, то мудрость придет в [твое] жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Не успел [Учитель] договорить, как Беззубый заснул. В большой радости [Учитель] в Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

«Телом подобен иссохшим ветвям,
Сердцем подобен угасшему пеплу,
Сущность познал до глубоких корней,
Бремя прошедшего сбросив навеки.
Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
Не говори с ним
Ведь он — настоящий!»

Ограждающий спросил у [своих] помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести; путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила? тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

Конфуций обратился к Лаоцзы:

— Ныне, на досуге, дозвоьте задать вопрос: [в чем] истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до [белизны] снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, [его] трудно [выразить] в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лаоцзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком <естественным законом> рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а [все] вещи друг друга порождают с помощью [телесной] формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца {4}. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, [а лишь] открытое со [всех] четырех сторон величайшее [пространство]. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. [Он] мыслит без усилий, откликается [всем] вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, [вся] тьма вещей не может не расцветать — не таков ли [естественный] путь каждого? К тому же, мудрый определил, что многознающий вряд ли [обладает] знанием, а красноречивый вряд ли [обладает] прозорливостью {5}. [Определение] мудрого сохранится: ведь прибавляя к нему — не прибавишь, убавляя от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне [всей] тьмы вещей, вмещающая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. Вместе со [всей] тьмой вещей исчерпывать способности и не истощаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который [не подвержен] ни [силе] жара, ни [силе] холода, обитает между небом и землей. Только временно [он] человек и скоро вернется к своему предку <первоначалу>. [Если] наблюдать за ним с самого начала, с рождения, [увидим] вещь студенистую, [обладающую] голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь [идет всего лишь] о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, [кто был] идеальным, а [кто] порочным {6} — Высочайший или Разрывающий на Части?

У плодов и ягод есть [свои] законы. С ними связаны людские порядки, хотя [последние] и сложны. Мудрый, встречаясь с ними, [их] не нарушает; проходя мимо них, [их] не сохраняет; согласуясь с ними, [им] отвечает — [таково его] свойство. Случайно на них откликаться — [таков его] путь. Вот что возвышало предков, вот что выдвигало царей.

Жизнь человека между небом и землей [также] мимолетна, как белый жеребенок, промелькнувший мимо щели <скользнувший по щели солнечный луч> {7}. Каждый появляется внезапно, стремительно, а исчезает плавно, в одиночестве. Развившись рождается, снова развившись, умирает. Живые существа печалются о смерти, род человеческий оплакивает умерших. Освобождаются [лишь] от своего природного чехла, сбрасывают с себя свой природный мешок [одни] суеются, [другие] уклоняясь; душа разумная и душа телесная уходят {8}, за ними — и тело. Это и есть великое возвращение.

[Из] бесформенного рождается форма, форма рождает бесформенное — это известно каждому. [Этим] не интересуется [тот, кто] готов постичь [путь]. Это суждение, общее для многих. Тот, кто постиг, не обсуждает; [кто] обсуждает, — не постиг. [Даже обладающему] пронизательным взором [путь] не встретится. Молчание выше красноречия. Путь нельзя услышать, и уши лучше заткнуть. Вот это и называется величайшим приобретением.

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуанцзы:

— Где находится так называемый путь?

— Повсюду, — ответил Чжуанцзы.

— Приведите пример, тогда лишь сумею [понять].

— В муравье.

— А еще ниже?

— В куколе.

— А еще ниже?

— В черепице.

— А самое низкое?

— В моче и кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— [Ваши] вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжуанцзы. — [Чтобы] постичь путь, [Вы] спрашиваете, [словно] у надзирателя на рынке, как пинают свинью <узнавая, насколько жирна>: чем ниже, тем яснее. Только Вам не; обязательно приводить [пример] — нет вещи, которая бы [пути] избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. [Есть] три слова: чжоу, бьянь, сянь. Звучат [они] различно, а сущность одна, они обозначают одно «повсюду». Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием [стать] простыми и

спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль {9}, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в [область] великого познания и не ведал бы, [как] его исчерпать. Вещество в вещах не отграничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. [Мы] говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Нерешительный [по прозванию] Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. [Как-то] днем Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, [к нему] вошел Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

— [О] Небо! [Он] знал, как я невежествен, груб и распушен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне [своих] безумных слов {10}.

Его речь услышал Закрывающий Курган {11}, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей [пути], понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более [понимают это] те, что воплотили путь. Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

Великая Чистота {12} спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, [что такое] путь?

— Я не знаю, — ответила Бесконечность. [Великая Чистота] спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю, — ответило Недеяние.

— [Если] ты знаешь путь, [то скажи] владеет ли [он] судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто неправ? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное. — Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание-это знание? А знание — незнание? Но кто, же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — [если] слышим, [значит], не [путь]. Путь невидим: [если] видим, [значит], не [путь]. Путь не выразить в словах; [если] выражен, [значит], не [путь]. [Кто] познал формирующее формы бесформенное, ([понимает, что] путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа.

Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную {13}, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на [гору] Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

Свет спросил у Небытия:

— [Вы], учитель, существуете или не существуете? — Но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотрит на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы [еще] достичь такого совершенства! Я способен быть [или] не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как [оно] этого достигло?

Кующему крюки для поясов {14} [на службе] у старшего военачальника было лет восемьдесят, а [мастерства он] ни на волос не утратил.

— Как ты искусен! Обладаешь ли учением? — спросил старший военачальник.

— [Я, Ваш] слуга, [им] обладаю и [его] храню, — ответил Кующий крюки. — [Мне, Вашему] слуге, было лет двадцать, [когда мне] понравилось ковать. Ни на что другое не смотрел, ничего, кроме крюков, не изучал. Поэтому, занимаюсь [своим делом] — будто ничем не занимаюсь и за долгий [срок] им овладел. Насколько же

[сильнее] тот, кто ничем не занимается! Кто только из него не черпает!

Жань Цю {15} спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности [было] то же, что и ныне.

Потеряв [нить] разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился [к учителю] и сказал:

— Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?» Учитель ответил: «Можно. В древности [было] то же, что и ныне». Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне [это] было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — [ибо ты] духовна заранее [подготовился] к восприятию [ответа]. Сегодня неясно, [ибо ты] ищешь [ответа] не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не [успел] ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть и жизнь от [чего-то] зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах, это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Дозвольте задать вопрос, почему учитель прежде говорил: «никого не провожать, никого не встречать»?

— Люди в древности, — ответил Конфуций, — изменялись внешне, но не изменялись внутренне. Ныне люди изменяются внутренне, но не изменяются внешне. Тот, кто один не изменяется, развивается вместе со [всеми] вещами. Спокойно [переносит] изменения, спокойно [переносит] и отсутствие изменений, спокойно [переносит] и согласованные взаимно [изменения] вместе с другими. Конечно, тех, кто вместе с ним, немного. [Так было] в парке рода Кабаньей Шкуры, на стрельбище у Желтого Предка, во дворце рода Владеющих Тигром, в домах Испытующего и Воинственного. Благородные мужи, подобные учителям конфуцианцев и моистов, разбивали друг друга [в опорах] об истинном и ложном. Тем более [это свойственно] нынешним людям. Мудрый, находясь среди вещей, вещам не вредит. Тому, кто не приносит вреда другим, также не могут повредить. Только тот, кому ничто не вредит, может провожать и встречать других, и его могут провожать и встречать.

Леса на горах, равнины, покрытые травой, приносят нам радость и наслаждение. [Но] не исчезнет наслаждение, как придет печаль. Приходу наслаждения и печали мы не способны помешать, их ухода [нам] не остановить. Увы! Ведь человек в мире — лишь постоянный двор для вещей. [Он] знает те [вещи], что встретил, не знает тех, что не встречал. Знает, что может то, на что способен, и не может того, на что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. Разве не горько человеку стремиться отвратить неотвратимое! Истинные слова — без слов. Истинное деяние — недеяние. Сколь ничтожно познание общеизвестного!

Глава 23

ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лаоцзы был Гэнсан Чу {1}. Овладев во многом учением Лаоцзы, [он] поселился на Севере на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми, опирался лишь на старательных, хлопотливых. Прожил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

[Тут] жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас [запасов] — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? [Не воздвигнуть] ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и [долго] не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему [вы], ученики, удивляетесь? Ведь [когда] начинает действовать весенний эфир, растут [все] травы; установится осень, созревает [вся] тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? [Это] проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет [подобно] Покойнику за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямец, желая приносить мне жертвы среди [других] достойных. Разве я [способен] стать для них образцом? Я [помню] слова Лаоцзы и не [могу] успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не повернуться, огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом [вышиной] в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали [дела] способным, а добрых заранее награждали. [Если] так [поступали] с

древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более [так поступает] народ [на горе] Опасное Нагромождение. Послушайте его, учитель! — Подойдите, дети! — сказал Гэнсан Чу. — Ведь зверь, величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избежит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива: на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно [ищут] большую высоту; рыбы, черепахи неустанно [ищут большую] глубину. И человек, чтобы сохранить свою [телесную] форму и жизнь, скрывается и неустанно [ищет большее] уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от, них [пошли] различия, [чтобы люди] стали опрометчиво ломать стены и сеять бурьян; причесываться, перебирая по волоску; варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! [Начали] выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостойн благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, начали грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был взращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений и через тысячу поколений люди будут пожирать людей {2}.

[Тут] Карлик Прославленный на Юге {3} выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение [Вы] вручите вместе с этими словами такому старому, как [я], Карлик?

— Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен [его] обрести. Ныне [вы] сказали [мне], Карлику: «Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах». [Я], Карлик, внимал учению напрягаясь, но [оно] достигло [лишь] ушей.

— Слова [мои] иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — [Ведь] говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусиного яйца — это по силам лишь наседке из Лу {4}. Курица подобна курице, свойства их во всем одинаковые. [Если] одна способна, а другая не способна, это, конечно, [означает], что способности бывают большие и малые. Ныне [оказалось], что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лаоцзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лаоцзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился [к нему] Лаоцзы.

— Да, — ответил Карлик.

— Почему ты привел с собой стольких людей? — спросил Лаоцзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лаоцзы.

Карлик потупился от стыда, [затем] поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем [ты хотел] говорить? — спросил Лаоцзы.

— [Если у меня] не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; [если] будут знания, [они] принесут беду мне самому. [Буду] милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым, навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. [По совету Гэнсан] Чу хотел бы [у Вас] спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские [глубины]. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, [не знаешь], откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что [по учению] любил, отказывался от того, что [по учению] ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лаоцзы. Лаоцзы сказал:

— Ты омылся, пар [идет, как] от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что [с ними] не справиться, идут извне, [следует для них] воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что [с ними] не справиться, идут изнутри, [следует для них] воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать [даже тому, кто владеет] природными свойствами, а тем более [тому, кто лишь] подражает пути.

Карлик сказал:

— [Когда] один человек в селении заболел, земляк спросил его, [что болит], и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. [Я же], Карлик, выслушал [Ваши слова] о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. [Мне], Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лаоцзы. — Способен ли [ты] сохранять единое, [его] не теряя? Способен ли узнавать, [что впереди] — счастье или беда, не гадая ни на [панцире] черепахи, ни на стебле [пухляк]? Способен ли остановиться? Способен ли [со всем] покончить? Способен ли оставить всех людей и

искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? [Ведь] младенец {5} целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со [всеми] вещами, [плыть с ними] на одной волне, — таково главное для сохранения жизни. — Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лаоцзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно [с другими] от земли, наслаждается природой. [Он] не станет суесться вместе с другими из-за прибыли или убытка, [которые приносят] люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими; не станет вместе с другими замысливать планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, [словцо] парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. [Я спросил], способен ли [ты] стать младенцем? [Ибо] младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Тот, чьи свойства в покое, испускает естественный свет. В том, от кого исходит естественный свет, люди видят его человеческое [начало]. Тот, кто совершенствовался, ныне обрел постоянство. К тому, кто обрел постоянство, стекаются люди, ему помогает природа. Того, к кому стекаются люди, называют человеком природы; того, кому помогает природа, называют сыном природы {6}.

Ученик учит [то, что] неспособен выучить. Деятель выполняет [то, что] неспособен выполнить. Оратор ораторствует [о том, о чем] неспособен ораторствовать. [Тот, кто] в знании отступает там, где не способен [познать], [обладает] истинным знанием. Того, кто к этому не приближается, разбивает естественное равновесие.

Вещи запасает, чтобы уберечь тело; прячется от непредвиденного, чтобы [сохранить] живым сердце; осторожен во внутреннем, чтобы постичь другие [вещи]. Если такого и настигнет тьма бед, то все они от природы, а не от человека: недостойны смутить установившегося, не могут [проникнуть] внутрь башни разума. В башне разума [кое-что] сохраняется, но сохраняется без знания, [сознательно] не может сохраняться. Если проявит [это] тот, кто не увидит искренности [проявляемого], то каждый раз проявит то, что не следует. Дело, входя [в сердце], [его] не оставляет и каждый раз приносит [ему новые] утраты.

Того, кто сотворил недоброе явно, удастся покарать людям; того, кто сотворил недоброе тайно, удастся покарать душам предков. Лишь тот, кто понимает людей, кто понимает души предков, способен действовать в одиночестве.

Тот, кто заключает договор внутренний, остается безымянным. Тот, кто заключает договор внешний, стремится к приобретению. От того, кто действует без имени, даже в обычном исходит свет. Тот, кто стремится к приобретению, лишь торгаш. Глядя, как он вытягивается на цыпочках, люди принимают его [за человека] выдающегося.

Вещи вторгаются к тому, кто вместе с вещами исчерпывается. Как же снизойдет до людей тот, кто к вещам безразличен, не способен до них снизойти? Тот, кто не снисходит до людей, не имеет близких. Тому, у кого нет близких, все чужие. Нет оружия более сильного, чем воля, даже [меч] Мосе уступает ей. Нет разбойников более [опасных], чем [силы] жара и холода {7}, от них не скрыться во всей вселенной. [Если] не ограбят [силы] жара и холода, это сделает [собственное] сердце.

Путь пронизывает [все] свои части при образовании и разрушении. От [этих] частей отвращает то, что, будучи частями, [они] стремятся стать целыми. От целого отвращает то, что стремятся к [еще большему] целому. Поэтому в ушедшем безвозвратно видят душу предка. [О тех, кто] ушел и обрел [прежнюю] сущность, говорят — обрел смерть. [Кто] погиб, оставив [телесную] сущность, того и принимают за одну из душ предков. [Это] определяется тем, что бесформенное уподобляют обладающему [телесной] формой.

Выходит, не обладая корнем; входит, не обладая отверстием! обладает сущностью, но не помещением [для нее]; обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца. То, что проникает без отверстий, обладает сущностью; то, что обладает сущностью, но не помещением [для нее], — пространство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, — время {8}. Обладая жизнью, обладает [и] смертью, обладает входящим, обладает [а выходящим]. То, что не проявляет формы ни при входе, ни при выходе, называется вратами природы. Врата природы — небытие. [Вся] тьма вещей выходит из небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, [оно] должно выйти из небытия. Небытие же владеет единственным небытием — вот что скрывали

мудрецы. В познаниях некоторых древних был достигнут [крайний] предел. Какой же предел? Одни считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Другие считали, что [отдельные] вещи существовали, думали что жизнь — [постепенная] утрата, а смерть — возвращение. Этим различие и исчерпывалось. Третьи говорили: «Сначала не было бытия, затем появилась жизнь, жизнь вскоре же [кончилась] смертью». Небытие считали головой, жизнь — туловищем, смерть — хвостом. Тому, кто познал сохранение единства в бытии и небытии, в смерти и жизни, я стану другом. Хотя сторонники этих трех [учений] друг от друга отличались, но единство [у них] отсутствовало [так же, как] у царских родов [в Чу]: Чжао и Цзю носили корону, а Цзя <Цю> {9} получал [селения] на кормление.

Жизнь [человека] — что сажа [под котлом]. Раскрывая [смысл] скажем: перемещение сущности {10}. Хотя это нельзя узнать, нельзя [выразить] в словах, попробуем разъяснить, [что такое] «перемещение сущности». Для жертвоприношения в конце года [у быка] желудок и копыта можно отделить, а можно и не отделять. Участники жертвоприношения обходят вокруг усыпальницы и храма предков, а затем движутся к отхожему месту. Вот это привожу [как пример] «перемещения сущности». Разрешите попытаться рассказать о «перемещении сущности». Здесь основа — жизнь, наставник — знание. Поэтому говорят об истинном и ложном, чтобы в результате приобрести название и сущность. Поэтому себя считают сущностью <хозяином>, заставляя других считать себя идеалом и даже умирать за [этот] идеал. Такие считают умными тех, кого берут [в услужение], глупцами тех, кого не берут, возвышение считают славой, а притеснение — позором. «Перемещение сущности» для нынешних людей подобно объединению Цикады с Горлицей {11}. Если кому-нибудь отдавят ногу на рынке, то извинятся за неловкость; если старший брат [наступит на ногу младшему], то его пожалеет, а если отец — сыну, и так обойдется. Поэтому и говорится: в настоящей вежливости не [разбирают, что за] человек; в настоящей справедливости не [отделяют своих от] чужих; настоящие знания не [таят коварных] замыслов; в настоящем милосердии не [считаются с] родством; в настоящем доверии забывают о золоте.

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности; удали то, что обременяет свойства; убери с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и величие, слава и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце; ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, [приходит] беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, [которое] все совершает.

Путь — уважение к свойствам; жизнь — проявление свойств; характер — сущность жизни; движение характера называем деянием; ложное деяние называем утратой [пути].

Знающий воспринимает [вещи]; знающий обдумывает. [Когда] знающий приближается к тому, чего не знает, [он] подобен косоглазому.

Действие вынужденное называется свойством. Действие лишь во имя собственных [интересов] называется управлением. Названия друг другу противоположны, а соответственно [им] и сущность.

Охотник искусно попадал в мельчайшую [цель], но неискусно избегал людской славы. Мудрый искусен в естественном, но неискусен в людском. Лишь целостный человек способен быть [не только] искусным в естественном, но и добрым в человеческом. Только животное способно [оставаться] животным, только животное способно оставаться естественным. Если целостный человек ненавидит природу, то ненавидит человеческую природу, а тем более [негодует, когда приспособляют] для себя и небо и человека!

[Если] птица встречалась Охотнику, он непременно ее добывал, — это могущество. [Если же] всю Поднебесную вообразить клеткой, не ускользнула бы [ни одна] птица. По этой-то причине Испытующий приманил Найденного на Реке Инь, пообещав ему [ранг] Готовящего жертвенное мясо, циньский Мугун завлек Раба из Сотни Ли с помощью пяти бараньих шкур. Так вот завлекают в клетку лишь с помощью того, что [люди] любят, — не иначе.

Тот, у кого отрубили ногу [в наказание], презирует красоту, отрицает внешнюю славу. Скованные вместе {12} [преступники], забыв и о жизни и о смерти, без страха поднимаются на высокую [гору]. Ведь тот, кто отвык обмениваться подарками, забыл людей. Оттого что забыл людей, считается человеком естественным. Уважают его — не радуется, оскорбляют его — не гневается. Таким может быть лишь тот, кто подобен естественной гармонии.

[Если] обнаруживать гнев, но не гневаться, то окажется, что гнев исходит от негневающегося. [Если], исходя из деяния, предаваться недеянию, то окажется, что деяние исходит из недеяния. Хочешь покоя — стань невозмутимым; хочешь стать проницательным, принимай [все] как по-сердцу. [Если] в действии стремишься к должному, основываясь на том, что тебя вынуждает. Быть вынужденным — таков путь мудрого.

Сюй Отрицающий Душу {1} через Нюй Шана {2} встретился с вэйским [царем] Воинственным; обласкав его, Воинственный сказал:

— Почему [Вы], Пржедерожденный, согласились повидаться со [мною], единственным. Быть может, заболели от трудов в горных лесах?

— Я пришел утешить [Вас], государь, — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Как может царь утешить меня? [Вас], государь, скоро переполюнят страсти и вожделение, а длительная любовь и ненависть приведут к опасным болезням. [Если же, Вы], государь, совсем отбросите страсти и вожделение, забудете любовь и ненависть, [у Вас] заболят глаза и уши. Тогда мне придется соболезновать [Вам], государь. Зачем же [Вы], государь, соболезнуете мне?

Воинственный презрительно промолчал, а Сюй Отрицающий Душу вскоре продолжил:

— Попробую рассказать [Вам], государь, как я распознаю собак. [Собака] низших свойств заботится лишь [об одном] — о сытости, таково же и свойство дикой кошки. [Собака] средних свойств смотрит [вверх], будто на солнце. [Собака] высших свойств, будто забыла о своем единственном, <самой себе>. Коней же я распознаю лучше, чем собак. Коней я распознаю [так]: [если мчится] прямо, точно по натянутому шнуру, делает поворот, точно по крюку, описывает квадрат, точно по наугольнику, описывает круг, точно по циркулю, это — царский конь, но [ему] далеко до коня Поднебесной. У коня Поднебесной дарование, совершенное от природы. [С виду он] будто [чего-то] страшится, будто [что-то] потерял, утратил свое единственное <тело>. Такой [конь] мчится, опережая всех, не поднимая пыли, не ведая, где остановится.

Царь Воинственный развеселился и рассмеялся. [Когда! Сюй Отрицающий Душу вышел, Нюй Шан спросил:

— Чем [Вы], Пржедерожденный, развеселили моего государя? Мой государь еще никогда не обнажал зубов [в улыбке], о чем бы я ему ни рассказывал. Убеждал ли с помощью отдаленного — песен, преданий, обрядов, музыки; убеждал ли с помощью близкого — [записей] на металлических планках в шести чехлах {3} о тех, кто вершил дела и добивался больших заслуг. Всего и не перечать. Чем же [Вы], Пржедерожденный, ныне развеселили моего государя, что он так обрадовался?

— Я лишь поведал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Отрицающий Душу.

— Только и всего? — удивился Нюй Шан.

— Разве не слышал ты про Изгнанника из Юэ? — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Покинув царство, он уже через несколько дней радовался при виде знакомого; покинув царство, он уже через декаду или месяц радовался, при виде встречавшегося ему в [его] царстве; а спустя год радовался при виде [кого-то], похожего на человека. Чем дальше уходил от людей, тем сильнее была тоска по человеку. Скитаясь по пустыне, [по] тропкам, проложенным хорьками среди густой полыни, спотыкаясь, останавливаясь в безлюдье, [он] обрадовался бы, заслышав шаги человека, а тем более кашель родственника, брата рядом с собой. Ведь уже давно ни кашель, ни слова настоящего человека не доносились до слуха нашего государя!

Сюй Отрицающий Душу [снова] увиделся с царем Воинственным и [тот] сказал:

— [Вы], Пржедерожденный, давно уже живете в горных лесах, питаетесь каштанами. Не пресытились ли луком и пореем, что пришли гостем ко мне, единственному? [Или] состарились и стремитесь ныне к мясу и вину? [Или] хотите приобщиться к счастью у [моего] алтаря Земли и Проса?

— [Я], Сюй Отрицающий Душу, родился презренным, в бедности и никогда не осмелился бы пить царские вина и есть царские яства. Скоро [мне] придется утешать [Вас], государь.

— Утешать [меня], единственного? Почему?

— Утешать, государь, и телесно и духовно.

— О чем говорите?

— Небо и земля одинаково вскармливают [всех], — ответил Сюй Отрицающий Душу. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, живущих внизу нельзя считать худшими. [Вы же], государь, — единственный властелин тьмы колесниц. Утруждая народ целого царства, услаждая слух и зрение, обоняние и уста, [Ваш] разум не может [этим] удовлетвориться. Ведь разум предан гармонии, [он] ненавидит распутство. Ведь от распутства — болезни. Поэтому Вас и утешаю. Зачем же [Вам], государь, болеть?

— Давно уже [я] хотел увидеться с [Вами], Пржедерожденный, — ответил царь Воинственный. — Мне хочется любить народ и во имя справедливости покончить с войнами. Возможно ли это?

— Нельзя! — ответил Сюй Отрицающий Душу. — В любви [правителя] к народу — начало гибели народа. Прекратить войны во имя справедливости — означает создать предлог для [новых] войн. [Если Вы], государь, с этого начнете, [все] окажется безуспешно. [Такие] красивые [слова] каждый раз [оказываются] орудием зла. Хотя [Вы], государь, стремитесь к милосердию и справедливости, но приближаетесь к лицемерию. Форма, конечно, создает форму; а завершение, конечно, приносит заслуги; изменения же, конечно, вызовут войну извне. Не расставляйте, государь, ряды журавлей на прекрасной дозорной башне; не помещайте пеших и колесничих во дворце Цзытань; не замышляйте измены ради приобретения, не побеждайте других ни хитростью, ни замыслами, ни оружием. Не ведаю, для кого хороша война? В чем победа? Убивать чужих воинов и жителей, захватывать чужие земли, чтобы выращивать свое личное <тело>, свой разум? [Если Вы], государь, с этим покончите, будете совершенствоваться в себе [чувство] верности, отвечая собственной природе, перестанете теснить [других], то люди уже избавятся от убийства, зачем же тогда [Вам], государь, кончать с войнами?

Желтый Предок поехал повидаться с Высоким Утесом {4} на гору Терновая Чаша. Колесничим был Едва Прозревший, на пристяжной [тройки] — Блестящий Сказочник, впереди коней [бежали] Предполагающий и Друг Повторяющий, позади колесницы — Подобный Привратнику и Смехотвор. Доехав до равнины у города Сянчэна, семеро мудрецов {5} заблудились. Узнать же дорогу было не у кого. Тут встретился им отрок-табунщик, и [они его] спросили:

— Знаешь ли ты гору Терновая Чаша?

— Да, — ответил отрок.

— Знаешь ли ты, где живет Высокий Утес?

— Да!

— Удивительно! — воскликнул Желтый Предок. — Ребенок, а знает не только, где гора Терновая Чаша, но и где живет Высокий Утес. Разреши спросить, что делать с Поднебесной?

— Что делать с Поднебесной? — ответил отрок. — То же, что и здесь [с табуном], и только. Что еще [с ней] делать? С детства я бродил среди шести стран света и омрачилось мое зрение. Некий старец меня научил: «броди в степях у Сянчэна, подобно колеснице солнца». Ныне глазам стало лучше, и я снова пойду скитаться за пределами шести стран света. Что делать с Поднебесной? То же, что и здесь [с табуном], и только. Что мне [с ней] делать?

— Управление Поднебесной действительно не [Ваше] дело, мой учитель. И все же, разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

Отрок отказался [отвечать, но] Желтый Предок повторил свой вопрос, и отрок сказал:

— Не так ли [следует] управлять Поднебесной, как пасти коней? Устранять [все], что вредит коням, и только. Желтый Предок дважды поклонился [отроку], назвал его Небесным Наставником {6} и удалился.

Мужь знающие невеселы, [когда] нет событий для размышлений; ораторы невеселы, [когда] нет школы для речей; надзиратели невеселы, [когда] нет дел для розыска и допросов; все они ограничены [определенными] занятиями. Мужь, взывающие к современникам, процветают при дворе. Мужь среднего [состояния] славят начальников. Силачи гордятся трудностями. Мужь отваги воодушевляются опасностью. Вооруженные мужь в кожаных доспехах радуются битве. Мужь, иссохшие, [словно] дерево, [утешаются] былой известностью. Мужь законов укрепляют управление. Мужь [из] школы обычаев предаются почитанию внешности. Мужь милосердия и справедливости ценят общение [с другими]. Земледельцы, если нет дела по распашке целины, не сближаются. Купцы странствующие и оседлые, если нет [торговых] дел на площади и у колодца, не сближаются. [Когда] у всех людей есть занятие с утра до вечера, [они друг друга] поощряют. Сотни ремесленников, владеющих искусством [создавать] утварь и оружие, [друг друга] усиливают. [Если] деньги и имущество не накапливаются, алчный печалится. [Если] власть и сила не увеличиваются, тщеславный горюет. Приверженцы силы и управления радуются переменам. [Они] найдут себе применение, воспользовавшись [любим] случаем, не у дел не останутся. Все они гонятся [друг за другом], точно [времена] года, но не изменяются, как вещи. Дают полную волю своей [телесной] форме и характеру, погрязают во тьме вещей {7} и до конца жизни не возвращаются [к самим себе]. Увы!

Чжуанцзы спросил:

— [Если] называть прекрасным стрелком того, кто случайно попал в цель, то все в Поднебесной оказались бы [меткими], как Охотник. Возможно ли это?

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— [Если бы] в Поднебесной не было общей истины, и каждый утверждал бы свою истину, то все в Поднебесной были бы [непогрешимы, как] Высочайший. Возможно ли это? — спросил Чжуанцзы.

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— Конфуцианцы, моисты, сторонники Яна {8} и Бина {9} составляют четыре [школы], а вместе с [вашей], учитель, пять. У какой же [из школ] в действительности истина? А возможно, ею обладает Лу Цзюй? {10} Его ученик сказал: «Я овладел [Вашим] учением, наставник. Я способен зимой без огня приготовить кушанье в треножнике, а летом сделать лед». Лу Цзюй ответил: «Это просто призыв жары с помощью жары, призыв холода с помощью холода, а не то, что я называю учением. Я покажу тебе свое учение». И тут [он] настроил [два инструмента] шэ, один положил в зале, другой — в боковой комнате. Тронул [тон] гун [одного инструмента], и откликнулся гун [другого], тронул [тон] цзю [одного инструмента], и откликнулся цзю [другого], они прозвучали в унисон. Но можно ли изменить строй одной струны и без соответствия пяти тонам, чтобы, тронув ее, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Вот такой звук был бы государем <ведущим>. А такова ли твоя истина?

— Ныне конфуцианцы, монеты, сторонники Яна и Бина ведут со мной спор, уничтожая друг друга в речах, подавляя друг друга в славе, — сказал Творящий Благо. — Но меня еще [никто] не опроверг. Ну, каково?

— Цисец покалечил ногу сыну и, приказав [ему] стать привратником как [человеку] неполноценному, отослал к сунцу. Так бросают себе подобных, — сказал Чжуанцзы. — Чтобы уберечь колокола <жертвенные сосуды>, он

обвязал их веревкой. А чтобы отыскать потерянного сына, не вышел даже за пределы царства. Чусец, остановившись [в чужом доме], обругал привратника; в полночь, в безлюдном месте стал драться с лодочником. Еще не отчалил от берега, а уже затеял ссору.

[Когда] Чжуанцзы провожал покойника, [процессия] прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжуанцзы сказал сопровождающим:

— [Как-то] инец вымазал себе глиной кончик носа — [пятна было] с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер — лишь выслушал [приказ] и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: «Попробуй стесать у [меня], единственного». Плотник же ответил: «Когда-то [я, Ваш] слуга, мог это сделать, но [человека] того материала уже давно нет». У меня также нет материала, с тех пор как умер учитель [Творящий Благо]. Мне не с кем спорить {11}, — [заклучил Чжуанцзы].

Гуань Чжун заболел, и Хуаньгун задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел, государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нельзя! — сказал Гуань Чжун. — Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных меряет по себе, а не себя по другим. И потом, раз услышав о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил царь.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну, — ответил Гуань Чжун. — Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; кто уделяет людям от [своих] богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Плывя по Реке, усский царь поднялся на Обезьянью гору. Увидев его, стадо обезьян в испуге [все] побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, [как бы] хвастаясь [своим] искусством перед царем. Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел [своим] помощникам стрелять непрерывно, обезьяна же упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений {12}:

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью, надеялась на свою изворотливость, — и погибла. Ах! Пусть это [послужит тебе] предостережением! Не гордись перед людьми своей красотой!

Вернувшись [домой], Красавец Без Сомнений обратился к Дуну Платану {13} за наставлениями, как избавиться от своей красоты, отказаться от наслаждений и знатности. Прошло три года, и люди царства стали его хвалить.

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья сидел, облокотясь о стол. [Он] смотрел вверх и тихо дышал. Войдя к нему повидаться, [Странник] Красоты Совершенной сказал:

— [Вы] учитель, лучший из людей! [Вы], конечно, можете телом уподобиться иссохшим костям, а сердцем — угасшему пеплу.

— Прежде я жил в горной пещере, — заговорил Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья. — Однажды меня навестил Тянь Хэ {14}, и весь народ царства Ци трижды восславил его. Я, конечно, раньше достиг [славы], поэтому он обо мне и узнал. Если бы у меня ее не было, как бы он обо мне узнал? Я должен был [свою славу] продать, а он — перепродать. Если бы я ее не продал, как бы он сумел перепродать? Ах! Я стал печалиться о тех, кто сам себя губит; я стал печалиться и о тех, кто печалится о других; я стал печалиться и о тех, кто печалится о чужих печалях. С тех пор и стал с каждым днем все больше [от этого] отдаляться.

Конфуций пришел в Чу, и чусский царь угощал его вином. Суньшу Гордый подал кубок, а [Удалец] с Юга от Рынка принял [кубок] и, совершив возлияние вина, сказал.

— Здесь заговорит древний человек!

— [Я], Цю, также слышал насчет учения без слов, никогда о нем не говорил, здесь же скажу, — промолвил Конфуций. — [Удалец] шутил, а спор двух домов прекратился {15}. Суньшу Гордый с веером из перьев в руках сладко спал, а жители Ин отложили оружие {16}. [Для таких случаев мне], Цю, хотелось бы обладать языком в три чи. У [них] обоих, можно сказать, [есть] путь, который нельзя назвать. Поэтому [их] свойства соединяются воедино с путем, и слова иссякают [там, где] знающий не способен познать, — [это] высшее. [Но даже] в

единстве с путем свойства не могут быть одинаковыми. То, что знающий не способен познать, красноречивый не способен прославлять. Беда — от [таких] названий как конфуцианцы и монеты. Ибо [в том, что] море безотказно [принимает реки], текущие на восток — [его] высшее величие. Мудрый объемлет и небо и землю, благодетельствует [всем] в Поднебесной, а из какого он рода — неведомо. Поэтому живет, не имея ранга, умирает без посмертного имени. Богатств не накапливает, славы не утверждает. Вот такой и называется великим человеком. Не за звонкий лай собаку считают хорошей, не за красивые речи человека считают добродетельным, а тем более — великим. Ведь [когда кого-нибудь] считают великим, [этого] недостаточно, чтобы быть великим, а тем более — обладающим свойствами. Ведь нет ничего более целостного, чем небо и земля. Но разве [они] обладают целостностью оттого, что [сами] ее добиваются? Тот, кто познал великую целостность, ничего не добивается, ничего не теряет, ничего не оставляет. Из-за вещей не меняется, возвращается к самому себе и [становится] неисчерпаемым. Следует за древностью, не приукрашивая, — воистину великий человек!

У Владеющего Своими Чувствами {17} было восемь сыновей. Выстроив всех их перед собой, [он] призвал Пропавшего Без вести Во Вселенной {18} и сказал:

— Узнай по лицам моих сыновей, кто из них будет счастливым!

— Порог, — ответил физиономист, — [на его лице] счастливое предзнаменование.

— Какое же? — и тревожась, и радуясь, спросил Владеющий Своими Чувствами.

— До конца дней своих Порог будет делить пищу с царем, — ответил физиономист.

— Неужели моего сына постигнет такое бедствие? — спросил Владеющий Своими Чувствами и слезы потекли [у него] ручьем.

— Ведь для того, кто делит пищу с царем, милости распространяются на три рода {19}, а особенно — на отца и мать. Ныне же [вы], учитель, услышав об этом, проливаете слезы, противитесь счастью. Счастливое предзнаменование [принимаете] за несчастливое.

— Как же ты, Пропавший Без Вести, узнал о счастливом предзнаменовании для Порога? — спросил Владеющий Своими Чувствами.

— Все от вина и мяса — я ощутил [их] аромат, [их] вкус.

— Как же ты узнал, от кого они?

— Чудом узнал {20}, вот как! Никогда я не был пастухом, а овца ягнилась в юго-западном углу [моего дома]. Никогда не любил охотиться, а перепелка вывела птенцов в юго-восточном углу.

— Я со своими сыновьями был странником, странствовал по вселенной. Вместе с ними стремился наслаждаться природой и кормиться от земли. Вместе с ними я не вершил никаких дел и не строил замыслов, вместе с ними я [ничему! не удивлялся и не ссорился ни с кем из-за вещей. Вместе с ними я восходил к совершенству неба и земли. Вместе с ними я предавался лишь приволью и не занимался тем, чего требовал долг, отказался от всех пошлых обычаев. А ныне и пришло возмездие. Но за каждым чудесным свидетельством кроются чудесные поступки. Беда близка! [Но] на мне и на моих сыновьях нет вины. Все идет от природы! Поэтому-то я и проливаю слезы.

Вскоре [отец] послал Порога в Янь, а в пути его захватили разбойники. Продать его целым было труднее, легче безногим {21}. Тут [ему] отрубили ногу и продали в Ци. Порог оказался на улице [привратником] главного сановника {22} и до самой смерти питался мясом.

Беззубый встретился с Никого не Стесняющим и спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Бегу от Высочайшего, — ответил тот.

— Почему же?

— Высочайший настолько предается милосердию, что над ним, я боюсь, станет смеяться вся Поднебесная. В будущих же поколениях люди станут пожирать людей. Ведь народ собрать не трудно. Любишь людей — [они] приближаются, приносишь им выгоду — приходят; хвалишь их — [друг друга] поощряют. Но коснись того, что они не любят, — [все] разбегутся. Любовь и выгода рождаются от милосердия и справедливости. Тех, кто отбрасывает милосердие и справедливость, мало; тех, кто использует милосердие и справедливость, много. Но только поступки милосердных и справедливых не искренни, к тому же [они] заимствуют жадность у хищников. Поэтому, [если] один человек управляет и судит о пользе всей Поднебесной, то уподоблю его тому, чей взгляд ограничен. Ведь Высочайший знает, что добродетельные приносят пользу Поднебесной, но не ведает, как они губят Поднебесную. Это познают лишь те, кто [обходится] без добродетельных.

Есть Нежный Красавец {23}, есть Предающийся Неге, есть Хватающий Согбенный. Этот самый Нежный Красавец учит [наизусть] речи одного преждежденного — нежно, красиво — и втайне сам собою любит, считая, что [этого] достаточно, и не ведая, что еще и не начал что-либо познавать. Вот такой называется Нежным Красавцем. Предающийся Неге подобен вше на [шкуре] свиньи. Выбирая [где] щетина пореже, вошь чувствует себя в обширном дворце, огромном парке. Покойными и удобными местечками она считает щели в копытах, складки кожи, промежутки между сосцами, бедрами. Не ведает, что однажды утром мясник взмахнет руками,

подстелет травы, разведет огонь и спалит ее вместе со свиньей. Вот такой, кто [толчется] в одном мирке, то входя [в него], то выходя, и называется Предающимся Неге.

Хватающий Согбенный — это Ограждающий. Баранине ни к чему муравьи, но муравьям нравится запах баранины. Поступки Ограждающего пахли, [как] баранина, и народу он понравился. Трижды [он] переселялся {24}, создавая города. Когда переселялся на пустыри в Дэн, [с ним] уже было десять раз по десять тысяч семей. Услышав о добродетели Ограждающего, Высочайший выделил ему Отрочью землю {25} и сказал:

— Надеюсь, [земля] обретет благоденствия с его приходом.

Поднимая отрочью землю, Ограждающий [телом] постарел, разумом одряхлел, а все не мог найти покоя, вернуться [домой]. Вот и назывался Хватающим Согбенным.

Поэтому-то пронизательный и не любит, чтобы [к нему] стекалась толпа. [Если] толпа стекается, [он с ней] не сближается, [если] не сближается, [для нее] бесполезен. Поэтому [он] не слишком [с нею] сближается, не слишком [от нее] отдаляется. Тот, кто хранит свойства и лелеет гармонию, чтобы следовать за Поднебесной, и называется настоящим человеком. [Он] отбрасывает смысл, подобный баранине; отбрасывает знания, подобные муравьиным, и обретает средство, подобное рыбьему {26}.

Глазами всматривается в видимое, ушами вслушивается в слышимое, сердцем отвечает познаваемому — такой ровен, как отвес, а в изменениях следует пути.

Настоящий человек древности воспринимал [все] с помощью природного, не вносил в природу человеческого. [Таков был] настоящий человек древности.

Обрел это — родился, утратил это — умер. Обрел то — умер, утратил то — родился. Какое из лекарств станет владыкой ныне: воронья голова или цзегэн, куриная голова или чжулин? {27} Разве [все это] можно перечислить?

Когда Гоуцзянь и три тысячи латников со щитами засели на Куйцзи-[горе], только [Вэнь] Чжун {28} знал, как сохранить [царство] при поражении; только [Вэнь] Чжун не ведал, какая скорбь [уготована] ему самому. Поэтому и говорится: «И глаза совы бывают пригодны»; «И на ноге аиста есть коленце, отними — станет больно». Поэтому и говорится: «Ветер перелетит через Реку, и [воды] убавится; солнце перейдет через Реку, и [воды] убавится». Ветер вместе с солнцем сдерживают Реку, Река же считает, что ее никогда не затрагивают, [что она] от истоков [течет] вдаль. Поэтому вода держит землю, [это ее] рубеж; тень держит человека, [это его] рубеж; [одну] вещь держит [другая] вещь, [это для каждой вещи] рубеж. Поэтому, чем острее взор, тем опаснее; чем тоньше слух, тем опаснее; чем сильнее стремление сердца, тем опаснее; каждая способность, исходящая изнутри, опасна. [Когда] опасность созрела, [ее] не устранишь. Бедствия возрастают и стекаются тучами. Их предотвращение требует [больших] трудов, а результат — долгого ожидания. А человек — увы! — считает их [органы чувств] своим сокровищем. Поэтому-то без конца и губят царства, убивают жителей, и никто не умеет спросить: почему? Нога [человека], ступая по земле, занимает мало [места]. Пусть мало, но, опираясь на него, [идет] туда, где еще не ступала [нога человека], способен затем уйти далеко. Знания человека малы. Пусть малы, но, опираясь на них, [идет] к непознанному {29} и познает затем то, что называется природой. Познает великое единство, познает великую [силу] тьмы, познает великое зрение, познает великое равновесие, познает великую безграничность, познает великое доверие, познает великое утверждение, [это познание] — высшее. Великим единством все объединяет, великой [силой] тьмы все расчленяет, великим зрением все созерцает, великим равновесием следует [природе] каждого, великой безграничностью [следует] форме каждого, великим доверием предоставляет каждого [своей сущности], великим утверждением держится [самоутверждения] каждого.

Во всем до конца — природа. Следуя [ей], обретают понимание. Тьма обладает стержнем, [от нее] начинаются и другие [вещи]. В ней их расчленение, [но] будто без расчленяющего; познание же этого будто не познание. [Тот, кто] не знает, впоследствии это познает. Вопросам об этом не может быть предела, но нельзя их задавать и беспредельно. [Вещи] легки, неуловимы, [но] каждая обладает своей сущностью; ни в древности, ни ныне одна не заменяет другую, нельзя [никакую вещь] умалить. Почему же тогда не дать название [тому, что] обладает великим проявлением и доказательством? Почему же не спросить о сущности? К чему сомневаться? Чтобы разрешать сомнения {30} с помощью несомненного, возвращаясь снова к несомненному вплоть до великого несомненного.

Глава 25

ПОДРАЖАЮЩИЙ СВЕТУ

Подражающий Свету {1} странствовал в Чу. И Преданный Долгу {2} сказал о нем царю, но царь [его] еще не принял, а И Преданный Долгу уже вернулся [к себе домой].

Подражающий Свету увиделся с Ваном Решительным {3} и сказал:

— Почему бы [Вам], учитель, не заговорить обо мне с государем?

— Мне далеко до Гуна Ушедшего от Смотров, — ответил Ван Решительный.

— А чем занимается Гун Ушедший от Смотров? — спросил Подражающий Свету.

— Зимой бьет острогой черепах в Реке, а летом отдыхает на горе, в тени, — ответил Ван Решительный. — Когда расспрашивают его прохожие, отвечает: «Это мое жилище». Ведь если не сумел [представить Вас царю] И Преданный Долгу, разве я [сумею]? Мне далеко до И Преданного Долгу. Ведь что за человек И Преданный Долгу! Свойств нет, а знаниями обладает. [Если], не опираясь на собственную волю, используете его чудесную способность к связям, [он], конечно, погрузит [Вас] во мрак богатства и знатности, поможет не [обрести] свойства, а [их] истощить. Ведь замерзающему [он] одолжит одежду весной, а умирающему от жажды [посулит], напротив, холодный ветер зимой. А что за человек царь Чу! С виду — величествен и суров, с провинившимися беспощаден, словно тигр. Кто сумеет склонить его, кроме льстецов, [поправших] истинные свойства! Поэтому мудрый в крайней нужде заставляет домашних забыть о бедности; будучи проницательным, заставляет царей и знатных забыть о рангах, о жалованье и стать скромными; среди вещей вместе с другими наслаждается; среди людей он одобряет тех, кто, сохраняя себя, проникает в вещи. Поэтому даже без слов [он] поит людей гармонией; рядом с людьми их улучшает; как должно отцу [поступать] с сыном, возвращает их в свое жилище. А отдыхая от своих благодеяний, отдалается от людских помыслов. Поэтому и говорю: «дождись Гуна Ушедшего от Смотров»!

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, [сам] не ведая почему, — таков [его] характер. Отвечая колебаниям жизни, [он] считает своим учителем природу, люди же вслед называют его [учителем]. Печально, что не узнают и не делают [этого] постоянно, и вскоре приходит конец. Каким же образом? [А вот как]: красивому от рождения люди дают зеркало. Не поведали бы, и не узнал, что красивее других. То ли знал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет; а радоваться мог бы до смерти без конца; люди любовались бы на него также без конца — таков характер. Мудрый же любит людей, и люди [так] называют его. Не назвали бы и не ведал бы, что любит людей. То ли ведал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет, а его любовь к людям [длилась бы] до смерти без конца, и люди наслаждались бы ею также без. конца — таков характер.

Родное царство, родная столица, взглянуть на них издали — какое счастье! Пусть это даже скопление холмов и курганов, заросших травами и деревьями, но девять из десяти вернувшихся все же будут счастливы, а особенно [когда] увидят уже виденное, услышат уже слышанное. [Это словно] башня в десять жэней высотой, которой любитесь весь народ.

[Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде {4} обрел центр <ось>, чтобы следовать за образованием [вещей]. Вместе с вещами не знал ни конца, ни начала, ни краткого мига, ни дня. Изменяясь вместе с вещами, в одиночестве не изменялся. Почему же на этом не остановился? Ведь тот, кто учится у природы, не способен учиться у природы; кто вершит дела в соответствии с вещами, вместе с вещами гибнет. Каким же образом? Мудрый никогда [не стремится] обладать природным, никогда [не стремится] обладать человеческим, никогда [не стремится] обладать началом, никогда [не стремится] обладать вещами. Двигается вместе со своим временем и [никого] не заменяет; поступки его целостны, [он] не терпит поражений и объединяется с путем — вот как!

Испытующий узнал начальника дворцовой стражи и ведающего колесницами — Восходящего и Неуклонного {5} — и сделал их своими наставниками. Следуя за наставниками, [он этим] не ограничился и обрел [способность] следовать за образованием [вещей]. А эту заслугу приписал своим должностным лицам. Таким способом [добился] выигрыша: обрел двух выдающихся. Конфуций же считал, что дело учителя «истощить все свои помыслы».

Юн Чэнцзы сказал:

— Без дня нет и года, без внутреннего нет и внешнего.

Юн, [царь] Вэй, заключил клятвенный союз с [царем] Моу из [рода] Тянь. Когда Моу нарушил договор, Юн в гневе хотел послать [человека] его заколоть. Узнав об этом, [полководец] Носорожья Голова пристыдил [царя]: — [Вы], государь, властелин тьмы колесниц, собираетесь поручить месть одному человеку. [Я], Янь, прошу дать мне двести тысяч латников. Для [Вас], государь, я нападу на него, пленю его народ, угоню его буйволов и коней, так что внутренний жар этого царя скажется на его спине. Затем я захвачу его страну, и когда [он] в ужасе побежит, я ударю его в спину и перебью позвоночник.

Услышал об этом Цицзы и пристыдил:

— Строили стену высотой в десять жэней. Теперь же, [когда] стена в десять жэней выстроена, снова сломать ее — тяжкий труд скованных вместе [преступников]. Ныне уже семь лет как не было войны. Это — опора государя. Янь — смутьян, [его] нельзя слушать.

Услышал об этом Хуацзы и [их] обругал:

— Призывающий напасть на Ци — смутьян. Призывающий не нападать — тоже смутьян. Тот, кто называет смутьянами [сторонников и противников] нападения, тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Царь должен лишь стремиться найти путь, — ответил Хуацзы.

Услышав об этом, Творящий Благо представил [царю] Несущего Возвышенное {6}, и тот спросил:

— Знает ли царь так называемую улитку?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство, которое зовется родом Бодливых, на правом рожке улитки {7} расположено царство, которое зовется родом Диких. [Они] все время воюют друг с другом за землю. Убитые падают десятками тысяч, преследуют разбитого врага десять дней и [еще] пять, а затем только возвращаются.

— Ах, пустая болтовня! — воскликнул царь.

— Разрешите [мне, Вашему] слуге, показать это [Вам], государь, наглядно. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах, в зените и надире. Есть ли [ему] предел {8}?

— Нет предела.

— Познав, как странствовать мыслью в беспредельном, обратитесь к известным царствам, [ведь они] вроде бы существуют, а вроде бы и не существуют?

— Да.

— Среди известных [царств] есть Вэй, в Вэй находится [столица] Лян, а в Лян — [Вы], государь. Есть ли различие между [Вами], государь, и родом Диких?

— Нет различия, ответил царь.

Гость ушел, а царь остался в смятении, точно в забытьи. [Когда] гость удалился, подошел Творящий Благо и царь сказал:

— Гость — великий человек. Ему недостойно противостоять [ни один] мудрец.

— [Когда] играют на флейте, — сказал Творящий Благо, — слышится мелодия. [Когда же] дуют в кольцо эфеса, [слышится] лишь свист. Люди восхваляют Высочайшего с Ограждающим, а ведь Высочайший с Ограждающим перед Несущим Возвышенное уподобятся лишь свисту.

Конфуций пришел в Чу и остановился у [продавца] кашицы на Муравьином холме. Его соседи — муж с женой, слуги и служанки поднялись на высокое место <крышу>.

— Что делают эти люди? — спросил Цзылу.

— Это рабы мудрого, — ответил Конфуций. — Он похоронил себя в народе, скрылся среди полей. Голос его умолк, но воля его не иссякла. Хотя уста его говорят, но мыслей никогда не высказывают. Притом [он] противостоит всему своему поколению и брезгует с ним объединяться. [Он] — тот, кто «утопился на суше», из таких [как Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе.

Цзылу попросил разрешения пойти и позвать его, но Конфуций сказал:

— Оставь! Он знает [меня], Цю, лучше, чем [я] сам. Знает, что [я], Цю, пришел в Чу, и думает, что [я] стану добиваться приглашения царя Чу. Ведь он считает [меня] болтуном. Он постыдится слушать речи болтуна, а тем более с болтуном встречаться. Почему ты думаешь, что [он] еще там?

Цзылу пошел и взглянул — комната соседей [оказалась] пустой.

Страж границы Высокий Платан спросив у Цзылао {9}:

— Не должен ли государь, верша дела, пахать тщательно, а управляя народом, не разрывать ростков? Прежде, сея, я пахал небрежно, и поле вознаграждало меня зерном также небрежно; полон, разрывая ростки, и вознаграждали меня также разорванные ростки. На следующий год я ввел другие порядки: пахал глубоко, как следует боронил, и зерно уродилось обильно. Весь год я ел досыта.

Услышав об этом, Чжуанцзы сказал:

— Многие нынешние люди относятся к своей [телесной] форме и к сердцу так, как говорил Страж границы. Ради всевозможных дел бегут от своей природы, покидают свой характер, уничтожают собственные чувства, губят свой разум. Вот у того, кто небрежно вспахивает свой характер, в характере и остаются корни зла — любви и ненависти. Осока и тростник, зарождаясь, сначала будто поддерживают мою [телесную] форму, [но] стремятся искоренить мой характер, а потом без разбора, отовсюду просачиваются и прорываются, [вызывая] язвы, нарывы, пылая внутренним жаром и исходя гноем. Вот оно что!

Кипарисовый Наугольник {10}, учась у Лаоцзы, сказал:

— Дозвольте странствовать по Поднебесной.

— Оставь, — ответил Лаоцзы. — Поднебесная [всюду] одинакова. [Кипарисовый Наугольник] повторил свою просьбу, и Лаоцзы спросил:

— Откуда же ты начнешь?

— Начну с Ци, — ответил Кипарисовый Наугольник. — Приду туда, увижу казенного {11}, подниму его и поставлю, сниму [с себя] придворную одежду, прикрою его и стану оплакивать, взывая к Небу: «Сын [мой]! Сын [мой]! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты первый пал его жертвой!» Говорят: «Не становись разбойником! Не становись убийцей!». Но с тех пор, как возвели [в закон] славу и позор, появились и пороки; с тех пор, как стали копить товары и имущество, начались и тяжбы. Ныне возвели [в закон] то, что ожесточает людей; накопили то, из-за чего ведутся тяжбы; довели людей до крайности, лишив их покоя. Как же можно

теперь предотвратить [злодеяния]! Древние государи за [все] блага воздавали [хвалу] народу, а во всех бедах [винили] себя; [все] истинное видели в народе, а заблуждения — в себе. Поэтому только один [царь] терял свое тело и, порицая сам себя, уходил [из жизни]. Ныне же [все] по-иному. Скроют происшедшее и [порицают] не ведающих [о нем] за глупость; поставят невыполнимую задачу и осудят за отсутствие смелости; возлагают тяжкие обязанности и покарют за то, что с ними не справились; [пошлют] дальней дорогой и казнят за опоздание. Люди же, зная, что сил не хватит, заменяют их притворством. С каждым днем все больше лицемерия [у высших]. Как же могут не лицемерить и мужи, и народ? Ведь [если] не хватает силы, притворяются; не хватает знаний — обманывают; не хватает имущества — грабят. Но кого же [тогда] можно обвинять за кражу?

Цюй Боюй проповедовал шесть десятков лет {12}, а в шестьдесят лет изменился. То, что в начале утверждал, под конец изгонял и отрицал. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным!

[Вся] тьма вещей живет, а корней не видно; появляется, а ворот не видно. Все люди почитают то, что познано знанием; а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знания, познают непознанное. Разве не назовут [это] великим сомнением? Оставь, оставь! Ведь от этого никуда не скроешься! Это и есть так называемая истина? Да!

Конфуций спросил у великих хронистов — Большого Чехла, Дяди Всегда Ошибающегося и Кабаньей Шкуры {13}:

— Почему вэйский царь получил [посмертный титул Лин] Чудотворный? {14} Ведь он пьянствовал, предавался наслаждениям, не вникал в управление царством. Охотился с облавами, собаками, силками и привязными стрелами, но не вступал в союзы с другими правителями.

— Именно по этой причине, Лин [Предмет Одушевленный], — ответил Большой Чехол.

— У этого царя было три жены, — ответил Дядя Всегда Ошибающийся, — [он] с ними купался в [одной] ванне. [Когда же] по царским делам туда вошел Хронист Ю, [царь] схватил материю и распростер [будто] крылья. Столь беспутный, он стал таким; почтительным при виде добродетельного. Поэтому и назван[посмертно] Лин [Сообразительный].

— [После] смерти царя гадание о захоронении на родовом кладбище оказалось несчастливым, гадание же о захоронении на Песчаных холмах — счастливым. [Когда] рыли, на глубине нескольких жэней нашли каменный саркофаг. Очистив, увидели надпись, которая гласила: «Нет доступа сыновьям. Царь Лин займет его и в нем поселится». Ведь царь уже давно стал Лином [покойником]. Разве достойны об этом знать те двое? — Так сказал Кабанья Шкура,

Малое Знание {15} спросило у Справедливого Приводящего к Согласию:

— Что означают речи о селениях? {16}

— В селениях по обычаю объединяются десяток фамилий, сотня имен. Объединяются различные, считаясь подобными; рассеиваются подобные, считаясь различными. [Если] ныне назовешь сотню частей коня, конь не получится. [Если же] конь стоит перед [тобой], стоит со всей своей сотней частей, то назовешь его конем. Поэтому скапливаясь из низкого, холмы и горы становятся высокими; собирая воду, реки становятся широкими. Великий; человек всех объединяет и [все] считает общим. Поэтому, [если мысли] приходят извне, [он] на своем не настаивает; [если] исходят от него и справедливы, [ему] не возражают. У [каждого из] четырех времен года особый эфир, но [ни одному] природа не оказывает предпочтения, поэтому год завершается. У [каждого из] пяти начальников особые обязанности, но [если] государь не пристрастен, то в царстве порядок. Великие люди не награждали ни за красоту, ни за храбрость, поэтому свойства были целостными. У [каждой из всей] тьмы вещей [свои] законы, но путь беспристрастен, поэтому не обладает именем. Не обладает именем, поэтому предается недеянию, предаваясь недеянию, все совершает. У времени есть конец и начало, у поколения много перемен, распространяются и беда и счастье. И даже в том, чему противятся, находят должное. Тот, кто стремится к своему особенному, ошибается в том, что пытается исправить. Уподобим это, большому озеру, [которое] всей растительности отмеряет влагу; взглянем на высокую гору, на жертвенном алтаре которой вместе, и деревья, и камни. Вот что означают речи о селениях, — так ответил Справедливый Приводящий к Согласию.

— Достаточно ли этого, чтобы заслужить название «путь» — спросило Малое Знание.

— Нет, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Ныне, считая число вещей, не остановимся на десяти тысячах, а говорим условно «десять тысяч» [«тьма»]; называя, говорим самую большую цифру. И небо и земля по форме больше всего; [силы] холода и жары по [скоплению] эфира больше всего. Путь же — общий. Они так огромны, что, называя их так, говорим, так бывает. Но допустимо ли такое сравнение? Не так же ли далеко оно [от пути] в этом суждении, как сравнение с собакой или конем?

— Как возникает жизнь всей тьмы вещей внутри четырех стран света, в пределах шести единств? — спросило Малое Знание.

— Жара и холод друг друга освещают, друг друга губят, друг друга обуздывают, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Четыре времени года друг друга сменяют, друг друга порождают, друг друга

убивают. И тут поднимаются и любовь, и ненависть, и домогательства, и отказ. И тут становится обычной краткая случка самца и самки. Покой и опасность друг друга сменяют, счастье и беда друг друга порождают, поспешность и медлительность друг друга теснят, сбор и рассеяние формируют [вещи]. Название и сущность подобного рода можно запомнить, мельчайшее можно удержать в памяти. [Вещи] последовательно друг на друга воздействуют по закону [каждой из них], поднимаясь и вращаясь, друг друга отсылают, за тупиком открывается поворот, за концом — начало. Таково то, чем обладают вещи, что исчерпывается в словах, что постигается знаниями, высшее в вещах на этом и кончается. Люди, которые наблюдают за путем, не следуют за тем, что кончается, не восходят к тому, что начинается, на этом суждения и прекращаются.

— Кто из двух прав в своей сущности — спросило Малое Знание, — а кто односторонен в своем суждении? Цзи Истинный {17}, говоря, «[путь] предается недеянию», или Продолжатель, говоря, «он возможно воздействует»?

— Петух кукарекает, собака лает — таково познанное человеком, — ответил Справедливый Приводящий к Согласию. — Но даже обладающий большими познаниями не смог бы рассказать в словах об их самоизменении, не смог бы [определить] и в мыслях, что они станут делать. [Если] их объяснять по отдельности, то мельчайшее не с чем сравнивать, а величайшее не охватить. [Мнения, что «путь» предается недеянию] или «возможно воздействует» — неизбежны в приложении к вещам, но в конце концов будут признаны ошибочными. «Возможно, воздействует» — значит [обладает] сущностью; «[предается] недеянию» — значит [обладает] пустотой. Обладать названием, обладать сущностью — состояние вещи; без названия, без сущности — пустота [без] вещи. [Об этом] можно говорить, можно думать, но, [чем больше] слов, тем дальше [от пути]. Еще не родившимся не запретишь [родиться], умирающим не помешаешь [умереть]. Умирают и рождаются рядом, а закона [жизни и смерти] не разглядишь. В [мнениях] «возможно воздействует», «предается недеянию» сомнительно само допущение. [Когда] я смотрю на его основание, оно уходит в беспредельность; [когда] я ищу его вершину, не могу увидеть конца. Беспредельное, бесконечное — для него нет слов. При законах, общих с вещами, слова «возможно воздействует», «предается недеянию» — относятся к основанию, но от начала до конца связаны с вещами. Пути не может ни быть ни не быть. Название «путь» — лишь предположение. «Возможно, воздействует», «предается недеянию» — [эти мнения] связаны лишь с одной стороной вещей. Разве внимают им [люди] глубоких мыслей? [Если бы] слов было достаточно, то, проговорив целый день, сумели бы исчерпать путь. [Поскольку же] слов недостаточно, то, проговорив целый день, можно исчерпать [лишь] вещи. Путь — высшее для вещей, его не вместить ни в слова, ни в молчание. Ни в словах, ни в молчании высшее о нем не выразить.

Глава 26

ВЕЩИ ВНЕ [НАС]

Вещи вне [нас] не дают определить [их] необходимость [для нас] {1}. Поэтому Встреченный Драконом был казнен, царевич Щит был зарезан, Сидящий на Корточках [притворился] безумным. Несущий Зло {2} умер, Разрывающий на Части и Бесчеловечный погибли. Каждый хозяин ждет преданности от своих слуг, но преданному вряд ли поверит. Поэтому [тело] У Цзысюя носилось по реке, а Чан Хун умер в Шу. Кровь его в тайнике через три года обратилась в лазоревый камень. Каждый отец ждет почтительности от сыновей, но почтительного вряд ли полюбит. Поэтому Сяо Цзи {3} печалился, а Цзэнцзы скорбел. [Когда] дерево трут о дерево, [оно] загорается, [когда] металл противостоит огню, [он] плавится. [Когда силы] жара и холода действуют в беспорядке, небо и землю [охватывает] большое возмущение. Тут и раскаты и удары грома, в ливне вспыхивает огонь и сжигает даже огромную софору {4}. Горе [человека] еще сильнее. [Он] между двух опасностей, [ему] некуда бежать. В тревоге ничего не может совершить, сердце будто мечется между небом и землей, соболезнает, утешает в скорби, тонет в опасностях. [Когда же] польза и вред теснят друг друга, огонь разгорается еще сильнее и пожирает гармонию народа. Луне, конечно, не справиться с огнем {5}. Тут наступает крушение, и учению приходит конец.

Семья Чжуана Чжоу была бедна, и [он] отправился к лучнику — Смотрителю Реки взять в долг зерна.

— Я скоро получу деньги с общины и ссужу тебе триста; серебром, ладно? — ответил Смотритель Реки.

Чжуан Чжоу с гневом взглянул [на него] и молвил:

— Вчера, когда [я], Чжоу, шел, посередине дороги [меня] окликнули. [Я], Чжоу, оглянулся, заметил в колее Пескаря и спросил: «Зачем ты здесь, Пескарь?» Он же ответил: «Я ведаю волнами в Восточном море. Не найдете ли [Вы], благородный муж воды, хоть мерки или несколько пригоршней, чтобы спасти мне жизнь»? [Я], Чжоу, ответил: «Я приведу тебе сюда воды Западной реки с юга от царей У и Юэ. Ладно?» Пескарь с гневом взглянул [на меня] и сказал: «Я утратил свою обычную [среду], у меня нет выхода. Достань я воды хоть мерку или несколько пригоршней, остался бы в живых. Чем говорить то, что сказали [Вы], благородный муж, лучше уж заранее искать меня в лавке с сушеной рыбой!» {6}.

Царский сын Жэнь изготовил огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пятьдесят молодых быков, уселся на корточках с бамбуковым шестом на Куйцзи-горе и забросил удочку в Восточное море.

Удил утро за утром, но за целый год не поймал [ни одной] рыбы. Наконец проглотила приманку гигантская рыба, нырнула и утащила огромный крючок на самое дно, затем помчалась, вздымая плавниками седые волны, точно горы, всколыхнула всю воду морскую, распугала [всех] на тысячу ли [вокруг] громом, точно исходящим от богов и душ предков.

Раздобыв такую рыбу, царевич Жэнь ее разрезал, высушил и накормил досыта всех с востока от реки Чжэ до севера от Цанью. Об этом с восхищением передавали друг другу от поколения к поколению все рассказчики, даже самые ничтожные.

Ведь [если] с бамбуковой жердью и тонкой леской ходить к оросительной канаве, то выудишь лишь пескаря, а не гигантскую рыбу. Тем же, кто разукрашивает басни, домогаясь [награды] от начальства, далеко до больших достижений. Так вот и тому, кто не слышал предания о царевиче Жэне, далеко до участия в управлении миром.

Конфуцианцы занимаются песнями и обрядами, чтобы разрывать могилы. Конфуцианец-учитель с кургана спрашивает:

— Как идет работа? Уж [солнце] показалось на Востоке!

Конфуцианцы-ученики [снизу ему] отвечают:

— Еще не сняли нижнее и теплое платье [покойника], во рту есть жемчужины.

В песне недаром поется:

«Зеленая, зеленая пшеница

Покрыла склоны кургана.

При жизни не делал раздач,

Зачем же мертвому жемчужины во рту?» {7}.

Взялись конфуцианцы за волосы на висках [трупа], прижали подбородок, металлическим шилом прокололи щеки, потихоньку разнимали челюсти, чтобы не повредить жемчужин во рту.

Ученик Старого Чертополоха {8} ходил за хворостом, встретил Конфуция и, вернувшись, рассказал [об этом учителю]:

— Из какого там рода человек — не знаю. Туловище [у него] длинное, а ноги короткие, сгорбленный, а уши позади. Выглядит так, будто управляет всем среди морей.

— Это Цю, — сказал Старый Чертополох. — Позови [его] сюда. [Когда] Конфуций пришел, [Старый Чертополох] сказал:

— Откажись, Цю, от своего тщеславия, от своего мудрого вида и станешь благородным мужем.

Сложив руки в приветствии, Конфуций отступил, [а затем] нахмурился и, изменившись в лице, спросил:

— Преуспее ли [мое] дело?

— [Сам] не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на тьму поколений, — ответил Старый Чертополох. — Намеренно ли выдаешь себя за скудоумного? Не способен ли постигнуть общее? Совершать милости и упиваться радостью [облагодетельствованных, ведь это] позор на всю жизнь! Так преуспевают [лишь] люди дюжинные, завлекая друг друга славою, связывая друг друга корыстью. Чем хвалить Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше забыть о них обоих и пресечь то, чем они прославились. Повернешься, кому-то повредишь; шевельнешься, что-то извратишь. Ведь мудрый каждый раз добивается успеха, но, приступая к чему-либо, полон нерешительности. А как быть [с тобой]? Так до конца и останешься высокомерным?!

Сунский [царь] Юаньцзюнь в полночь увидел во сне, как человек с распущенными волосами заглянул к нему из-под крыши и сказал:

— Я — из пучины Перерезывающей дорогу. Я — посланец к Дяде Реки от [реки] Цинцзян. Меня поймал рыбак Провидец.

Юаньцзюнь проснулся и велел разгадать сон. Гадание гласило: «Это Священная черепаха» {9}.

— Есть ли среди рыбаков Провидец? — спросил царь.

— Есть, — ответили слева и справа. — Повелеваю Провидцу явиться ко двору, — приказал царь. На другой день Провидец явился, и государь спросил:

— Что поймал?

— В [мои], Провидца, сети попалась седая черепаха, — ответил тот, — круглая, на пять чи.

— Поднеси [мне] свою черепаху, — велел царь.

Когда черепаху доставили, царя охватили сомнения: то хоте-и лось ее убить, то хотелось оставить в живых.

Гадание же о ней! гласило: «Убить черепаху для гадания — к счастью»! Тогда черепаху зарезали. Семьдесят два раза прижигали [ее панцирь] и все [записи на] бирках подтвердились.

— Священная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню, — сказал Конфуций, — а не сумела избежать сетей Провидца, [Ее] знаний хватило на семьдесят два гадания — все [записи на] бирках подтвердились, а не хватило

[знаний] избежать беды — не быть выпотрошенной. Так что и знания приносят трудности, и священному чего-то нехватает. Даже того, кто обладает высшим знанием, перехитрит тьма людей. Рыба не боится сетей, а боится розового пеликана. Откажись от малого знания, и проявится большое знание, откажись от доброты, и проявится естественная доброта.

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, [ибо] живет вместе с говорящими.

Творящий Благо сказал Чжуанцзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном, — ответил Чжуанцзы. — Ведь земля и велика и широка, а человек ею пользуется [лишь] в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют [ему] могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна, — ответил Творящий Благо.

— В таком случае, — сказал Чжуанцзы, — становится ясной и польза бесполезного.

Чжуанцзы сказал:

— Может ли не странствовать человек, способный странствовать? Может ли странствовать человек, не способный странствовать? Ах! Скрыться, порвать с миром — не в этом назначение обладающего истинным знанием и полнотой свойств. [Ведь те] падают, но не возвращаются, мчатся сквозь огонь, но не оборачиваются. Пусть [люди] относятся друг к другу, как царь и слуга, но [лишь] временно. Сменится поколение — и не станут презирать один другого. Поэтому и говорится: «Настоящий человек не оставляет [следов своих] деяний». Уважение к древности и презрение к современности — [таков] обычай учеников, а тем более последователей рода Кабаньей Шкуры. Кого из них не увлекло течением, судя по сегодняшнему миру? Только настоящий человек способен странствовать среди современников, не отклоняясь, следовать за другими, не теряя самого себя, не изучать чужих учений, но, не чуждаясь, воспринимать [их] мысли,

Зрение пронизательное создает прозорливость, слух острый создает понимание, обоняние тонкое создает чуткость, вкус тонкий создает сладость, сердце пронизательное создает знания, знания пронизательные создают свойства. Ни один из этих путей не хочет быть прегражденным, преграды вызывают спазмы, если и при спазмах помехи не прекращаются, начинают топтать ногами, а это приносит огромный вред. Вещи, которые обладают знаниями, зависят от дыхания {10}, [если] дыхание неглубокое, в этом не вина природы. Прodelанные природой [отверстия] не закрываются ни днем, ни ночью, и только люди их затыкают. В утробе важна пустота, в сердце — естественное движение. [Если] в доме тесно, свекровь со снохами всегда ссорится. [Если] в сердце нет естественного движения, [восприятия] шести отверстий друг друга теснят. Насколько хороши для человека большие леса и высокие горы — не выразить даже пронизательному.

Добродетель, переливаясь через край, [переходит] в славу; слава, переливаясь через край, [переходит] в насилие. Замыслы возникают в крайности, знания появляются в спорах. Независимость появляется [у того, кто] упорно стоит на своем. Дело начальников будет успешным, [если] народ [признает его] должным. Весною дождь и на солнце травы и деревья растут неудержимо, и тут пускают в ход серпы и мотыги. [Но] больше половины растений снова поднимаются, а почему — не ведают.

Тишиной можно помочь исцелить болезнь, массируя углы глаз, можно остановить старость, покоем можно вылечить испуг. Хотя подобное — дело лишь тружеников. Не испытав этого, предающиеся праздности не спрашивают [об этом]. О том, как мудрые предостерегали Поднебесную, пронизательные не ведали и не спрашивали. О том, как достойные предостерегали своих современников, мудрые не ведали и не спрашивали. О том, как государи предостерегали свое царство, достойные не ведали и не спрашивали. О том, как малый люд сообразуется с временем года, благородный муж не ведает и не спрашивает.

У стража Широких ворот {11} умер отец, и страж ухитрился так исхудать, что заслужил ранг «пример для служащих». [Тогда] его сородичи стали доводить [себя до такой] худобы, что половина из них умерла.

Высочайший отдавал Поднебесную Никого не Стесняющему, но Никого не Стесняющий от него сбежал. Испытующий отдавал Поднебесную Омраченному Свету, но Омраченный Свет на него рассердился. Услышал об этом Помнящий о Других, увел своих учеников и уселся на корточках у реки Пустота. Все правители его оплакивали три года, а Наставник Олень с горя бросился в реку.

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку {12}. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

В девяти речах из десяти — притчи {1}. В семи из десяти — речи [людей] почитаемых. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом. Девять из десяти притч, которые обсуждаются, заимствованы извне. [Ведь] родной отец не становится сватом для собственного сына. Лучше, чтоб хвалил сына не отец, а другой [человек]. Не моя-де вина, вина чужая. [Если речи] тождественны моим, соглашаюсь; не тождественны моим, возражаю; тождественные моим [объявляю] истинными; не тождественные моим [объявляю] ложными. Семь из десяти — речи почитаемых, [слова] уже высказанные. Это [речи] стариков, по возрасту — предшественников. Но если престарелые лишь по возрасту не обладают знаниями основы <мирными> и утка <военными>, начала и конца, то они не предшественники. [Если] человек ни в чем не опередил других, у него нет человеческого пути. Такого, у которого нет человеческого пути, назовем прахом человека. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом; поэтому и развиваю их беспредельно, используя до конца лет [своих]. [Пока] нет слов, есть согласие. Согласие со словами не согласуется; и слова с согласием не согласуются. Поэтому и говорится «без слов». Речь не нуждается в словах. Бывает, что [человек] говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь не говорит, а все скажет. Бывает, что [имеет] свое [мнение] о возможном и невозможном, свое [мнение] об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно оттого, что истинно. Почему неистинно? Неистинно оттого, что неистинно. Почему возможно? Возможно оттого, что возможно. Почему невозможно? Невозможно оттого, что невозможно. В вещах, конечно, есть истинное, в вещах, конечно, есть возможное. Нет вещи без истинного, нет вещи без возможного. Но кто же способен овладеть этим надолго без речей, всегда новых, как [вино] из чарки, совпадающих с естественным началом? [Вся] тьма вещей делится на роды, вещи заменяют одна другую от начала до конца, будто по кругу [лишь] в различной [телесной] форме. Их закона не уловить. Это называется равновесием природы. Равновесие природы и есть естественное начало.

Чжуанцы сказал Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале [объявлял] истинным, под конец объявил ложным. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желаний трудиться, [он] преклоняется перед знаниями, — сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил, — сказал Чжуайцзы. — Слова Конфуция гласят: «Ведь [человек] получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться. [Когда] поет, должен соблюдать тон, [когда] говорит, должен соблюдать правила. [Если я] пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и [тогда] определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Цзэнцзы дважды служил, и чувства [его] дважды менялись. [Он] сказал:

— Я служил при жизни родителей, [получал лишь] три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжунов{2}, но не посылал [родителям], и сердце мое печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэнцзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или три тысячи чжунов, как птичка на пролетающего перед ней комара.

Странник Красоты Совершенной сказал Владеющему Своими Чувствами из Восточного предместья:

— С тех пор как я слушаю ваши речи, за первый год стал безыскусственным; за второй год [научился] следовать [за другими]; за третий год — постигать [других]; за четвертый год — уподобляться [вещам]; за пятый приблизился; за шестой год [постиг] разумом сообщения [чувств] {3}; за седьмой год завершил [объединение] с природой; за восьмой год забыл о смерти, забыл о жизни; за девятый год [постиг] великое мельчайшее.

При жизни действуют и умирают.

— Действительно ли это так? — [спросил] Советующий {4}. — [Тогда] для смерти есть причина, а для жизни, [силы] жара нет причины. Как же может [в одном] быть причина? Как же может [в другом] не быть причины? У неба есть число периодов, на земле есть [местности], занятые человеком. Где же мне ее искать? Не ведаю, где она кончается. Разве в таком случае для нее нет предопределения? Не ведаю, когда она начинается. Разве в таком случае для нее есть предопределение? [Если] есть отклики, разве [можно считать, что] нет душ предков? [Если] нет откликов, разве [можно считать, что] есть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а теперь смотрите вверх; раньше собирали волосы в пучок, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь встали; раньше двигались, а теперь остановились?

Тень ответила:

— Зачем спрашиваете о мелочах? [Просто] двигаюсь. Я этим обладаю, но почему, не ведаю. Я, быть может, подобна сброшенной змеиной коже, линовищу цикады, но, быть может, [им] и не подобна. В темноте и ночью я исчезаю, днем и при огне появляюсь. Не от них ли я завишу? А [они] еще от чего-то зависят? Они приходят, и я с ними прихожу, они уходят, и я с ними ухожу. Они [зависят от] сильного света, и я — от сильного света. [Если это] сильный свет, то зачем же [у меня] спрашивать?

Ян Цзыцзюй на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Цзыцзюй промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воды для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно [мне], ученику, хотелось попросить у учителя [объяснения], но не осмелился, ибо учитель шел без отдыха. Ныне же есть свободное время, дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!» — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Цзыцзюй со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде в харчевне [Ян Чжу] приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Глава 28

ПЕРЕДАЧА ПОДНЕБЕСНОЙ

Высочайший уступал Поднебесную Никого не Стесняющему, но тот [от нее] отказался. Тогда [Высочайший] предложил [ее] Цзычжоу Отцу Устоявшему {1}. И Отец Устоявший молвил:

— Стать мне Сыном Неба? Это, пожалуй, возможно. Только хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Не говоря уже о другом, хоть Поднебесная и важна, но не губить же за нее собственную жизнь.

Доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не будет жаждать управлять Поднебесной.

Ограждающий уступал Поднебесную Цзычжоу Дяде Устоявшему. И Дядя Устоявший молвил:

— Хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Поднебесная, конечно, предмет огромный, но жизнь свою на нее не променяю.

Вот этим-то и отличаются от обычных людей те, кто владеют путем.

Ограждающий уступал Поднебесную Умеющему Свернуться, а тот молвил:

— Я стою в центре пространства, в центре времени. Зимой одеваюсь в шкуры, летом — в тонкую ткань из травы. Весной пашу и сею, даю телу потрудиться, осенью собираю урожай, даю телу отдохнуть. С восходом начинаю трудиться, с заходом — отдыхать. Среди неба и земли [мне] привольно, в сердце, в мыслях — доволен собой. Что мне делать с Поднебесной? Увы! Плохо ты меня знаешь!

Отказавшись от [Поднебесной, он] тут же ушел, удалился далеко в горы, а куда — неведомо.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Земледельцу из Каменных дворов {2}. И молвил Земледелец:

— [Я] от своего хозяйства устал, [ведь я] муж, отвечающий за сильных работников {3}. За твоими достоинствами, Ограждающий, [мне] не угнаться.

И тут они с женой взвалили [пожитки] на плечи, на голову, взяли за руки детей, ушли к морю и до конца жизни не вернулись.

Великий государь Отец Верный {4} жил в Бинь, и на него напали Люди-Олени. [Отец Верный] поднес им шкуры и шелка — не приняли; поднес им собак и коней — не приняли; поднес им жемчуг и нефрит — не приняли. Люди-Олени требовали землю. [И тут] великий государь Отец Верный сказал:

— Слышал я, что нельзя губить народ из-за [земли, которая] служит ему для прокормления. Мне не вытерпеть, [когда] сосед старшего брата убивает младшего; [когда] сосед отца убивает сына. Все вы заставляете [меня] остаться здесь] жить. Какая [для вас] разница служить мне или Людям-Оленям?

Тут [он] взял кнут, [оперся о] посох и пошел. Народ цепью последовал за ним. Затем [они] создали царство под горой Двуглавой. Вот великого государя Отца Верного можно назвать уважающим жизнь. Тот, кто способен уважать жизнь, даже будучи знатным и богатым, не станет губить себя из-за того, что служит [ему] для

прокормления, даже будучи бедным и презренным, не станет навлекать на свое тело [опасность] ради выгоды. В нынешнем же мире тот, кто занимает высокий пост, обладает почетным рангом, ценит это, [боясь] потерять; а завидя выгоду, легкомысленно губит свое тело. Разве это не заблуждение?!

Жители Юэ убили [одного за другим] трех царей. Царский сын... <знак отождествлению не поддается> {5} в страхе бежал в Красные пещеры. Юэсцы, оставшись без царя, долго его искали, не нашли, и [наконец] отправились за ним в Красные пещеры. Царский сын... не пожелал [к ним] выйти. [Тогда] юэсцы [подожгли] полынь, выкурили его [из пещеры] и возвели на царскую колесницу. Взявшись за вожжи, царский сын... взошел на колесницу, возвел очи к небу и, вздохнув, воскликнул:

— О! [сан] царя! О! [сан] царя! Отчего не миновал [ты] меня! Не из ненависти к [сану] царя [говорил так] царский сын... а из страха перед [грозившей] ему бедой. Такой, как царский сын... можно сказать, не стал бы губить [свою] жизнь ради царства. Потому-то юэсцы и желали поставить его [своим] царем.

[Царства] Хань и Вэй спорили друг с другом из-за захваченной земли. Учитель Хуацзы встретился с [царем] Чжаоси {6}, который выглядел опечаленным и ему сказал:

— [Предположим], ныне перед [Вами], государь, высеченное на камне предание Поднебесной, которое гласит: «Возьмешь [спорную] землю левой рукой — правую потеряешь, возьмешь [спорную] землю правой рукой — левую потеряешь. Однако же, взяв [спорную] землю, овладеешь [всей] Поднебесной». Взяли бы [Вы] ее, государь?

— [Я], единственный, не взял бы, — ответил Чжаоси.

— Прекрасно, — сказал учитель Хуацзы. — Отсюда видно, что две руки важнее, чем [вся] Поднебесная, а тело важнее, чем обе руки. А ведь [царство] Хань намного меньше [всей] Поднебесной, оспариваемая же ныне [земля] намного меньше [царства] Хань. [Вам], государь, конечно, не следует подобной скорбью ранить тело и губить жизнь.

— Прекрасно! — воскликнул царь Чжаоси — Многие учили [меня], единственного, но таких речей [мне] еще не удавалось слушать. Можно сказать, что учитель Хуацзы познал [соотношение]; важного и неважного.

Прослышав о том, что Янь Врата Бытия {7} овладел путем, лусский царь не замедлил отправить [к нему] гонца с шелком [в дар]. Янь Врата Бытия жил в грязной деревеньке, одевался в холст из пеньки, сам кормил и поил буйвола. Янь Врата Бытия вышел к гонцу лусского царя и тот спросил:

— Это дом Яня Врата Бытия?

— Это дом Врата Бытия, — отвечал Янь. Гонец поднес шелк, но Янь Врата Бытия молвил:

— Боюсь, что [Вы] не поняли приказа и это могут Вам поставить в вину. Не лучше ли проверить?

Гонец возвратился [к царю], проверил, и когда явился снова, уже не нашел Яня.

Подобные Яню искренне ненавидят богатство и знатность. Недаром говорят: «Истина пути в том, чтобы совершенствоваться самому, все остальное лишь сор — и [управление] царством, и управление Поднебесной». Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и [древних] царей, [они] не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни. Разве не прискорбно, что ныне многие цари, [погрязнув] в пошлости, жертвуют жизнью ради вещей! Мудрому же надлежит выяснить [причины], почему это происходит, почему так действуют. А ныне известен случай, когда жемчужиной суйского царя {8} сбили из арбалета птичку на высоте в тысячу жэней. Не смешно ли, что [бесценное] сокровище использовали для достижения столь ничтожной [цели]! Так разве жизнь не важнее сокровища суйского царя?

Учитель Лецзы попал в нужду и отошал от голода. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослывет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отошали от голода.

Царь дарит [вам], преждедороденному, зерно. Разве это не судьба? А [вы], преждедороденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

[Когда] царь Чу Светлейший {9}, лишился своего царства, за ним последовал мясник, забивающий овец, Рассуждающий {10}. Вновь обретя царство, государь стал награждать всех, кто не покинул его [в беде]. [Очередь] дошла и до мясника.

— Великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — и [я] лишился скотобойни. [Ныне] Великий

государь вновь обрел свое царство, и [я], Рассуждающий, вновь обрел [свою] скотобойню. Так, ко [мне, Вашему] слуге, вернулись и ранг, и жалование. Какая же [мне] еще нужна награда?

— Заставить его [принять награду, — передал в] ответ государь.

— Не по [моей, Вашего] слуги, вине великий государь лишился царства, — сказал Рассуждающий, — поэтому [я] не смею принять казни. Не [моя] заслуга в том, что великий государь вновь обрел царство, поэтому не смею принять и награды.

— Привести его [ко мне], — велел царь.

— По законам царства Чу предстать перед [царем] можно лишь получив награду за важные заслуги. Ныне же у [меня, Вашего] слуги, нехватает знаний, чтобы сохранить царство; нехватает смелости, чтобы принять смерть [в бою] с разбойниками. После вторжения армии [царства] У в [столицу] Ин, [я], Рассуждающий, в страхе бежал от разбойников, а не последовал за [Вами] намеренно, великий государь. Ныне же [Вы], великий государь, желаете, чтобы я, Рассуждающий, предстал [перед Вами]. О [таком] нарушении закона и [клятвенного] договора {11} в Поднебесной [мне, Вашему] слуге, еще не приходилось и слышать.

Царь обратился к Конюшему Владеющему Своими Чувствами {12} со словами:

— Мясник Рассуждающий звания весьма презренного, а суждения имеет весьма высокие. Передай ему от моего имени, чтобы занял место среди Трех великих мужей {13}.

И велел мясник передать царю:

— Я знаю, насколько место среди Трех великих мужей почетнее моего прилавка на рынке. Мне также известно, во сколько раз жалование в десять тысяч чжунов больше прибыли мясника. Но если [я] посмею кормиться от [такого высокого] ранга и жалования, моего государя станут называть безумно расточительным. Лучше мне вернуться на рынок, забивать овец. Так [мясник] и не принял [награды].

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, проросшей травой. Поломанные двери из хвороста держались на тутовых ветках, окном служило горлышко [разбитого] кувшина. Заткнув окна сермягой, [он и жена] сидели выпрямившись и перебирали струны в своих комнатах, протекавших сверху и отсыревших снизу.

К Юань Сяню приехал в гости Цыгун на запряженной рослыми конями колеснице с высоким передком, которая не смогла вместиться в переулке. Цыгуна, одетого в нижнее лиловое и верхнее белое платье, встретил у ворот Юань Сянь в шапке из бересты, в соломенных сандалиях, опираясь о посох из белой мари {14}.

— Ах! — воскликнул Цыгун. — Не заболели ли [Вы] преждевременный?

— Ныне [я], Сянь, не болен, а беден, — ответил Юань Сянь. — [Я], Сянь, слышал, что больным называют того, кто не способен осуществлять своего учения; а бедным того, кто не имеет богатства.

Цыгун, пристыженный, остановился в нерешительности, а Юань Сянь, усмехаясь, сказал:

— Действовать в надежде на [похвалу] современников, сближаться со всеми и заводить друзей, учиться [самому] для других, а поучать [других] для себя, прикрываясь милосердием и справедливостью, украшать колесницу и коней — вот то, чего [я], Сянь, не могу терпеть {15}.

Цзэнцзы жил в [царстве] Вэй, одевался в посконный халат без верхнего платья. Лицо [его] опухло, руки и ноги покрылись мозолями. По три дня не разводил огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — кисти оторвутся, возьмется за ворот — локти обнажатся, схватится за соломенные сандалии — задники оторвутся. [Но], шаркая сандалиями, [он] распевал шанские гимны, и голос его, подобный звону металла и камня, наполнял небо и землю. Сын Неба не обрел [в нем] {16} слуги, правители не обрели друга, ибо воспитывающий волю забывает о [телесной] форме, воспитывающий [телесную] форму, забывает о выгоде, постигший же путь забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Юаню:

— Подойди, Хой! Семья [у тебя] бедная, состояние низкое. Почему не идешь служить?

— Не хочу служить, — ответил Янь Юань. — У [меня], Хоя, за городской стеной поле в пятьдесят му, [урожая] хватает на кашу, внутри городской стены поле в десять му, хватает и шелка и пеньки. Игрой на цине достаточно себя веселю; учения воспринятого у [Вас], учитель, достаточно для наслаждения. [Я], Хой, не хочу служить.

Конфуций, изменившись в лице, печально сказал:

— Как прекрасны [твои] мысли, Хой! [Я], Цю, слышал, что умеющий довольствоваться [малым], не станет отягощать себя из-за выгоды; что не страшится утратить ее тот, кто способен удовлетвориться собой; что тот, кто совершенствует в себе внутреннее, не стыдится остаться без службы. Об этом [я] давно твердил, а ныне увидел это в [тебе], Хой. Это и есть [мое], Цю, приобретение.

Царевич Моу из Срединных гор спросил у Чжаньцзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь, — ответил Чжаньцзы. — Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Знаю это, — ответил царский сын Моу, — да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать, — сказал Чжаныцзы, — тогда следуй <за своими страстями>. Разума не повредишь. Помешать следовать <за своими страстями> тому, кто не может с собой совладать, — значит нанести [ему] двойную рану. Человеку же с двойной раной, не [войти] в число долголетних. Моу был сыном вэйского царя, [владевшего] тьмой колесниц. [Ему] было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде {17}. Хотя [он] не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

Терпя бедствие между Чэнь и Цай, Конфуций семь дней оставался без горячей пищи, [питался] похлебкой из лебеды, не заболтанной мукой. Выглядел очень изнуренным, но пел в комнате, [подыгрывая себе] на струнах.

Янь Юань собирал овощи, а Цзылу и Цзыгун заговорили между собой:

— Учителя дважды изгоняли из Лу, [он] заметал следы в Вэй, [на него] свалили дерево в Сун, [он] терпел бедствие в Шан и Чжоу, был посажен между Чэнь и Цай. Того, кто убьет учителя, — не обвинят в преступлении; тот, кто оскорбит учителя, не нарушит запрета {18}. [А он] все еще продолжает петь и играть на цине. Может ли благородный муж быть настолько бесстыдным?

Ничего не возразив, Янь Юань вошел к Конфуцию и [обо всем ему] передал. Конфуций оттолкнул цинь, глубоко вздохнул и сказал:

— [Оба они], Ю и Сы, — ничтожные люди! Позови их, я им объясню.

[Когда] Цзылу и Цзыгун вошли, Цзылу произнес:

— Вот это можно назвать безвыходным положением!

— Что это за слова? — ответил Конфуций. — Постичь учение, вот что называется удачей для благородного мужа. Зайти в тупик в учении, вот что называется безвыходным положением. [Если], храня учение о милосердии и справедливости, [я], Цю, ныне встретился с бедствиями смуты, о каком безвыходном положении может идти речь? Поэтому тот, кто исследует [свое] внутреннее, не зайдет в тупик в учении, не утратив своих добродетелей перед, лицом опасности. Лишь когда настают холода и выпадает иней, мы узнаем красоту вечнозеленых сосен и кипарисов. Бедствие между Чэнь и Цай — да, для [меня], Цю, это счастье!

Конфуций снова взялся за цинь, стал перебирать струны и петь. Цзылу поднял щит и с воинственным [видом] стал танцевать, а Цзыгун сказал:

— Насколько высоко небо, насколько низка земля — я не ведаю. А вот те, кто в древности обрел учение, радовались и в беде, радовались и при удаче. [Их] радость не зависела ни от беды, ни от удачи. Если есть учение и добродетель, тогда удача и неудача чередуются так же, как холод и жара, ветер и дождь. Поэтому Никого не Стесняющий радовался на южном берегу Ин, а Гун Бо был доволен собой на вершине [горы] Гун {19}.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Северянину не допускающему выбора {20}, и тот сказал:

— Удивительный [Вы], государь, человек! Жили посреди орошаемого поля, а прогуливались в воротах Высочайшего. И это еще не все! Еще хотите осквернить и меня своими позорными поступками. Мне стыдно на вас смотреть!

И он бросился в пучину реки Цинлин.

Собираясь идти походом против Разрывающего на Части, Испытующий стал советоваться со Вспыльчивым Суем {21}. Вспыльчивый же сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Вспыльчивый.

Тогда Испытующий стал советоваться с Омраченным Светом. Омраченный Свет сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю, — ответил Омраченный Свет.

— А каков Найденный на реке Инь? — спросил Испытующий.

— Подвергнувшись насилию терпит позор, — ответил Омраченный Свет. — О прочем не ведаю.

Тогда Испытующий, посоветовавшись с Найденным на реке Инь, пошел походом против Разрывающего на Части, и его победил.

[Тут он] стал уступать [Поднебесную] Вспыльчивому. Отказываясь, тот сказал:

— [Вы], правитель, перед походом против Разрывающего на Части, [просили] моего совета, хотели выдать меня за бунтовщика. Победив Разрывающего на Части, уступаете мне [Поднебесную], желая выдать меня за алчного. Я родился во времена смуты, но я не могу больше терпеть, когда человек без пути дважды оскверняет меня своими позорными поступками!

И тут Вспыльчивый бросился в воды [реки] Чжоу и утонул. Испытующий стал тогда уступать [Поднебесную] Омраченному Свету и сказал:

— Этот [поход] советовал знающий, его выполнил воинственный, милосердный же станет заселять Поднебесную — таково учение древних. Почему бы [Вам], мой учитель, не встать [на трон]?

Отказываясь, Омраченный Свет сказал:

— Свергнуть высшего — нарушить долг; убивать народ — нарушить милосердие. [Если] другой, рискуя, шел на преступление, мне пожинать его выгоду — значит стать бесчестным. Я слышал, что «нельзя принимать жалование от того, кто нарушил свой долг; нельзя ступать на ту землю, где царствует [человек] без пути», а тем более [позволять] почитать себя! Я не могу больше этого терпеть!

И, взяв камень, Омраченный Свет погрузился в воды [реки] Лу.

В старину, [когда] возвысилось [царство] Чжоу {22}, в [царстве] Одиноким бамбук жили два мужа, [одного] звали Старший дядя Ровный, [другого] — Младший дядя Равный. Они сказали друг другу:

— Мы слышали, будто кто-то на Западе постиг учение, попробуем сходить [на него] поглядеть.

[Когда они] прибыли к южному склону [горы] Двуглавой, о них услышал царь Воинственный и послал Чжоугуна с ними повидаться, а также заключить клятвенный союз со словами: «Примите должность первого ранга, жалование увеличу на два ранга. Заколем жертвенное животное и его закопаем» {23}.

Поглядев друг на друга, оба мужа усмехнулись и сказали:

— Вот странно! Это не то, что мы называем учением. В старину, [когда] Священный Земледелец владел Поднебесной, [он] своевременно со всем уважением приносил жертвы, но не молил о счастье. И людям [он] был предан, полон доверия, все приводил в порядок, но ничего не просил. Те, кому нравилось вместе [с ним] управлять, управляли; кому нравилось вместе [с ним] наводить порядок, наводили порядок. [Но он] не создавал себе славы с помощью чужих пороков; не возвышал себя низостью других; не обогащался, пользуясь удобным случаем. Ныне же чжоусцы, увидев смуту у иньцев, спешат взяться за управление. Против высших плетут заговоры, низших подкупают. Опираясь на оружие, поддерживают страх. Выдают за доверие клятву о союзе с закланием жертвенного животного. Превозносят [собственные] поступки, чтобы уговорить толпу. Убивают и карают ради выгоды. Это означает свергнуть смутьяна, чтобы заменить [его] деспотом. Мы слышали, что мужи древности во времена порядка не уклонялись от своих обязанностей, но не [держались за них] для того лишь, чтобы влачить существование во времена смуты. Ныне же Поднебесная во мраке, добродетель чжоусцев в упадке, и стать рядом с ними означает запачкаться самим. Лучше от этого уклониться и сохранить свое достоинство.

Оба брата пошли на север на гору Первого Солнца, где и умерли от голода.

Такие мужи, как Старший Ровный и Младший Равный, не станут опираться на богатство и знатность, добытые нечестным путем. [Столкнувшись с] жестокостью в поступках [при своем] высоком сознании долга, [они] наслаждались лишь своими стремлениями и не служили миру. Таков [был] нравственный долг этих двух мужей.

Глава 29

РАЗБОЙНИК ЧЖИ

У Конфуция был друг Цзи под Ивой {1}, младшего брата которого звали Разбойник Чжи. За Разбойником Чжи следовало девять тысяч удалцов. [Они] бесчинствовали по [всей] Поднебесной, нападали на правителей и убивали их, прорывались через стены и двери, угоняли чужих буйволов и коней, уводили чужих жен и дочерей. В жадности забывали о [собственной] родне, не заботились о родителях и братьях, не приносили жертв предкам. В местностях, по которым [они] проходили, [жители] крупных царств оборонялись за стенами городов, [жители] малых царств укрывались за [стенами] селений. От разбойников страдал весь народ.

Обратившись к Цзи под Ивой, Конфуций сказал: — Тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Если отец не способен наставить своего сына, а старший брат не способен научить младшего, то [они] не уважают родства между отцом и сыном, между старшим и младшим братом. Ныне [Вы], Преждедородный, достойный муж среди современников, а [Ваш] младший брат, Разбойник Чжи, — пагуба всей Поднебесной, и [Вы] не способны [его] научить. [Я], ничтожный Цю, стыжусь за [Вас], Преждедородного. Разрешите отправиться к нему и вместо [Вас], Преждедородного его усюветить.

Цзи под Ивой ответил:

— [Вы], Преждедородный, говорите, что тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Но если сын не слушает наставлений отца, а младший брат не принимает поучений старшего? Что можно поделать даже при [таком] красноречии, [каким] ныне владеете [Вы], Преждедородный? Да ведь что за человек Чжи! Сердце — точно бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит, чтобы справиться с [любим! врагом, а красноречия — приукрасить [любое] злодеяние. Угодите ему — обрадуется, станете ему перечить — разгневется. [Ему] легко оскорбить другого словами. [Вы], Преждедородный, не должны [к нему] отправляться.

Конфуций не послушался и отправился к Разбойнику Чжи с Янь Юанем — возничим и Цзыгуном — помощником.

В это время Разбойник Чжи расположив на отдых свою ватагу на солнечном склоне горы Великой, резал человеческую печень {2} и кормил всех ужином.

Конфуций спустился с повозки, [пошел] вперед и, встретившись с Дозорным, произнес:

— [Я], лусец Кун Цю, прослышал о высокой справедливости военачальника.

[Он] двукратно почтительно поклонился Дозорному, и тот пошел с докладом.

Выслушав Дозорного, Разбойник Чжи сильно разгневался: глаза засверкали, словно звезды, волосы встали дыбом, подняв шапку, и он сказал:

— Не тот ли это Кун Цю, искусный лжец из царства Лу? Передай ему от меня: «Ты сеешь ложь, разносишь клевету, безрассудно восхваляешь [царей] Прекрасного и Воинственного; носишь шапку, разукрашенную ветками, словно дерево, опоясываешься шкурой с дохлого быка. [Ты] слишком много разглагольствуешь об ошибочном учении, не пашешь, а ешь; не ткешь, а одеваешься {3}. Шлепая губами и молотя языком, [ты] по собственному произволу решаешь, где правда, а где ложь, чтобы вводить в заблуждение владык Поднебесной, чтобы мудрые мужи Поднебесной не занимались своим делом. В безрассудстве выдумал сыновнее почтение, братское повиновение и помогаешься удачи у правителей, у богатых и знатных. Преступления твои тяжкие. Скорее уходи, а не то я добавлю твою печень к нашей сегодняшней трапезе».

Конфуций снова [просил] доложить, сказав:

— [Я], Цю, удостоился благоволения [Вашего брата] Цзи под Ивой и хочу взглянуть [на землю] под [Вашими] ногами.

Дозорный снова доложил, и Разбойник Чжи [передал] в ответ:

— Пусть подойдет.

Конфуций поспешил войти. Он отступил, обходя циновку, и двукратно поклонился Разбойнику Чжи.

Разбойник Чжи пришел в ярость, глаза [у него] загорелись огнем. Широко шагнув, он схватился за рукоять меча и прорычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди, Цю. Если [твои] слова придутся мне по душе — будешь жить, не придутся — умрешь!

— [Я], Цю, слышал, — заговорил Конфуций, — что в Поднебесной существуют три добродетели. [Если человек] вырастает высокий, не встречает равного себе красотой, [если], любясь на него, радуются и стар и мал, и благородный и презренный, [то он] обладает высшей добродетелью. [Если человек] своими познаниями объемлет небо и землю, способен красноречиво рассуждать обо всем, [то он] обладает средней добродетелью. [Если человек] отважен и решителен, собирает вокруг себя толпы и ведет воинов, [то он] обладает низшей добродетелью. Одной из этих добродетелей уже достаточно, чтобы встать лицом к югу и назвать себя единственным. Ныне [Вы], военачальник, обладаете всеми тремя одновременно. Рост восемь чи и два цуня, от глаз и лица исходит блеск, губы — чистая киноварь, зубы — ровный [перламутр] раковин, голос, словно медный колокол, а называется [Вы] — разбойник Чжи. [Мне], ничтожному Цю, стыдно за [Вас], военачальник. Если у [Вас], военачальник, есть желание выслушать [меня, своего] слугу, то [я, Ваш] слуга, прошу разрешения посетить послом на юге У и Юэ, на севере Ци и Лу, на востоке Сун и Вэй, на западе Цзинь и Чу. [Я их] склоню построить для [Вас], военачальник, стену [длиной] в несколько сот ли, основать город в сотни тысяч дворов и почитать [Вас], военачальник, как правителя. Вместе со [всей] Поднебесной [Вы] обновитесь, прекратятся сражения, отдохнут воины. Соберете своих братьев, будете их кормить и приносить жертвы предкам. Таким должно быть поведение мудрого и талантливого мужа, таково желание [всей] Поднебесной.

— Подойди, Цю, — в великом гневе ответил Разбойник Чжи. — Все, кого можно прельстить и соблазнить выгодой, глупы и невежественны. [Если] ныне [я] вырос высоким и красивым, и люди, любясь на меня радуются, так это достоинство, переданное мне отцом и матерью. Разве я [о нем] не знал бы, если бы [ты], Цю, меня не прославил? Да притом я слышал, что любитель превозносить человека в лицо не прочь поносить [его] за спиной. Ныне [ты], Цю, посулил мне собрать народ за большой стеной. Соблазняя меня выгодой, разложил приманку, как невежде. Но разве [царства] долговечны? Нет царства большего, чем Поднебесная. Высочайший и Ограждающий владели Поднебесной, но у [их] сынов и внуков не стало земли — даже, чтобы воткнуть шило. Испытующий и Воинственный воцарились в Поднебесной, но род [их] был прерван и истреблен. Не был ли тому причиной [соблазн] большой выгоды Поднебесной?

А еще я слышал, что в старину людей было мало, птиц же и зверей — множество. Чтобы спастись от них, люди селились тогда в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, а по ночам ютились на деревьях. Поэтому их и называли «Род Владеющих гнездами» {4}. В древности люди не знали одежды. Летом запасали побольше хвороста, а зимой грелись у костра. Поэтому их и называли «Народ, Умеющий жить». Во времена Священного Земледельца процветали высшие свойства: человек спал спокойно, пробуждался довольный, знал свою мать, но не знал своего отца {5}, бродил вместе с оленями и лосями, пахал и кормился, ткал и одевался. Никто не хотел вредить другому. Однако Желтый Предок не сумел сохранить этих свойств — сражался с Красным Злодеем {6} на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший и Ограждающий стали вершить дела и поставили много начальников. Испытующий изгнал своего государя, Воинственный убил Бесчеловечного. И с тех пор сильные помыкают слабыми, многочисленные угнетают малочисленных. Со времен Испытующего и Воинственного все стали приспешниками смутьянов.

А ныне ты насаждаешь путь Прекрасного и Воинственного, насаждаешь красноречие в Поднебесной, чтобы поучать потомков. В широком халате с узким поясом [ты] лицемерными речами и фальшивыми поступками, вводишь в заблуждение владык Поднебесной, помогаясь богатства и знатности. Нет большего разбойника, чем

ты! Почему же в Поднебесной зовут разбойником меня, Чжи, а не тебя, Конфуций?

Своими сладкими речами ты уговорил Цзылу и заставил следовать за собой. Цзылу снял высокую шапку [храбреца], отвязал свой длинный меч и стал слушать твои поучения. Все в Поднебесной заговорили о том, что Конфуций-де способен остановить насилие и запретить злодеяние. А в конце концов, [когда] Цзылу захотел убить вэйского царя, да не сумел, тело его засолили [и выставили] на восточных воротах Вэй. Это ты виновен в его неудаче?

Не зовешь ли ты сам себя талантливym мужем, мудрецом? А [ведь] тебя дважды изгоняли из Лу, [ты] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Ци, был осажден между Чэнь и Цай. Во всей Поднебесной тебе не нашлось места. Твое учение довело Цзылу до такой беды — [его] засолили! Разве стоит ценить твоё учение? [Оно] ничего не даёт ни тебе самому, ни людям!

Никого в мире не возвышали так, как Желтого Предка. А он не сумел обрести целостных свойств: сражался на равнине Чжолу, и кровь залила сотни ли. Высочайший не был милостив к сыну. Ограждающий не был почитателем с отцом. Молодой Дракон наполовину иссох [телом]. Испытующий изгнал своего государя. Царь Воинственный пошел походом против Бесчеловечного. Царь Прекрасный был заключен в Юли. Этих шестерых мужей в мире возвышали. [Если] же судить здраво, все они во имя выгоды вводили в заблуждение свою истинную [природу], насильствовали собственные чувства и характер. Их поведение было весьма постыдным.

Среди добродетельных мужей в мире называли Старшего Ровного и Младшего Ровного. А оба они отказались стать государями в [царстве] Одиноким бамбук, умерли от голода на горе Первого солнца, и тела их остались без погребения. Бао Цзяо {7} приукрашивал [собственное] поведение и порицал современников, а умер, обхватив дерево. Наставник Олень, подав совет государю, не был выслушан, и, взяв камень, бросился в Реку, был съеден рыбами и черепаками. Цзе Цытуй был самым преданным. [Он] отрезал [кусок мяса] от своего бедра, чтобы накормить царя Прекрасного. [Когда же] Прекрасный от него отвернулся, Цытуй в гневе ушел, и, обхватив дерево, сгорел. Вэй Шэн назначил встречу с девушкой под мостом, но она не пришла. Вода все прибывала, а [Вэй Шэн] не уходил и утонул, обхватив опору моста. Эти шестеро мужей, попав в сети славы, легкомысленно расстались с жизнью. [Смертью они] не отличались от пса, разорванного на куски, свиньи, унесенной течением, или нищего с его чашей для поданий. [Они] забыли об основном — о долголетьи.

Самыми верными слугами в мире называли царевича Щита и У Цзысюя. [Тело] Цзысюя утонуло в реке, у Щита вырезали сердце. Этих двух мужей в мире называли верными слугами, а в конце концов [над ними] смеялись [все] в Поднебесной. Ни один из тех, о ком говорилось ранее, включая Щита и [У] Цзысюя, не достоин уважения.

Чем же [ты], Цю, меня убедишь? Если делами загробными, то [их] я не могу знать; если делами людскими, то только теми, о которых я уже слышал. Теперь же я тебя наставляю с помощью человеческих чувств. Зрение [человека] влечет к красоте, слух — к музыке, уста — ко вкусному, воля — к полноте. Высший предел жизни сто лет {8}, средний предел — восемьдесят лет, низший предел — шестьдесят лет. А [если] исключить [время] болезней и страданий, смертей и утрат, горя и беды, так всего лишь четыре-пять дней за одну луну [человек] смеется, широко раскрыв рот. Небо и земля бесконечны, а для человека наступает время смерти. Ограниченное же во времени при сравнении с неограниченным подобно мгновенью, в которое скакун промелькнет мимо щели. Все те, кто не способен наслаждаться своими мыслями и желаниями, поддерживать жизнь многие годы, не понимают пути. Все, что [ты], Цю, говоришь, я отбрасываю. побыстрей уходи, возвращайся к себе и больше об этом не заговаривай! [Ты] обманываешь и хитришь, фальшивишь и лицемеришь. Твое учение лживо. Разве [его] стоит обсуждать? [Оно] не может дать полноты истины.

Конфуций двукратно поклонился и поспешил удалиться. Вышел за ворота, поднялся на повозку, но трижды ронял вожжи. Глаза [ему] застлал туман, [он] ничего не видел, побледнел, словно угасший пепел. Стоял, опершись о перекладину, повесив голову, и еле дышал.

На обратном [пути], у восточных ворот Лу, [они] встретили Цзи под Ивой, и тот сказал:

— Сейчас [Вы] в воротах, а несколько дней [Вас] не было видно. [Судя] по повозке и коням, [Вы] были в пути. Быть может, ездили повидаться с Чжи?

Конфуций возвел очи к небу и, вздохнув, ответил: — Да.

— Не пошел ли Чжи против Вашей воли, как [я] предупреждал? — спросил Цзи под Ивой.

— Да, — ответил Конфуций. — Можно сказать, что [я], Цю, сделал себе прижигание, не будучи больным.

Поспешил погладить тигра по голове, заплести [ему] усы и чуть было не попал к нему в пасть.

Цзычжан спросил [человека по прозвищу] Выгода Любой Ценой {9}:

— Почему [Вы] не стремитесь к [справедливости]? Без справедливости [Вам] не будут доверять, без доверия не получите службы, без службы не будет и выгоды. Справедливость — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в [своем] сердце, разве могут хоть один день обойтись в своих поступках без [справедливости]?

Выгода Любой Ценой ответил:

— Бесстыжий богатеет, болтливого прославляют. Доверие — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в [своем] сердце, не сохраняют ли в поступках свою природу?

— В старину Разрывающего на Части и Бесчеловечного чествовали как Сынов Неба, богатство их составляла [вся] Поднебесная, — сказал Цзычжан. — А ныне скажите стяжателю: «Ты действуешь подобно Разрывающему на Части и Бесчеловечному», и он устыдится, станет негодовать, — таких презирает даже мелкий люд. Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины. А ныне скажите жрецу, ведающему закланием жертвенных животных: «Вы действуете подобно Конфуцию и Мо Ди», и он поблдеет, смутится и скажет, что недостойн [такой похвалы]. Мужа [их] действительно чествуют. Так что облеченный властью Сына Неба не обязательно благороден, а бедняк, простолюдин не обязательно презренен. Деление на благородных и подлых в поступках — добрых или недобрых.

— Мелких воров — в темницы, крупных — в цари. У ворот царей и обретаются мужи, [ратующие] за справедливость. В старину Сяобо, царь Хуань, убил своего старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал [его] советником. Тяньчэн Цзычан убил своего государя и украл [его] царство, а Конфуций принял [от него] в подарок шелк. В своих речах <Гуань Чжун и Конфуций> их осуждали, а в своих делах падали еще ниже, чем они. Разве это не противоречие? В их груди слова воевали с делами! Поэтому в преданиях и говорится: «Кто добрый? Кто недобрый? Победил — стал во главе, неудачник — остался в хвосте».

— [Если] вы не станете поступать [по обычаю], — сказал Цзычжан, — то не будет различия между родичами и чужими, не будет [сознания] долга у благородных и презренных, не будет порядка [в отношениях] между старшими и младшими. Как же тогда разбираться в пяти устоях и шести основах? {10}

Выгода Любой Ценой ответил:

— Соблюдалось ли различие между родичами и чужими [когда] Высочайший убил своего старшего сына, а Ограждающий изгнал своего единоутробного младшего брата? Было ли [сознание] долга у благородных и презренных, [когда] Испытующий изгнал Разрывающего на Части, а Воинственный пошел походом на Бесчеловечного? Соблюдался ли порядок [в отношениях] между старшими и младшими, [когда] Ван Цзи {11} взял власть, а Чжоугун убил своего старшего брата? Можно ли разобраться в пяти устоях и шести основах после конфуцианцев с их лицемерными речами и моистов с их всеобщей любовью? И притом ведь вы действуете воистину ради славы, а я действую воистину ради выгоды, а сущность славы и выгоды не согласуется с естественными законами, [ее] не найти в пути. [Попросим же] на днях рассудить нас с вами Свободного от Условностей {12}.

[Свободный от Условностей] сказал:

— Мелкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж — ради славы. То, от чего меняются их чувства, изменяется характер — различно, [но если бы] они бросили то, чем занимаются, и предались тому, чем не занимаются, стали бы одинаковыми. Поэтому и говорится: «Не будь мелким человеком, вернись к своему естественному началу; не будь благородным мужем, следуй естественным законам». И в кривом и в прямом увидишь высшее в природе. Наблюдая за всеми четырьмя сторонами, останавливайся вместе с временами года. И в истинном и в ложном держись середины круга. Совершенствуйся сам, думай и странствуй вместе с путем. Не предавайся [чему-либо] одному, не совершенствуйся в справедливости, и тогда оставишь свои деяния. Не гонись за богатством, не жертвуй собой ради совершенства, отбрось [все] и станешь естественным. У Щита вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза, — до гибели [их довела] преданность. Прямой человек свидетельствовал против отца {13}, Вэй Шэн утонул — до беды их довело доверие. Баоцзы стоял, [пока не] высох, Шэньцзы {14} не сумел оправдаться, — до беды их довела честность. Конфуций не виделся с матерью {15}, Куан Чжан не встречался с отцом {16} — таковы изъяны справедливости. Все это передавалось из поколения в поколение, и считалось, что те мужи, которые [стремились] к правильным речам и соответствующим делам, попадали в беду и гибли.

Недовольный сказал Довольному {17}:

— Каждый человек в конце концов жаждет если не славы, так выгоды. Стоит человеку разбогатеть, и все к нему бегут, а придя, становятся ниже его и снизу его чествуют. Поэтому лезть низших и принимают за путь к долголетию, покою и наслаждениям. Ныне только вы один свободны от страстей. Разве [у вас] не хватает знаний? Или есть знания, но не хватает сил? Оттого и предаетесь поискам истины?

Довольный ответил:

— Ныне здесь есть человек, который считает, что мужи, родившиеся с ним в одно время и живущие с ним в одном селении, отрешились от пошлости и превзошли своих современников. [Но сам он] несколько не думает постичь правильное [учение], чтобы обозревать древнее и современное, отделять истинное от ложного. Он изменяется вместе с дюжинными современниками, отказывается от самого важного, отбрасывает самое ценное, чтобы предаваться своим занятиям. Не далеко ли это от того, что сам он называет путем к долголетию, покою и наслаждениям? [Разве] жестокие страдания и безмятежный покой не отражаются на теле? [Разве] ужас испуга и радость веселья не отражаются на сердце? Он знает, что действует, но не знает, почему действует. Поэтому будь [он даже таким] почитаемым, как Сын Неба, владеет он [таким] богатством, как Поднебесная, не сумел бы избежать беды.

— Богатство не бесполезно, — сказал Недовольный. — Предела красоты и власти не достичь ни настоящему человеку, ни добродетельному. [Он берет] отвагу и силу других, но не ради устрашения и насилия; принимает

знания и советы других для изучения и понимания; прибегая к достоинствам других, становится добродетельным и добрым. Даже не владея царством, он величествен, как государь, как отец. Ведь, чтобы сердце наслаждалось музыкой, красотой, яствами, властью, человеку не нужно учиться; чтобы тело [наслаждалось] покоем, не нужно подражать образцам; чтобы любить и ненавидеть, [от чего-то] отказываться и [чего-то] домогаться, естественно, не требуется наставника, — такова человеческая природа. Кто же способен от этого отказаться, хотя бы. [вся] Поднебесная его порицала?

— Поступки мудрого, — сказал Довольный, — вдохновляются народом, но не нарушают его меры. Поэтому, имея достаток, не заводят тяжб, не действуют и [большого] не домогаются. [Когда же] нет достатка, то домогаются [большого], повсюду заводят тяжбы, но не считают себя жадными. [Те же, кто] обладает избытком и от него отказывается, бросает [управление] Поднебесной, но не считают себя бескорыстными. К бескорыстию или жадности не принуждают извне, напротив, их рассматривают как мерило. Облеченный властью Сына Неба не гордится перед другими своим благородством. Его имущество — [вся] поднебесная, но [он] не пользуется своим богатством, чтобы посмеяться над другими. [Те же, кто] не принимает [поста] или [от него] отказывается, не ищут славы и похвал. Обдумав бедствия и неудачи, которыми он [грозит], находят [в нем] вред для своей природы. Высочайший и Ограждающий стали владыками, и воцарился мир. [Они] не облагодетельствовали Поднебесную, но и не загубили свою жизнь ради красоты. Умеющий Свернуться и Никого не Стесняющий могли стать владыками, но не приняли [поста]. Отказывались не лицемерно, [ибо] не [хотели] повредить себе делам. Оба они стремились к полезному для себя, отказываясь от вредного, а в Поднебесной [их] превознесли как добродетельных. Так могут обрести это название те, кто отнюдь не домогался славы и похвал.

— [Те, кто] во имя славы изнуряет свое тело, отказывается от наслаждений, ограничивает себя в пище, [лишь бы] поддержать жизнь, [обрекает себя] на длительные болезни и постоянную нужду вплоть до самой смерти, — сказал Недовольный.

— Счастье в умеренности, вред в излишествах, — сказал Довольный. — И так во всем, а особенно — в богатстве. А ныне богачи услаждают свой слух колоколами, барабанами, свирелями и флейтами; [они] объедаются [мясом] травоядных и хлебоядных животных, хмелеют от густого вина. Удовлетворяя свои прихоти, забывают о деле, — это ли не смута? Отягощенные изобилием, [они] будто взбираются на высоту с тяжелой ношей, — это ли не страдание? Жаждают богатства, а получают болезни; жаждут власти, а истощают свое тело. Пребывая в покое, [как бы] тонут [в пучине; когда] тело наливается соками, приходят в гнев, — это ли не болезнь? В погоне за богатством и наживой, набивают [все до отказа], ни о чем не желают слышать, ни [от чего] не хотят отступить; мчатся [все быстрее] не в силах остановиться, — это ли не позор? Богатство скапливается, его некуда девать; но [его] прижимают к груди и не могут [с ним] расстаться; сердце исполнено огорчений, но желания растут, [их] невозможно остановить, — это ли не горе? В собственном доме подозревают кражи, [в каждом] видят вора; выйдя из дома страшатся разбойников; дома _у них_ окружены башнями и бойницами, за [стенами они] не осмеливаются ходить поодиночке, — это ли не страх?

Что может быть вреднее всех этих [пороков] в Поднебесной? А [об этом] все забывают, не пытаются разобраться и спохватываются лишь, когда придет беда. [И тогда], истощив [все свое] естество, [все] богатства, не вернут ни дня покоя. [Этого] не видят, ослепленные славой; не понимают — в погоне за выгодой. Так не заблуждение ли вся эта борьба, которая опутывает и тело, и мысли?!

Глава 30

ОТУЧИЛ ФЕХТОВАТЬ

Некогда царь Чжао Прекрасный {1} пристрастился к фехтованию, Фехтовальщики осаждали [его] ворота, и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удалцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство [Чжао] стало приходить в упадок, [другие] цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об этом, наследник Печальный собрал [всех придворных, чьи места] справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец [поединкам] фехтовальщиков? [Тому я] дал бы в награду тысячу золотом.

— [Это] под силу [только] Чжуанцзы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуанцзы, чтобы поднести [ему] тысячу золотом. Чжуанцзы золота не принял, [но] отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит [мне] наследник, награждая [меня], Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о [Вашей] проникательности и мудрости, учитель, — ответил наследник, — [я] почтительно поднес тысячу золотом на дары [Вашей] свите. Но разве осмелюсь [я] заговорить, [если Вы], учитель, [дар] отклонили!

— [Я] слышал, — сказал Чжуанцзы, — что [вы], наследник, хотите с [моей] помощью отвратить царя от [его] страсти. Предположим, что [я, Ваш] слуга, отговаривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для [вас], наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда [мне], Чжоу, золото? Предположим, что [я, Ваш] слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, [Ваше] наследник.

[Ведь тогда я] получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

— Верно! — молвил наследник. — Но наш государь допускает к себе только фехтовальщиков.

— Прекрасно, — ответил Чжуанцзы. — [Я] отлично фехтую.

— Верно, — сказал наследник, — но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди. У них] сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. [Если же] ныне [Вы], учитель предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте [мне] приготовить себе костюм фехтовальщика, — попросил Чжуанцзы.

Через три дня, [Чжуанцзы] в костюме фехтовальщика встретился с наследником, и вместе [с ним] предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуанцзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить, — сказал государь, — покажи сначала [свое умение] наследнику.

— [Я, Ваш] слуга, слышал, что великому государю нравится фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через [каждые] десять шагов, меч [в руке Вашего] слуги, разит одного человека, на тысяче ли не оставляет [в живых] ни одного путника.

— В Поднебесной [тебе] нет соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы [с кем-нибудь] помериться силами. Фехтуя [я], сделав ложный выпад, даю противнику [как будто] преимущество, [Но], нанося удар позже него, опережаю его в попадании.

— [Вы], учитель, [пока] отдохните! Ожидайте приказа в [своих] покоях. [Я] же велю устроить забаву и приглашу [Вас], учитель, — сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять-шесть [победителей, царь] велел вручить [им] мечи возле дворца, а [сам] призвал Чжуанцзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого [дня], — ответил Чжуанцзы.

— Какова длина оружия, которым [Вы], учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат [мне, Вашему] слуге, — ответил Чжуанцзы. — Но у [меня, Вашего] слуги, есть три меча. Буду драться [любым], только [по выбору] государя. Прежде чем испробовать, дозволейте [о них] рассказать.

— Готов выслушать [речь] о трех мечах, — согласился царь. И Чжуанцзы [повел свой] рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил [его] царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока {2} до Каменной стены, острие — пик горы Преємства {3} в [царстве] Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка [эфеса] — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются все варвары, все времена года; в перевязи — море Бохай, в портуpee — гора Вечности. [С его помощью] обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства {4}, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето {5}, вершат дела осенью и зимой {6}. Рубанешь этим мечем прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никтоверху не удержится, вниз — никоговнизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху — рассечет плывущие облака, внизу перережет земные веси. Толькопустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей, и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянно спросил — царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой [эфеса] — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечем прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никтоверху не удержится, вниз — никоговнизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху [он] уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были [все] три [рода] светил {7}, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Толькопустишь меч в ход — поразит словно удар грома, и каждый во [всех] четырех границах явится в одежде гостя {8}, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

— Каков же меч удалца? — спросил царь.

— Меч удалца [для всех, у кого] волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди; у кого] сердитый вид, а речь косноязычна; [кто] вступает перед [Вами] в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч удалца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел [он] не годится. Ныне у [Вас], великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились [Вы] к мечу удалца. [Мне, Вашему] ничтожному слуге, стыдно за [Вас], великий государь!

Царь повел [Чжуанцзы] за собой в зал, стольничий подавал кушанья, [но] все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мечях закончен, — заметил Чжуанцзы. — Посидите в тишине, великий государь, успокойте [свое] дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.

Глава 31

РЫБОЛОВ {1}

Прогуливаясь по роще Черный полог {2}, Конфуций сел отдохнуть на возвышение [среди] абрикосов. Ученики заучивали предания, Конфуций пел, играя на цине. Не допел [песню] еще и до половины, как [некий] Рыболов, выйдя из лодки, (к ним) приблизился. Брови и борода — седые, волосы — распущенные, рукава свисали вниз. Поднявшись с берега на ровное место, [он] остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и стал слушать. [Когда же] песня закончилась, [он] подозвал Цыгуна и Цзылу. Оба они подошли.

Указав на Конфуция, гость спросил:

— [Вот] тот, что за человек?

— Благородный муж из царства Лу, — ответил Цзылу.

— Из какого рода?

— Из рода Кунов.

— Чем занимается [человек] из рода Кунов? Цзылу промолчал, а Цыгун ответил:

— [Человек] из рода Кунов подчиняет свой характер преданности и доверию, вершит милосердие и справедливость, украшает обряды и музыку, отбирает правила отношений человека к человеку, чтобы были преданы властителю, высшему, чтобы улучшались отношения во всем народе, у низших. Все это принесет пользу Поднебесной. Вот чем занимается [человек] из рода Кунов.

— Владеет ли благородный муж землей? — спросил снова [гость].

— Нет, — ответил Цыгун.

— Помогает правителю или царю?

— Нет.

Гость рассмеялся, повернулся и пошел, говоря:

— Милосерден-то милосерден, но, пожалуй, самого себя не освободит. Утруждает сердце, изнуряет тело, подвергает опасности истинное в самом себе. Увы! Как далеко отошел он от учения!

Цыгун вернулся и доложил [обо всем] Конфуцию. Тот оттолкнул цинь, поднялся и сказал:

— Не мудрец ли то был? — пошел вниз его искать и догнал на берегу озера. [Рыболов] как раз взялся за шест и выводил лодку, [когда], обернувшись, заметил Конфуция, возвратился к селению и остановился.

Конфуций с благоговением отступил, двукратно поклонился и подошел [поближе].

— Чего ты ищешь? — спросил Рыболов.

— Только что [Вы], Преждерожденный, не договорили и ушли, — сказал Конфуций. — [Я], Цю, [человек] негодный, еще не узнал, что [Вы] хотели сказать. [Я], ничтожный, ожидал [возможности Вам] поклониться. К счастью, услышал, как [Вы] кашляли. Помогите [мне], Цю, поскорее!

— Ах! — воскликнул Рыболов. — Как сильна у тебя любовь к учению!

Конфуций двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Я], Цю, учусь с детства и поныне, до шестидесяти девяти лет. Но слышать об истинном учении [мне] не доводилось. Разве осмелюсь не очистить [для этого] сердца?

— Подобные по роду следуют друг за другом, подобные по голосу откликаются друг другу, — сказал Рыболов.

— Таков естественный закон. Разрешите мне объяснить, чем обладаю я, и чем занимаешься ты. То, чем ты занимаешься, дела людские: Сына Неба, царей, великих мужей, простолюдинов. Если каждый, [принадлежащий к] этим четырем [званиям], на своем месте, то правление прекрасное; но нет смуты больше той, [когда] они не отвечают [своим] постам. [Если] должностные лица исполняют свои обязанности, а люди заботятся о своих делах, то нет никаких беспорядков. Поэтому заросшие травой поля, дом без кровли, недостаток пищи и одежды, не внесенные в срок налоги, раздоры между женой и наложницей, несогласие между старыми и молодыми, — таковы заботы простолюдина; небрежность и лень народа и подчиненных, опасение не справиться с обязанностями, не выполнить порученных дел, оказаться небезупречным в поступках, утратить заслуги и доброе имя, потерять ранг и жалованье, — таковы заботы великого мужа; мятежи влиятельных родов, отсутствие при дворе верных слуг, искусных ремесленников, недостаток красоты в дарах [Сыну Неба, боязнь оказаться] ниже других весной и осенью, непокорным Сыну Неба, — таковы заботы царя; отсутствие гармонии между [силами] жара и холода, несвоевременное [наступление] тепла и мороза, вред, причиняемый ими всем вещам; смуты царей, споры из-за заслуг в походах, самоуправные захваты друг у друга, [когда] калечат людей, истощение богатств, беспорядок в обрядах и музыке, ухудшение отношений между людьми, распутство и беспорядки в народе, — таковы заботы Сына Неба и [его] советников. Ныне же ты, не облеченный властью ни царя, ни

сановника, не обладающий рангом великого слуги или его должностного лица, по собственному произволу украшаешь обряды и музыку, отбираешь правила отношений между людьми, чтобы улучшить [отношения] во всем народе. Не слишком ли много на себя берешь? Да притом людям присущи восемь пороков, а [тем, кто] служит, — четыре зла, которые нельзя не изучить. Делать то, что не поручено, называется превышением власти; выдвигать то, что не удостоивают вниманием — болтливостью; говорить, [лишь] с оглядкой на [чужое] мнение — угодливостью; хвалить, не разбирая где правда, где ложь — лестью; со страстью судить о чужих недостатках — поношением; отделиться от родных, отколоться от друзей — бунтом, восхвалять лживого, чтобы нанести удар по ненавистному, — злонамеренностью; хладнокровно допускать и доброе и злое без разбора, чтобы воровски овладеть желаемым, — коварством. Из-за этих восьми пороков поднимают смуту вовне, среди других, губят самого себя внутри, благородные мужи лишаются друзей, мудрые цари — слуг. Четыре зла [следующие]: питать пристрастие к важным делам, к переменам и изменениям обычного, долговременного, чтобы присвоить себе заслуги и славу, называется злоупотреблением; вершить дела лишь по собственному произволу, захватывать людей для собственных нужд — алчностью; не исправлять замеченных ошибок, усугублять их вопреки советам — высокомерием; не разбирая кто хорош, а кто плох, одобрять с тобой согласных, [не одобрять] с тобой несогласных, — самодурством. Таковы четыре зла. Сумел бы [ты] уничтожить эти восемь пороков, искоренить эти четыре зла, тогда и мог бы начать [свое] воспитание.

Конфуций опечалился, вздохнул, двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Меня], Цю, дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун, [я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, был осажден [между] Чэнь и Цай. Как же мог [я], Цю, четыре раза избежать позора, [если] не понимал, в чем [мои] ошибки?

Рыболов, огорченный, изменился в лице и сказал:

— Трудно, очень трудно тебя вразумить! [Вот] Боявшийся [своей] тени, [своих] следов от них уходил. Но как бы [он] ни спешил, тень от него не отставала, чем быстрее передвигал ноги, тем больше оставалось следов. Думая, что медлит, бежал без передышки [пока не] лишился сил и [не] умер. [Он] был также очень глуп: не ведал, что, останься [он] в темноте, и тень исчезнет, стой [он] на месте — и следов не будет. Ты почти не избежал того же во время своих размышлений о милосердии и справедливости, тождестве и различии, наблюдений за изменениями в движении и покое, за правилами вручения и получения, за упорядочением любви и ненависти, гармонией радости и гнева. [Начни] внимательно совершенствовать самого себя, тщательно хранить в себе истинное, возвращать другим все вещи, и не станет [у тебя] никаких тягот. Ныне же [ты] не достиг совершенства сам, а ищешь его у других. Разве это также не внешнее?

Опечаленный Конфуций спросил:

— Разрешите задать вопрос: что [Вы] называете истинным?

— Истинное — высшая искренность, высшее чистосердечие. Без искренности, без чистосердечия нельзя взволновать других. Поэтому плач по принуждению не вызывает печали даже в скорби; гнев по принуждению не внушает страха даже перед великим; любовь по принуждению {3} не выражает согласия даже в улыбке. При истинной скорби не голосят, а печалются; при истинном гневе не кричат, а внушают страх; при истинной любви и без улыбок царит согласие. При истинном внутри волнение проявляется и во внешнем — вот чем ценно истинное. Применяя истинное в отношениях между людьми, служении родным, становятся почтительными детьми и милостивыми родителями; в служении государю становятся преданными и прямыми; когда пьют вино, становятся радостными и веселыми; на похоронах — скорбными и печальными. Главное в преданности и прямоте — подвиг, главное на пиру — веселье, главное на похоронах — печаль, главное в служении родителям — своевременность. В красоте подвигов нет единообразия, в служении родителям нужна своевременность, а в чем — неважно. Вино пьют в радости, не выбирая чарок. В похоронах участвуют со скорбью, не спрашивая об обряде. Обряды созданы обычаями века, истинное же воспринято от природы, естественное нельзя изменить. Вначале мудрые уподоблялись природе, ценили истинное, не связывали себя обычаями. Глупые же, напротив, не способны уподобиться природе. [Они] печалились о людях, не умели ценить истинное, в [своих] хлопотах дошли до пошлости, поэтому-то [о них] и не стоит [говорить]. Как жаль, что ты давно уже погрузился в человеческое лицемерие и слишком поздно услышал о великом учении!

Конфуций снова дважды поклонился и, вставая, сказал:

— Ныне [я], Цю, удостоился встречи — счастья, подобного Небу! Не устыдитесь ли [Вы], Преждерожденный, [если] приближусь к Вам в одежде слуги, чтобы [Вы] лично обучали меня? Осмелюсь ли спросить, где [Ваше] жилище? Разрешите поскорее воспользоваться [Вашими] наставлениями и поскорее воспринять великое учение?

— Можно идти вместе с тем, с кем достигнешь тончайшей [сущности] пути, но нельзя идти вместе с тем, кому этот путь неведом, — ответил Рыболов. — Я об этом слышал и остерегусь, чтоб не совершить ошибки. Ты старайся сам. Я же ухожу, я ухожу. — И [он] заработал шестом, удаляясь, а в тростниках [за лодкой] длинной лентой протянулся [след].

Янь Юань вернулся к повозке, Цзылу отдал [ему] возжи, но Конфуций не обернулся. Он осмелился взойти [на повозку] лишь после того, как стихли удары шеста и улеглись волны. [Стоя] рядом с повозкой, Цзылу спросил:

— Чем заслужил такое Рыболов? [Я], Ю, давно уже служу [Вам], но никогда еще не видел, чтобы [Вы], учитель, отнесли к человеку с таким благоговением. Властители тысячи колесниц, тьмы колесниц в своих дворцах

всегда принимали [Вас], учитель, как равного, [Вы] же, учитель, сохраняли на церемониях свой гордый вид. Ныне [Вам] противостоял Рыболов с шестом, а [Вы], учитель, сгорбленный, словно цинь, гнули перед ним спину, с поклонами отвечая на каждое слово. Не чересчур ли это? Все [мы], ученики, удивляемся [Вам], учитель! Конфуций упал на перекладину повозки и, вздохнув, ответил:

— Ах, трудно! Как трудно просветить [тебя], Ю! Давно уже [ты] погрузился в [изучение] обрядов и долга, а доньше не избавился от грубых мыслей. Подойди, я с тобой поговорю. Не уважить старшего при встрече, [значит] допустить ошибку в обряде; не почтить добродетельного при встрече, [значит] не проявить милосердия. [Даже если] это — не настоящий человек, его нельзя презирать. Презирающий людей не искренен и не обретает свое истинное, а поэтому постоянно губит самого себя. Как жаль! Не быть милосердным — нет беды большей, а она в тебе, Ю. Ведь путь — источник [всей] тьмы вещей. Теряя его, все умирает, обретая его, все живет. Тот, кто в делах ему противодействует — терпит поражение; тот, кто в делах с ним согласуется — добивается успеха. Поэтому мудрый почитает все, в чем присутствует путь. Нынешний же Рыболов, можно сказать, обладает путем. Посмел ли я его не почтить?!

Глава 32

ЛЕ ЗАЩИТА РАЗБОЙНИКОВ

Ле Защита Разбойников направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, — [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все свои силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но, если] ты останешься у себя, люди станут искать у тебя защиты.

Вскоре [Темнеющее Око] пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу, <как подчиненный> Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился, и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [Вы], Преждерожденный, пришли, не дадите ли [мне] совета? — [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так. Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался неспособным помешать искать у тебя [защиты]. К чему это? [Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет твои способности. Никто из последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, пустой движется по воле волн.

Чжэнец Педант {1} [учился] в местности рода Одетых в Меха {2}, благоговейно повторяя [все] нараспев.

[Через] три года стал конфуцианцем, и милости потекли [к нему] рекой на девять ли, благодеяния распространились на три рода. Младшему же брату [он] велел [стать] моистом. [Когда] пошли споры между конфуцианцами и монетами, отец Педанта помогал [Мо] Ди, и через десять лет Педант покончил с собой.

Отец увидел Педанта во сне, и [тот] сказал:

— Ведь это я велел Вашему [младшему] сыну [стать] моистом. Почему бы [Вам] не взглянуть на мою могилу и не убедиться, какие [над ней] могучие кипарисы? {3}

То, что творит вещи, воздаст человеку, но воздаст не самому человеку, а его природе. Один <Педант>, конечно, принудил другого <брата>, но, чтобы презирать своего отца, человек [должен! считать себя выше других. [С тех пор] как подрались цисцы, которые пили воду из [одного] колодца, стали говорить: «В нынешнем мире все — Педанты». По этой-то причине и пользуется незнанием тот, кто обладает достоинством, а тем более тот, кто обладает путем. В старину это называлось: «избежать кары природы».

Мудрый [обретает] покой в том, что дает покой; не [ищет] покоя в том, что не [дает] покоя. Дюжинный человек [ищет] покой в том, что не [дает] покоя; не [обретает] покоя в том, что [дает] покой.

Чжуанцзы сказал:

— Познать путь легко, не говорить [о нем] трудно. Познать и не говорить — так достигнешь естественного. Познать и говорить — так достигнешь человеческого. Древние люди обращались к естественному, а не к человеческому.

Чжу Легкомысленный был учеником Урода Полезного {4}, [учился] убивать драконов {5}. Разорил [свою] семью, [обладавшую] тысячей золотом, и за три года овладел мастерством. Однако своему искусству [он] не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, поэтому не обладает оружием. Дюжинный человек считает необходимостью и не необходимое, поэтому [обладает] многим [оружием]. Послушен оружию, поэтому и пускает его в ход при [своих] домогательствах. [Но] тот, кто полагается на оружие, гибнет.

Мелкий человек в своих знаниях не выходит за пределы свертка с подарком и дощечки для письма. [Он] утруждает свой разум незначительными препятствиями, а хочет всемерно помогать пути и [всем] вещам и в великом единстве [с ними] очищать свое тело. Подобные ему, не зная первоначала, обременяя свое тело, блуждают во вселенной.

Другой же, настоящий человек, обращается разумом к безначальному и сладко дремлет в небытии. [Он подобен] воде, которая течет без формы и, просачиваясь, обнаруживается в великой чистоте.

Как печально! Ведь, обратив свои знания на кончик волоска, не познаешь великого покоя.

Жил среди сунцев Цао Торгаш {6}. Отправил его сунский царь Послом в Цинь и дал [ему] с собой несколько колесниц. А Торгаш сумел угодить [циньскому] царю, и колесниц у него стала сотня.

Вернувшись в Сун, [Торгаш] встретился с Чжуанцзы и стал над ним смеяться:

— [Вы] живете в самом закоулке нищей деревеньки, от нужды плетете сандалии. У [меня], Торгаша, конечно нет ни такой длинной иссохшей шеи, ни такого пожелтевшего лица. Зато стоило мне вразумить властителя тьмы колесниц, и [за мной] последовала их сотня.

— Уходи прочь! — ответил Чжуанцзы. — [Когда] циньский царь хворал, [он] звал лекарей. Тот [лекарь], что вскрыл чирей и удалил легкую опухоль, получил одну повозку; тот, что вылизал геморрой — пять повозок. Чем ниже способ лечения, тем выше награда {7}. Как же ты лечил его геморрой, что заслужил столько колесниц?

Луский царь Айгун спросил у Яня Врата Бытия:

— Будет ли лучше в царстве при Конфуции? Я считаю его даровитым деятелем.

— [Он] опасен! [Быть] беде! — ответил Янь Врата Бытия. — Конфуций разрисовывает даже фазаны перья. Занимаясь лишь цветистыми речами, выдает побочное за главное, Терпеливо поучает народ, не зная [его] и [ему] не доверяя. Воспринимая [лишь свои] мысли, управляя [лишь своим] умом, разве достоин [он] стоять над народом? Считать его пригодным, кормить [его] можно лишь по ошибке. [Он] ныне велит народу уйти от сущности, учиться лицемерию — это не то, чему следует поучать народ. Лучше от этого отказаться, [а не то] трудно будет управлять, достанется забот и последующим поколениям.

Раздавать так, чтобы [о даяниях] не забывали, [это] не [похоже на] даяния природы. Купцов оседлых и странствующих не разделяют по рангам. Хотя дела их различны, [но] мудрые отнюдь не разделяют [их] по рангам.

[Орудия] внешних пыток — металл и дерево {8}. [Орудия] внутренних пыток — действия и ошибки. Малый люд, подвергшийся внешней пытке, допрашивают металл и дерево; подвергшихся внутренней пытке грызут [силы] жара и холода. Ведь избежать пытки и внешней, и внутренней способен лишь настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Познать каждое человеческое сердце труднее, чем природу, оно опаснее, чем горы и реки. У природы есть сроки весны и осени, зимы и лета, утра и вечера. У человека же лицо непроницаемо, чувства [таятся] глубоко. Бывает с виду добрый, но алчный; бывает одаренный, похожий на никчемного; бывает нетерпеливый, но проникательный; бывает [внешне] решительный, а [внутренне] медлительный; бывает [внешне] нерешительный, а [внутренне] вспыльчивый; поэтому-то и случается, что стремятся во имя долга пожертвовать собой, будто охваченные жадой, но и отступают от долга, будто опаленные жаром. Поэтому-то государь посылает человека далеко, чтобы проверить его преданность; посылает близко, чтобы проверить его почтительность; дает сложные поручения, чтобы проверить его способности; задает вопросы внезапно, чтобы проверить его сообразительность; назначает кратчайший срок [исполнения], чтобы проверить, [насколько можно] ему доверять; вверяет ему богатство, чтобы посмотреть, [насколько] он милосерден; сообщает ему об опасности, чтобы посмотреть,

[насколько] он верен долгу; поит его допьяна, чтобы посмотреть, [куда] он склонится; сажает его в смешанные <вместе с женщинами> ряды, чтобы посмотреть, [насколько] он целомудрен. В этих девяти испытаниях и обнаруживают человека негодного.

Покойный Отец Правильный {9} при первом указе [о возведении в ранг] пригнулся, при втором указе горбился, при третьем указе клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто посмел бы не счесть [его] за образец! А есть и такие мужи: при первом указе [становятся] надменными, при втором — красуются на колеснице, при третьем — [начинают] звать всех старших по имени. Кого же из них уподобишь Высочайшему и Никого не Стесняющему?

Нет разбойника хуже того [человека], чьи достоинства искусственные, чье сердце обладает [выражением, как] ресницы. [Если выраженное] его ресницами сопоставить с [его] внутренним, то рассмотрение [его] внутреннего нанесет [ему] поражение.

Злых свойств — пять. Основное — считать главными [собственные] достоинства. Что это означает? Это означает — превозносить собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному.

Бедствия вызывают восемь крайностей, успех приносят три необходимости, тело вмещает шесть внутренних органов. Красота, [длинная] борода, высокий рост, крепкое телосложение, цветущий вид, величие, смелость и решительность — это восемь крайностей. При превосходстве над другими [они] служат причиной бедствий. Покорность, уступчивость, опасение [оказаться] хуже других — эти три необходимости приносят успех. Сообразительность проникает во внешнее, смелые поступки [вызывают] большие обиды; милосердие и справедливость [вызывают] многие укоры. Кто проник в [сущность] жизни — велик; кто проник в знания — незначителен; постигший большую жизнь <природу> следует [за главным]; постигший малую жизнь <отдельного человека, свою собственную> следует за случайным.

Некто [удостоился] приема у сунского царя, был пожалован десятью колесницами и стал хвастаться своими десятью колесницами перед Чжуанцзы. Чжуанцзы же сказал:

— У Реки жила бедная семья, которая кормилась тем, что плела [вещи] из полыни. [И вот] юноша из этой семьи нырнул в пучину и достал жемчужину [ценой] в тысячу золотом.

— Разбей ее камнем! — велел ему отец. — Ведь жемчужина в тысячу золотом хранится под челюстью у Черного Дракона в Девятой Пучине. Ты достал ее лишь потому, что он спал. А проснется Черный Дракон и [сожрет] тебя без остатка!

Ныне [омут] в царстве Сун поглубже Девятой Пучины, а сунский царь страшнее Черного Дракона. Ты раздобыл колесницы лишь потому, что он спал. А проснется сунский царь и сотрет тебя в порошок!

Некто звал Чжуанцзы [к себе] на службу. Чжуанцзы так ответил его посланцу:

— Видели вы жертвенного быка? [Как] наряжают [его] в узорчатые ткани, [как] кормят травой и бобами! Но вот его поведут, и [он] вступит в храм предков. Сможет ли он [снова] стать вольным теленком, как бы [ему этого] не хотелось?!

Чжуанцзы лежал при смерти {10}, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Но Чжуанцзы воспротивился:

— К чему все это? Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом, солнце и луну — нефритовыми кружками, планеты и звезды — мелким жемчугом, а [всю] тьму существ — своими провожатыми. Разве мои похороны не будут совершенными?

— Мы боимся, — ответили ученики, — что [Вас], учитель, склюют вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуанцзы, — [я] пойду на пищу воронам и коршунам, под землей — муравьям. Отнимите у одних, отдадите другим. За что же муравьям такое предпочтение?!

[Если] выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. [Если] доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным.

Знающий действует [на других] только своими знаниями. Прозорливость подтверждается [естественными законами]. Ведь давно уже [известно] что знающему далеко до прозорливого. Но разве не печально, что глупцы, опираясь лишь на виденное ими самими, несут [это] людям? Их успехи только во внешнем.

Глава 33

КАК УПРАВЛЯТЬ ПОДНЕБЕСНОЙ

Учений как управлять Поднебесной много, но ни одно из них нельзя применить, оттого что они деятельны. Где же в действительности так называемое учение древних? Отвечу — «повсюду». На вопросы — «Откуда

появляется прозорливый? Откуда появляется умный?» — [ответу]: «Источник рождения мудрого, формирования государя — один».

Не отделяющегося от рода называют естественным человеком, не отделяющегося от тончайшего семени называют прозорливым человеком, не отделяющегося от истинного называют настоящим человеком. Того, кто [своим] родом считает природу, корнем — основные свойства, воротами — путь, началом же — развитие, называют мудрым человеком. А тот, кто считает милосердие наградой, справедливость — правилом, обряды — поведением, музыку — гармонией, от кого пахнет благими делами и милосердием, называется благородным мужем.

Те, кто разделяет с помощью устоев, берут за образец имена <славу>, считают обучение свидетельством, а сопоставление — решением, они считают [всего лишь] до четырех. Так вот [все] сто должностных лиц общаются друг с другом по старшинству. Обычным [они] считают дела, главным — пищу и одежду; естественным законом народа — размножение, собирание и накопление для прокормления всех — старых и малых, сирых и вдовых. Разве этого не было в изобилии у людей древности? Равные прозорливому по разуму, будучи безыскусственными, [как] природа, возвращали тьму существ, гармонировали со [все] Поднебесной, и [ее] даяния распространялись на [все] сто семейств. Понимая исходные числа, соединяли [их] и с конечным мерилom. Шесть стран света, четыре времени года, малое и великое, грубое и тонкое — движение, которое существует повсюду. [Все это] они понимали и неоднократно повторяли. Есть еще много хронистов, передающих старые устои от поколения к поколению. Те [устои, что содержатся] в песнях и преданиях, обрядах и музыке, способны понимать многие из мужей в Цзоу и Лу {1} — Преждерожденных в широких поясах с табличками. [Они] используют песни, предания, обряды, чтобы говорить о стремлениях, о событиях, о поведении; [они] используют музыку, гадательные знаки, хронику «Весна и осень», чтобы говорить о гармонии, о жаре и холоде, о разделении по именам <знатности>. Сколько-то их рассеялось по [все] Поднебесной, [они] утвердились в Срединных царствах. В учениях ста школ их иногда хвалят и о них говорят.

[С тех пор как] в Поднебесной началась великая смута, утратилась ясность достойных и мудрых, не стало единства в [понимании] пути и основных свойств, многие пришли к пристрастности во имя самовосхваления. Так, уши, глаза, нос, рот — каждый [из этих органов] что-то воспринимает, но [они] не способны общаться друг с другом. То же и во всех искусствах, в ста школах, — у каждой есть какие-то достоинства, которые иногда следует использовать. Но крайне пристрастные мужи, не обладающие ни проницательностью, ни кругозором, берутся судить о красоте природы, объяснять законы тьмы вещей, целостность древних людей. [У них] не хватает способностей для того, чтобы охватить красоту природы, оценить проницательных и умных. По этой-то причине путь внутренний — мудрых и внешний — царей становился скрытым и неясным, приходил в застой и не проявлялся. Каждый в Поднебесной принимал то, что ему нравилось за собственное учение. Как печально! Ведь [все] сто школ уходили, но не возвращались и, конечно, не объединялись. Учащиеся же последующих поколений, к несчастью, не увидели безыскусственности природы, высшей сущности древних, и тогда в учении Поднебесной произошел раскол.

В учение древних входили такие [положения]: чтобы быть готовыми к неожиданным бедствиям, исправлять [все] по плотничьему правилу и [с помощью] туши, не [приучать] молодое поколение к роскоши, к расточительству, к блеску в числах и установлениях. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Мо Ди и Цинь Гули, но стали проводить их чрезмерно строго. Назвав это бережливостью, они провозгласили отказ от музыки, [чтобы] живые перестали петь, мертвых перестали одевать. Моцзы [учил] всеобщей! любви и пользе, а также отрицанию войны. Не допуская гнева, его учение требовало любви к обучению, привлечения сторонников; но не было тождественным [учению] ранних государей и разрушало обряды и музыку древних. При Желтом Предке была песня «Восход солнца», при Высочайшем — «Великое уложение», при Ограждающем — «Великое цветение», при Молодом Драконе — «Великое лето», при Испытующем — «Великий разлив», при царе Прекрасном — «Согласие в каре», царь Воинственный с Чжоугуном создали «Воителя» {2}. В древнем похоронном обряде был ритуал для благородных и для презренных, были ранги для высших и низших: гроб внутренний и саркофаг для Сына Неба — семикратной толщины, для правителей царств — пятикратной, для великих мужей — троекратной, для мужей — двойной толщины. Ныне только один Моцзы [учит], чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать, чтобы, как правило, стали делать гробы и дриандры толщиной в три цуня, без саркофага; Учить этому людей [значит], пожалуй, их не любить, действовать, так самому — [значит], конечно, не любить самого себя. Учение Моцзы еще не потерпело поражения, но разве достойно [человеческой] природы осуждать пение, когда поют, осуждать плач, когда плачут; осуждать радость, когда радуются. Жизнь Моцзы прошла в тяжелом труде, похороны его были бедными, учение его очень жестокое. [Оно] велит людям печалиться, горевать, его трудно осуществить и, боюсь, нельзя считать учением мудрого. [Оно] противоречит сердцам Поднебесной и для Поднебесной невыносимо. Хотя сам Моцзы мог его выполнять, но что было делать с Поднебесной? [Оно] отделилось от [все] Поднебесной и далеко ушло от [учения древних] государей.

Восхваляя свое учение, Моцзы говорил:

— В старину Молодой Дракон преградил [путь] потоку, проложил русла рек и потоков, открыл [дороги] во [все] девять областей и ко [всем] четырем [странам] варваров. На трехстах знаменитых горах <река> {3}, трех тысячах притоках, малых же речках без числа Молодой Дракон сам брал в руки мешки и лопату, смешивал

[воды для стока] в девять рек Поднебесной. [У него] стерлись волоски на икрах и пушок на голених {4}. Умывал [его] проливной дождь, причесывал быстрый ветер. [Он] учредил тьму царств. Молодой Дракон был великий мудрец, а так утруждал себя ради Поднебесной.

Поэтому монеты следующих поколений одевались большей частью в шкуры и платье из грубого сукна, носили деревянные сандалии или плетеные из соломы, не отдыхали ни днем, ни ночью и считали высшим [благам] тяжкий труд. [Они] говорили: «[Тот, кто] на это не способен, отрицает путь Молодого Дракона и недостоин называться моистом».

Ученики Сянли Циня — слуги пяти правителей. Южные моисты, такие как Гу Ху, Цзи Чи, Дэнлинцзы {5}, все распевали основу [учения] Мо {6}, но каждый по-своему обманывал вдвойне, называли же друг друга отдельной [ветвью] моистов. Они поносили друг друга в спорах о том, что такое «твердость» и «белизна» {7}, что такое «тождество» и «различие» {8}, отвечали друг другу речами о различии между единичным и парным {9}.

Наиболее выдающийся считался мудрецом, и все стремились сделать его Покойником <главой> в надежде на преемство в следующем поколении. Это не прекратилось и поныне.

Замыслы Мо Ди и Цинь Гули были истинными, а поступки — ложными. [Они] повели к тому, что монеты последующих поколений лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде [до тех пор, пока] не стирались волоски на икрах и пушок на голених. В смуте [они] первые, в управлении — последние. Несмотря на это, [сам] Моцзы воистину лучший из [людей] Поднебесной, и [другого] такого не найти. Пусть иссох, как сухое дерево, [от него] нельзя отказаться, [он] действительно талантливый муж.

В учение древних входили такие [положения]: не отягощать себя обычаями, не приукрашиваться перед другими, не относиться нечестно к людям, не приносить вреда народу, желать Поднебесной мира и покоя, чтобы оживить жизнь народа, чтобы [все] ограничивались питанием, достаточным и для себя и для других, и этим очистили сердце. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Сун Цзянь и Инь Вэнь {10}. Отличительным знаком они выбрали для себя шапку [в форме] Хуа-горы {11}. Воспринимая [всю] тьму вещей, начинали со снисходительности к отличавшимся [от них], говорили о терпимости и назвали это движением сердца.

[Пытались] гармонией соединить в радости и привести в согласие [всех] среди морей. Стремилась [к этому] и просили принять эту идею как главную. Встречаясь с оскорблениями, но не считая [их] позором, [они] стремились спасти народ от борьбы, запретить нападения, отложить оружие, спасти [своих] современников от войн. С этим обходили [они] всю Поднебесную, убеждая высших и поучая низших. Хотя в Поднебесной [их] учения] не принимали, они непрестанно на нем настаивали, поэтому [о них] говорили: «Настойчиво [добиваются] встреч, хотя [всем] сверху донизу надоели». Несмотря на это, они добивались для людей слишком многого, для себя же делали слишком мало. Говорили: «Стремимся и просим твердо установить питание в пять шэн [зерна, этого] достаточно. Прегорожденные, пожалуй, не будут сыты, а ученики, даже голодные, не забудут о [заботе] Поднебесной». Днем и ночью без отдыха твердили: «Должны же мы обрести возможность жить! Необходимо гордиться мужами, спасающими [свое] поколение!». Говорили: «Государь не должен сурово взыскивать, не должен присваивать себе чужого, считать ниже себя по уму тех, кого признают бесполезными для Поднебесной». В большом и малом, грубом и тонком их учение ограничивалось тем, что во внешнем [они требовали] запретить нападения, отложить оружие, а во внутреннем — умерить желания и страсти.

В учение древних входили такие [положения]: быть справедливым и беспристрастным, ровным и бескорыстным, решительным, но без предвзятости; следовать за другими, но без измены; не оглядываться с опаской, не хитрить со знаниями; отправляться, вместе со всеми, никому не отдавая предпочтения. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао {12}. Главным [они] признали равенство [всей] тьмы вещей. Говорили: «Небо способно покрывать их [сверху], но не способно поддерживать их снизу; земля способна поддерживать их снизу, но не способна покрывать их сверху {13}. Великий путь способен их вмещать, но не способен их различать». [Они] знали, что для [каждой из] тьмы вещей есть возможное, есть и невозможное, поэтому говорили: «При выборе нет всеобщего, обучение не [каждого]; достигает, [лишь] путь [объемлет все] без остатка». По этой причине Шэнь Дао отбросил знания, отказался от самого себя и действовал лишь по принуждению. [Он] считал естественным законом очищение от вещей и равнодушие. Говорил: «Знание — это незнание, даже незначительные знания приближают к опасности». Стыдил безнравственных, не служил, но высмеивал [тех, кто] почитал достойных в Поднебесной; свободный, необузданный, [он] не действовал, но порицал великих мудрецов Поднебесной. То молотком, то рукой [он] сглаживал шероховатости и вместе с другими приспособлялся [к обстоятельствам]. Отбрасывал и истинное и ложное, лишь бы избежать [затруднений]. Не изучал ни [людских] знаний, ни забот, не ведал ни прошедшего, ни будущего и лишь величественно возвышался. Действовал, лишь когда толкали; шел, лишь когда тащили; крутился, подобно вихрю, кружился, подобно перышку {14}, вращался подобно жернову. Почему же [он] оставался целостным, не встречая порицания, не делая ошибок ни в движении, ни в покое, никогда не совершая преступлений? Потому что [подобно] вещи, не обладающей знаниями, не ведал беды самоутверждения, не отягощал себя применением знаний, не отходил от естественных законов ни в движении, ни в покое; поэтому-то за всю жизнь так и не прославился. Поэтому говорил: «Высшее лишь в том, чтобы уподобиться вещи, не обладающей знаниями, не использовать ни достойных, ни мудрых. Ведь [любой] ком земли не утратит пути». Удалыцы между собой его высмеивали: «Не достойно ли удивления учение Шэнь Дао? [В нем] поведение не живого человека, а мертвого!»

Таково же и [учение] Тянь Пяня. [Он] удостоился перенять у Пэн Мэна [учение] без поучений. Наставляя, Пын Мэн говорил: «Даосы древности пришли лишь к тому [выводу], что нет ни истинного, ни неистинного». [Его наставления подобны] шуму встречного ветра, как же можно [о них] говорить? [Он] всегда противоречит людям, но не встречает внимания и неизбежно сглаживает шероховатости. То, что он называет учением, не [настоящее] учение; в истине, о которой [он] говорит, неизбежно [есть] ложь. Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали учения, хотя, в общем о нем и слышали.

В учение древних входили такие [положения]: считать основой мельчайшее [семя], а вещь — крупное; считать накопление недостатком, жить безмятежно, в одиночестве, с ясным разумом. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Страж Границы и Лаоцзы. [Они] построили учение на постоянстве бытия и небытия с главным — великим единством. [Учили] во внешнем — быть терпеливым, мягким, уступчивым, в сущности <во внутреннем> — пустым [чистым], не разрушать [ни одной из] тьмы вещей.

Страж Границы сказал: «[Телесные] формы и вещи сами показываются [тому, кто] на самом себе не останавливается. Его движения подобны [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху. Туманный, будто отсутствует; тихий, будто прозрачен, уподобляясь [вещам], гармоничен, приобретая [вещи], несет урон. Никогда не опережая других, всегда следует за другими».

Лаоцзы сказал: «[Кто] сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной [главным] руслом. [Кто], сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми, лишь он предпочитает быть последним». [И еще] сказал: «[Он] принимает на себя унижение Поднебесной. Все предпочитают полноту, только он предпочитает пустоту; не накапливает, поэтому обладает избытком. Обладая избытком, высится одинокий. В поведении нетороплив и потерь не несет, [держится] недеяния и высмеивает ловкость [других]. Все домогаются счастья, и лишь он [видит] целостность несовершенного» [И еще] сказал: «Лишь бы избежать беды. Считать глубокое корнем, умеренность правилом». [И еще] сказал: «Твердое ломается, острое тупится. [Он] всегда великодушен к вещам, ничего не отнимает у других. Вот что можно назвать высшим совершенством» {15}. Да! Воистину настоящими людьми среди древних были великие Страж Границы и Лаоцзы!

В учение древних входили такие [положения]: о туманном, обширном, не обладающем [телесной] формой; об изменениях, о развитии, не обладающих постоянством. Объединяются ли жизнь и смерть с небом и землей? Уходят ли душа и разум? Почему же? Неясно! Куда же? Туманно! [Всю] тьму вещей [оно] охватывает сетью, нечего (и говорить), что все к нему возвращается. Услышав такие наставления, обрадовался Чжуан Чжоу. В безрассудных речах, в небылицах, в выражениях, бесконечных и беспредельных, всегда необузданный, но не пристрастный, [он] рассматривал учение не с одной единственной точки зрения. Считая, что Поднебесная погрязла в пороках, не мог говорить прямо. С помощью речей, [как вина] из чарки, развивал [мысли] беспредельно, с помощью речей почитаемых подтверждал истинность, с помощью притч расширял [замысел]. В одиночестве общался разумом со вселенной, но не отделял себя в гордости от [всей] тьмы вещей, не отвергал [чужой] истины или не истины, чтобы найти себе место среди пошлости современников. Хотя записи его [речей] — редкая драгоценность, и, [внимая им], все время отбивают такт, (они) не приносят вреда. Хотя выражения у него неровные, странные, но внимания заслуживают. Полнота сущности у него неисчерпаема. Наверху он странствует вместе с тем, что создает вещи, а внизу дружит с теми, для кого ни жизнь, ни смерть не составляют ни начала, ни конца. [В понимании] основы он необъятен и открывает новое — глубоко, огромно, необузданно. [В отношении] основы <дао> он, можно сказать, многое привел в порядок и достиг высшей проницательности. Несмотря на то что следовал развитию и освобождался от вещей, его учение безгранично и не отклонилось от своих истоков. [Оно] глубоко, непостижимо, неисчерпаемо.

Творящий Благо очень разносторонен. Записей речей {16} у него пять повозок. Его учение противоречиво. Его слова не попадают в цель. Перечисляя значение вещей, сказал: «У самой большой нет внешнего, назовем ее великим единством; у самой малой нет внутреннего, назовем ее малым единством. Не обладающее толщиной {17} нельзя нагромоздить, а заполняет [оно] тысячи ли. Небо вместе с землей — низкое, горы вместе с болотами — ровные: Солнце в зените — в то же время на закате; рождение вещи — в то же время [ее] смерть. Тождество в большом отличается от тождества в малом, это назовем малым тождеством и [малым] различием. [Вся] тьма вещей и тождественна и различна, это назовем большим тождеством и [большим] различием. Южная сторона и предельна и беспредельна. Направился в Юэ сегодня, а пришел [в Юэ] вчера. Соединенные кольца можно разнять. Я знаю, [где] центр Поднебесной: к северу от Янь, к югу от Юэ. [Тот, кто], любовью охватывает [всю] тьму вещей, [составляет] единое целое с природой».

Таковыми изречениями {18} Творящий Благо привлек в Поднебесной общее внимание и стал известным оратором. Ораторы Поднебесной стали ими наслаждаться. Вместе с Творящим Благо ораторы отвечали друг другу подобными [софизмами]: «В яйце есть перья»; «у курицы три ноги»; «[город] Ин владеет Поднебесной»; «пес мог стать бараном»; «у лошади есть яйцо»; «у лягушки есть хвост»; «огонь не горячий»; «у горы есть рот»; «колесо не давит на землю»; «глаза не видят»; «свойства беспредельны, вещи неисчерпаемы»; «черепашка длиннее змеи»; «наугольник не квадратный»; «циркуль не может быть круглым»; «паз не окружает клина»; «тень летящей птицы не движется»; «в полете стрелы с наконечником есть мгновенье, [когда она] не движется и не покоится»;

«кобель не пес»; «гнедой конь и вороной бык [вместе составляют] три»; «белый пес черен», «у жеребенка-сироты никогда не было матери». «Если ежедневно делить пополам палку [длинною] в один чи, не закончить и через тьму поколений». [Подобных софизмов] не исчерпать и за целую жизнь. Хуань Туань {19} и Гунсунь Лун {20} — последователи софистов. [Они] приукрашивали сердца людей, изменяли их мысли. Были способны победить уста, но не способны покорить сердца. (Таков) замкнутый круг софистов. С помощью таких знаний Творящий Благо ежедневно спорил с другими и вызывал особое удивление у софистов Поднебесной. Такова была его основа.

Однако сам Творящий Благо считал свою болтовню наивысшим достоинством {21} и говорил: «Разве во вселенной [найдется] мне равный!» Творящий Благо остался сильнейшим, а учения от него не осталось. Жил на юге чужак, которого звали Хуан Связанный {22}. [Он] спросил: «Почему небо не падает, земля не проваливается? Каковы причины [появления] ветра, дождя и грома?» Творящий Благо [ему] отвечал, не отказываясь, давал ответ без размышлений. Изложил все учение о тьме вещей, говорил без передышки, все длиннее, без конца и, будто этого было мало, все добавлял и добавлял, лишь бы [вызвать] удивление. [Он] считал главным опровергать других, желая приобрести славу победителя. Вот по этой-то причине и не подходил для народа. [Он был] слаб во [внутренних] свойствах, силен во [внешних] вещах, [шел] окольными путями. Если оценить способности Творящего Благо с точки зрения пути природы, то (они) уподобятся лишь труду комара или москита. Мог ли он принести вещам пользу? [Он] мог еще пригодиться для [какого-нибудь] одного [дела, но] разве приближался [к тому, чтобы] еще больше ценить путь? [Нет!] Творящий Благо не был способен на нем успокоиться. [Он] растрачивал себя без устали на [всю] тьму вещей и в конце концов заслужил славу прекрасного оратора. Как жаль, что Творящий Благо при таком большом таланте ничего не создал. Увы! В погоне за [всей] тьмой вещей не вернулся [к учению], своим голосом будил лишь эхо, состязался в беге [лишь] с собственной тенью.

КОММЕНТАРИИ

ГЛАВА 1

1. Рыбу-гунь Цуй Чжуань (IV-V вв.) и лянский Цзяньвэньди (VI в.) считают китом, Лу Дэмин (VII в.) — какой-то другой огромной рыбой; Го Цинфань (XIX в.), следуя за Фан Ичжи (XVII в.), — «рыбкой маленькой, которую Чжуанцзы изобразил гигантской» («Чжуанцзы цзиши», гл. 1, III, 2). <О разногласиях в толковании этого сказочного образа см. Предисловие, прим. 24.>

2. Сыма Бяо (III-IV вв.) считает Ци Се фамилией и именем, лянский Цзяньвэньди — названием книги.

3. В Китае до 1911 г. был принят лунный календарь.

4. Сыма и Чэнь Сюаньин говорят о жарких парах на болоте весной, движение которых уподобляется «диким копам».

5. Здесь рациональное познание противопоставляется конкретно-чувственному в гиперболическом контрасте образов: гигантской птицы (Феникса), взирающей на мир с огромной высоты, и малых существ (Цикады и Горлицы), почти не способных оторваться от земли.

6. Сунца Мужа Чести (Юнцзы) отождествляли с философом Сун Цзянем, см. гл. 33, стр. 317. (Wilhelm, Dschuang Dsi, S. XVIII). Ср. «Хань Фэйцзы», цз. 50, V, 357.

7. Шесть явлений — жар и холод, ветер и дождь, пасмурная погода и ясная.

8. Для познания природы (т.е. объективного мира) даосские философы требовали отказа от собственного «я» (т.е. всего субъективного).

9. Покойник (Ши) — внук или другой родственник, одетый в костюм умершего, исполнял его роль на похоронах, во время жертвоприношений, при провозглашении преемника умершего и в других обрядах. Покойник был первым и ведущим артистом в раннем действе — зачатке театрального зрелища.

10. Этот герой выступает и как человек (стр. 170, 245) — современник Суньшу Гордого (VII-VI вв. до н.э.), и как дух горы (стр. 164).

11. Лянь Шу — известен лишь по данному фрагменту.

12. Лу Дэмин и Чэн Сюаньин пытаются отождествить Встречающего Колесницы (Цзеюй) с отшельником Лу Туном, отказавшимся служить чускому царю. В других эпизодах (см. стр. 155-156, 170; «Изречения», гл. 18, I, 390), он похож на юродивого, называется Чуским безумцем и выступает с темными, пророческими речами. <Трактовку безумия у даосов см. стр. 73-74, 245-247.>

13. Здесь явно выражено признание Чжуанцзы необходимости чувственного познания <(см. также стр. 168, 268, 283)>.

14. Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать: сунец из Срединных царств Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпой, не знал, что коротковолосым юэсцам такая, сложная прическа была чуждой.

15. Учитель Высочайшего — Никого не Стесняющий (Сюй Ю), учитель Сюй Ю — Беззубый (Не Цюэ), учитель Беззубого-Наставник Юных (Ван Ни) и учитель Ван Ни — В Тростниковом Плаще (Пи И или Пу И), <см. стр. 189>.

16. Творящий Благо (Хойцзы, Хой Ши) — IV в. до н.э., принадлежал к школе логики-софистов (минцзя), постоянный участник споров с Чжуанцзы, см. также стр. 320-321.

17. Дань — мера объема, около 100 л.

18. Фрагмент о субъективном понимании полезного, <см. также стр. 232-233, 280>.

ГЛАВА 2

1. Владеющий Своими Чувствами, Странник Красоты Совершенной см. также стр. 154, 265, 283. Несмотря на некоторое расхождение в именах (Наньго Цзыци — Наньбо Цзыци, Яньчэн Цзыю — Яньчэнцзы) комментарий устанавливает, что это одни и те же герои.

2. Варианты см. стр. 59, 256, 265-266. Даосское образное обозначение отказа от всего субъективного для познания объекта — природы, ее законов, в данном случае причины возникновения ветра (ср. с одой Сун Юя «Ветер», — В.М. Алексеев, Китайская классическая проза).

3. Устройство музыкального инструмента объясняется как подражание ветру, явлению природы <(см. также стр. 230-231, гл. 19, прим. 8)>.

4. В утверждении саморазвития всех вещей содержится отрицание «воли Неба».

5. Для даосской традиции характерно рассматривать сон как состояние внутреннего эфира (души), зависящее от состояния эфира в теле, окружающей человека природе, чувств и мыслей наяву. <См. Предисловие, стр. 20-21.>

6. Здесь заметна попытка выразить единство объективного и субъективного — субъективное осознается лишь в сопоставлении с объективным.

7. Размышляя над строением человеческого тела, Чжуанцзы отказывается определить, что в нем второстепенное (слуги), что главное (государь), и, наконец, отрицает бессмертие (душа превращается в прах вместе с телом).

8. Одно из положений Хойцзы, с которым полемизирует Чжуанцзы <(см. также стр. 320-321)>.

9. Чжуанцзы признает возможность выразить речью все многообразие объективного мира, но отрицает роль красноречия, которое затемняет содержание.

10. Дословно «этот» и «тот» — местоимения, которые по-русски не ассоциируются с данной проблемой — относительности объективного и субъективного возможности познания противоположностей лишь в единстве (например, «я» в сравнении с «не я», смерти — с жизнью и т.д.).

11. Чжуанцзы полемизирует с положениями моистов («белый конь — не конь» и др.).

12. Си Ши — ставшее нарицательным имя знаменитой красавицы (начало V в. до н.э.). Подаренная юэским царем царю У, она сыграла немалую роль в разгроме последнего.

13. Признание постепенного познания мира <(повторение этих положений см. стр. 258)>.
14. Чжао Прекрасный (Вэнь) — легендарный музыкант. Чэн Сюаньин поясняет, что Чжао бросил играть на цине, убедившись в своем пристрастном отношении то к одному, то к другому тону, что было несовместимо с целостностью дао.
15. Положения моистов, с которыми полемизирует Чжуанцзы (см. также стр. 161, 317).
16. Вариант космогонии Лецзы <(ср. стр. 143)>.
17. Шесть стран света — восток, запад, юг и север вместе с зенитом и надиром.
18. Возможно, здесь подразумевается эпоха, охватываемая хроникой Лу (723-481 гг. до н.э.) или других царств, которые также назывались «Весна л осень».
19. «Встал лицом к югу» — взошел на трон, стал царем.
20. Цзун, Гуй и Сюйао — племена, которые позже завоевал Высочайший <(см. также стр. 149)>.
21. Здесь дается вариант мифа о десяти солнцах, ср. «Хуайнаньцзы»: «Во времена Высочайшего сразу взошли десять солнц, спалили [все] злаки, иссушили [все] растения... Охотник по приказу Высочайшего... поразил [девять] из десяти солнц...» («Хуайнаньцзы», цз. 8, VII, 117-118).
22. Первая — наложница царя Юэ (начало V в. до н.э.), вторая — наложница царя Цзинь (VII в. до н.э.), имена их стали нарицательными. Значение фрагмента: иллюстрация к положению об относительности субъективного восприятия действительности (см. также притчу о морской птице в Лу, стр. 224, 232).
23. «Река и Хань» — реки Хуанхэ и Ханьшуй.
24. Комментарий говорит о первом герое как об ученике Конфуция, но прозвище в даосском стиле (Зоркий, как у птицы, взгляд, Цюй Цяоцзы) свидетельствует о его переходе к даосам; прозвание второго — Высокий Платан (Чан Уцзы) обычно для даосов: настолько познал природу, что стал ей подобен (см. также стр. 273).
25. Здесь речь идет о Конфуции.
26. Данный фрагмент <в более пространным варианте см. стр. 284. В нем> — попытка поставить проблему всеобщей зависимости явлений объективного мира. Поскольку причина движения тени солнечных часов была известна, причудливые объяснения ее (зависимость от «чешуи змеи...»), вызывались, видимо, полемическими целями.
27. Данный фрагмент без заключительной фразы используется для доказательства «мистицизма» Чжуанцзы, <см. Предисловие, стр. 20-21, прим. 79>.

ГЛАВА 3

1. Признание возможности познания объективной истины, которое не позволяет относить Чжуанцзы к релятивистам, как это делают некоторые ученые <(см. также стр. 269-270, 274, Предисловие, стр. 26, прим. 100)>.
2. Прекрасномилостивый (Вэньхой) — комментаторы отождествляют его с царем Милостивым (Хойваном), который правил в Лян с 370 по 335 г. до н.э.
3. Сведений о содержании упоминаемых произведений, не вошедших в «Книгу песен», не сохранилось.
4. Здесь представлена попытка Чжуанцзы объяснить процесс познания как переход от чувственных наблюдений к рациональному обобщению <(ср. «Лецзы», стр. 94-95, гл. 5, прим. 60; Предисловие, стр. 26, прим. 99)>.
5. Средство для достижения долголетия, по признанию царя, — познание законов объективного мира (здесь — анатомии) и умение ими пользоваться для покорения природы, других существ, а также самого себя. Герой

притчи — повар, простой человек, умелец.

6. Правый Наставник (Ю Ши), Гунвэнь Высокая Колесница (Сянь) — персонажи с прозвищем, образованным от ранга или присвоенных ему регалий.

7. В древнем Китае преступника, которому отрубили ногу, обращали в раба. Говоря о «внешнем виде», одноногий, по мнению комментаторов, указывает на целостность духовную (собственное достоинство), которой свободный, даже калека, отличался от порабощенного.

8. Во фрагменте опровергается известная легенда о том, что Лаоцзы ушел на запад и больше не возвратился.

9. Цинь Свободный от Суэты (И) — прозвание и взгляды героя указывают на его принадлежность к даосам.

10. Инвектива против Конфуция и конфуцианцев, <см. также стр. 148, 158, 310>.

ГЛАВА 4

1. Гуань Встреченный Драконом (Лунфын) — (миф.) советник Разрывающего на Части.

2. Ветви Терновника (Цунчжи), Владеющие домами (Юху) — названия племен, завоеванных китайцами.

3. Скоромными в Китае считаются пряности: лук, чеснок, порей, рута, полевой тмин (Палладий Кафаров и П.С. Попов, Китайско-русский словарь, т. II, Пекин, 1888, стр. 149).

4. Полемический прием: положения даосов вкладываются в уста их противника — Конфуция <(ср. «Лецзы», стр. 75)>.

5. Опирающийся о Стол (Цзи Цюй) — по комментарию, правитель, предшественник Готовящего Жертвенное Мясо.

6. Царский сын Высокий (Гунцзы Гао, или Шэ Чжулян) — этот персонаж встречается и в «Изречениях», где выступает с вопросом другого характера (ср. «Изречения», гл. 7, I, 145).

7. Свидетельство об отсутствии принципа неприкосновенности послов, что отличает международные обычаи, вырабатывавшиеся в древнем Китае, от древнейших представлений о «праве гостеприимства» в Греции и Риме — будущего дипломатического иммунитета (см. «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 32, 61).

8. По толковому словарю — это речи «древних царей», представленные в «Книге песен», «Книге преданий» и других конфуцианских сводах (см. «Цы хай», т. I, разд. сы, стр. 48), с которыми, однако, расходятся цитируемые здесь наставления. Это был, видимо, устный свод. От него, как сообщает комментарий, заимствовал название своего труда Ян Сюн (I в. до н.э. — I в. н.э.). Фрагмент свидетельствует о том, что послы отправлялись не с грамотами, а с речами (ср. Д.С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М., 1952, стр. 97-98), а также объясняет причины расхождений в записях одной и той же речи в различных царствах (см. Л.Д. Позднеева, Ораторское искусство и памятники древнего Китая, «Вестник древней истории», 1959, № 3, стр. 25-26).

9. Янь Врата Бытия (Хэ) — уроженец царства ЛУ, <о нем см. также стр. 231, 287, 311>.

10. Чудотворный (Лингун) — царь Вэй, правил с 534 по 493 г. до н.э.

11. Цюй Боюй — уроженец царства Вэй (о нем см. также стр. 274; «Изречения», гл. 14, 15, I, 319, 335).

12. <Ср. «Лецзы», 57-58.> Рассказы об укрощении тигра, об уходе за конем — иллюстрации к диалогу о воспитании наследника, кроме его обличения, подчеркивают и принадлежность человека к животному миру, который необходимо изучать, чтобы подчинить человеку.

13. Притча о Плотнике и Дубе и следующие за ней фрагменты посвящены проблеме относительности субъективного понимания полезного (см. также стр. 232-233). Заключает раздел атеистический вывод: вредное для богов оказывается полезным для человека.

14. Здесь относительность полезного и бесполезного связана с особым героем, человеком с физическими

недостатками; <о значении этого образа см. Предисловие, стр. 30-31, прим. 105-107>.

15. Вариант см. «Изречения», гл. 18, I, 390, где «Песня безумца» дается в сокращенном виде. В «Книге песен» она отсутствует.

ГЛАВА 5

1. «Знак полноты свойств» (дэ) — этот термин в конфуцианской школе трактовался как «добродетель», в даосской — как «постоянные свойства» вещей, их атрибуты, качества (см. Ян Хин шун, стр. 634 и сл.).

2. Ван Кляча (Тай) — признание этого изувеченного героя более мудрым, чем сам Конфуций, — полемический прием даосов.

3. Точные сведения о Чан Цзи отсутствуют.

4. Характеристика, обозначающая учение Лаоцзы и даосской школы в целом. См. «Дао дэ цзин», §43.

5. Попытка определить единичное и всеобщее как ступени в познании: конкретно-чувственном, низшем и рациональном, высшем.

6. <Догадку о познании как «отражении» см. Предисловие, стр. 29, прим. 102, 103. «Уподобление природе» — свойствам материи — обусловило также появление у даосов, разумеется в зародыше, «теории отражения» (Ср. положения даосов с фрагментом Демокрита: «...Видение есть восприятие отражения видимых [тел]. Ибо отражение есть образ, появляющийся в зрачке, а равно во всех прочих прозрачных [телах], которые обладают свойством сохранять в себе отражение...» (см. «Материалисты древней Греции», под ред. М.А. Дынина, М., 1956, стр. 88)). Уже у Лецзы встречается положение: «...покой подобен зеркалу» (Возможно, что речь идет о «водяном» зеркале, так как в иероглифах, обозначающих «зеркало» (цзянь, цзинь), слились два предмета: бронзовый сосуд с водой, в которой видели свое отражение, и бронзовое зеркало, служившее зажигательным прибором (см. Г.Г. Стратанович, Китайские бронзовые зеркала, — Восточно-азиатский этнографический сборник, II, М., 1961, стр. 68)), которое дополняется у Чжуанцзы: «Люди смотрят на [свое] отражение не в текучей воде, а в стоячей...»; и еще: «Настоящий человек пользуется своим сердцем [разумом], словно зеркалом» (83, 157, 172). Этот тезис дается и в развернутом виде: «...[когда] вода в покое, [в ней] виден [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода ясна, то тем более [ясен] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей» (197). Покой, необходимый для познания объективных явлений мира, таким образом, отождествляется с зеркальной поверхностью воды. Подражание покою зеркальных вод вызвало и особый символ высшей мудрости — гиперболизацию состояния покоя. Поэтому «настоящий человек» уже своей характеристикой («телом подобен засохшей ветке, сердцем — угасшему пеплу», 256, вар. 86, 139, 265) как бы абстрагировался от всего человеческого.>

7. Чэн Сюаньин видит здесь классификацию: растений, у которых голова внизу; животных, у которых голова сбоку; человека, у которого голова наверху.

8. Наставник Счастливый (Шэньту Цзя) — сторонник даосизма родом из Чжэн. Этот искалеченный герой выходит победителем в споре с Цзычанем (полемический прием).

9. Охотник (И) — (миф.) легендарный стрелок, см. гл. 2, прим. 21.

10. Беспалый (Учжи) — герой, изуродованный физически, ставится выше Конфуция и по уму и по моральному облику (полемический прием).

11. Царь Айгун — правил в Лу с 495 по 467 г. до н.э.

12. Жалкий Горбун (Айтай) То — герой, который, вопреки своему уродству, оказывается настоящим человеком.

13. Единственный — местоимение, обозначающее царя.

14. Миньцзы (Минь Цзыцзянь) — ученик Конфуция (см. также «Изречения» гл. 11, I, 238).

15. Ум, доказывают эти герои и Чжуанцзы, важнее внешности и способен заставить забыть об уродстве.

ГЛАВА 6

1. «Учитель — это тот, кому подражают... учителем здесь считается дао» — этот комментарий Го Сяна (умер в 312 г.) подтверждается текстом дважды (см. стр. 168, 197). В ряде фрагментов в главе представлена попытка сформулировать дао как природу, материю в ее противоречии с человеческим субъективным, т.е. как объективную действительность, и утвердить ее познаваемость.

2. «Настоящий человек» — чжэнь жэнь, термин, возникший для обозначения: даосского философа; приобрел позже значение «святой», «бессмертный».

3. Ху Буцзе — по комментарию Чэн Сюаньина не принял трона, предложенного ему Высочайшим, бросился в реку и утонул.

4. Омраченный Свет (У Гуан, или Моу Гуан) — отказался от трона, предложенного ему Испытующим, и, обняв камень, утопился в реке Лу <(см. стр. 291-292)>.

5. Помнящий о Других (Цзи То) — скрылся вместе со своими учениками из опасения, что после отказа Омраченного Света, Испытующий предложит ему престол <(см. стр. 282)>.

6. Наставник Олень (Шэньту Ди) — утопился от горя, думая, что Цзи То погиб <(см. стр. 282)>.

7. Жизнь и смерть рассматриваются Чжуанцзы как звенья одного и того же процесса — движения «огромной массы» (материи). Ср. с образом «огромный плавильный котел» <(стр. 166)>.

8. В этом изречении Чжуанцзы сближается с утверждением Анаксимена (VI в. до н.э.) о том, что сами боги возникли из материального первоначала — воздуха (см. «История философии», т. I, стр. 78).

9. «[Человек] из рода Кабаней Шкуры (Сивэй или Чжувэй)» — комментаторы, как обычно, называют его древним царем, предком, но, судя по значению слов, это название племени, уничтоженного, согласно традиции, в 1879 г. до н.э.

10. Ковш, Связующий Звезды (Вэйдоу) — Большая Медведица. Древние китайские астрономы считали, что от нее зависят все звезды.

11. Каньпэй — по Чэн Сюаньину, получеловек, полуживотное, который обрел дао и стал божеством.

12. Фын И — человек, который овладел силами жара и холода и стал богом реки Хуанхэ.

13. Вечно Недовольный (Чжуаньсюй) — комментатор называет его предком из рода Высокого Солнца (Гао Ян), который стал богом Севера. Дворец у него Черный — цвета Севера (см. «Лецзы», гл. 5, прим. 6).

14. Пять царей (У бо)-или пять гегемонов (У ба). Ни один из приводимых комментаторами вариантов «пятерки» не приводит к возрасту Пэн Цзу — восьмистам годам.

15. Фу Юэ (миф.) стал помощником иньского царя Удина, согласно традиции, в 1322 г. до н.э.

16. Подсолнечник из Южного Предместья (Наньбо Цыкуй) — комментаторы отождествляют его с Владеющим Своими Чувствами из Южного Предместья (Наньбо Цыци), см. гл. 2, прим. 1.

17. Женщина Одинокая (Нюй Юй), — судя по ее речи, она знаток даосского учения.

18. Бу Опора Балки (Лянъи)-о нем ничего не известно.

19. Так Чжуанцзы формулирует противоречие и единство покоя и движения, в результате которых и возникают вещи.

20. Первое в этой традиции имя-прозвище (см. также <стр. 203,> гл. 14, прим. 2) подтверждает предположение о том, что даосское учение происходит от оракулов (см. Чжан Сюэчэн, Вэнь ши тун и. Историко-филологическое

толкование, Пекин, 1956, стр. 17). Именно из среды гадателей, повседневно наблюдавших за явлениями природы, могли появиться люди, пытавшиеся перейти к первым научным, философским выводам из изучения объективной действительности. Остальные имена-прозвища представляются обозначением каких-то звеньев познания, на что указывает и комментарий. Но несмотря на то что ко второму имени — внуку Повторяющего, дан комментарий Чэн Сюаньина: «Древние предания сначала передавались устно, а затем были записаны на бамбуке и шелке»; несмотря на то что передача представлена в тексте устной (всюду глагол «слушать» — вэнь), синологи трактуют Фумо как «написанное» и дают неверный перевод, например, «I got it from books» (Herbert A. Giles, p. 80); «I learned it from writing» (Yu-lan Fung, p. 120).

21. Носильщик (Цзыюй) — часть данного фрагмента с заменой Цзыюя на Цзыци (см. «Хуайнаньцзы», цз. 7, VII, 106-107).

22. Пахарь (Цзыли) — собеседники здесь люди простые, один из них калека, но все они показаны настоящими мыслителями <(ср. с диалогами на стр. 166-167, 169)>.

23. Еще один образ, иллюстрирующий единство процесса жизни и смерти.

24. Это, как и следующие предположения, своей нарочитой нелепостью подчеркивают мысль Чжуанцзы о стихийности процесса создания вещей. Они направлены против конфуцианского учения о «воле Небес», а также лишают оснований сближение древнего даосизма с буддизмом, с его догматом о переселении душ как воздаянии за жизнь предшествующую.

25. Этот образ творящей природы вместе с другими — «литейщик» металла, «огромная масса» (см. также стр. 163), которая снабжает телом, со всей полнотой выражает материалистическое миропонимание Чжуанцзы, а поэтому лишает оснований идеалистическую трактовку памятника и перевод «создание вещей», или «то, что творит вещи» (цзао у, цзао у чжэ) как Бог. Создатель — «che creator» (J. Legge, vol. XXXIX, I, pp. 247-250; «God» H. Giles, pp. 80-82); «Der Schopfer» (R. Wilhelm, Dschuang Dsi, p. 50-51); «The Maker of things» (Yulan Fung, pp. 121-122). Следует отметить появление критики на перевод Тао как «God» в рецензии D. Leslie на книгу James R. Ware «The Sayings of Chuan Chou» (New York 1963. — см. «The journal of the American Oriental Society» 1964, vol. 84, № 1, p. 62).

26. Учитель с Тутового Двора (Цзы Санху), Мэн Цзыфань, Цзы Циньчжан — имя первого (см. также стр. 169, 236) говорит о том, что он принадлежит к беднейшим слоям населения, к которым относились дворы, выращивавшие туты; имена двух остальных расшифровать не удалось. Следует присоединиться к Дж. Легге, который критикует попытку отождествить этих трех героев-даосов с Цзы Санбоцзы, Мэн Чжифанем и Лао, встречающимися в «Изречениях» (гл. 6, 9). См. J. Legge, vol. XXXIX, p. 250. № 1.

27. Комментарии перечисляют такие элементы, как земля, ветер (воздух?), вода, огонь или вода, огонь, металл, дерево. Почему здесь пропущены металл или земля и представлены четыре элемента вместо пяти по «Ян Чжу» (см. гл. 7, <стр. 115,> прим. 24), не ясно

28. Ср. гл. 3, стр. 148, прим. 10. Признание Конфуцием несостоятельности своего учения, осуждения его Небом — полемический прием Чжуанцзы.

29. По даосской концепции «благородный муж (царь)... человек ничтожный».

30. Мэнсунь Талантливый (Цай) — фамилия Мэнсунь принадлежала одному из трех самых знатных родов в Лу (см. «Изречения», комм. к гл. 3, I, 43).

31. Образно: конфуцианское учение закрывает путь к познанию истины так же, как наказание отрезает путь к свободе, а слепота — к восприятию внешнего мира.

32. Пренебрегшая Украшениями (У Чжуан), Схвативший Балку (Цзюй Лян) — эти герои, как и Сын Ласточки (Иэрцзы), больше нигде не встречаются.

33. «О мой учитель!» — см. гл. 6, прим. 1. Вариант этой речи в устах самого Чжуанцзы, см. стр. 197.

34. Всеохватывающий (датун) — одно из определений дао.

35. Учитель с Тутового Двора (Цзы Сан) — идентичен Цзы Санху, см. гл. — 6, прим. 26.

36. Здесь, видимо, представлена социологическая догадка о равенстве всех «вещей».

37. Понимание судьбы здесь у Чжуанцзы ср. <стр. 59, 103, 230,> гл. 6, прим. 2.

ГЛАВА 7

1. См. диалог тех же героев (стр. 144-145), в котором четырежды повторяется: «Как я могу это знать?».

2. Из рода Владеющих Тигром (Ю Юй) — род Ограждающего (Шуня).

3. Из рода Великих (Тай) — комментарий отождествляет его с родом Готовящего Жертвенное Мясо (Фуси), но его характеристика («спал спокойно, пробуждался довольный») относится ко всем людям во времена другого мифического героя — Священного Земледельца <(см. 296)>, где более развернуто представлена та же даосская утопия.

4. Речь идет о различиях между субъективным и объективным, искусственным и естественным.

5. Начало Полудня (Жичжун Ши) — персонаж, по-видимому, аллегорический, хотя по комментарию он — учитель Цзянь У.

6. Образное отрицание возможности преобразования мира с помощью конфуцианских «правил и обрядов».

7. Корень Неба (Тянь Гэн) — название звезды, которое Чжуанцзы делает именем своего героя для отрицания воли Неба, предопределяющей все, что совершается на земле: Корень Неба сам не знает, что делать с Поднебесной. Другой герой — Безымянный, по-видимому, олицетворяет саму материю (дао) и ее законы. Названия горы Темнокрасной (Янь) и реки Заросшей Осокой (Ляо) на карте отсутствуют.

8. То же начало см. ответ Лаоцзы Конфуцию (стр. 196 <191>).

9. В этой поговорке выражен антиконфуцианский тезис <(см. Предисловие, прим. 105, 106)>.

10. Даосская концепция государя, являющаяся, по существу его отрицанием.

11. Эта притча иллюстрирует одно из основных даосских положений: действия, в которых исходят из человеческого (субъективного) взгляда на природу, нарушают естественный закон вещей и приводят их к гибели.

ГЛАВА 8

1. Цзэнцзы (Цзэн Шэнь) — ученик Конфуция; Хронист (Ю) — заслуживший похвалу Конфуция (см. «Изречения», гл. I, 15, I, 5, 335). Отрицание положительных героев конфуцианской школы и ее тезисов о «милосердии», «справедливости» здесь достигается уподоблением их излишним «перепонкам», «зобу» и т.п.

2. Одно из немногих выступлений Чжуанцзы против Ян Чжу, <см. Предисловие, прим. 90>.

3. Так называемые династии Ся, Шан-Инь, Чжоу — традиционное обозначение времени от последних веков III тысячелетия до первых веков I тысячелетия до н.э.

4. Пример доказательства по аналогии: «обряды» и «музыка» используются конфуцианцами, чтобы калечить природу человека, как крюк, циркуль и прочий инструмент используется плотником для того, чтобы калечить природу вещей.

5. Подробнее о Разбойнике Чжи см. стр. 179-181, 328-334 <178-180, 293-298>.

6. Юйэр — тонким вкусом, способностью различать смешанную из различных рек воду сближается с легендарным поваром царя Ци — И Я, но относится ко времени мифического Желтого Предка (см. также «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 228).

ГЛАВА 9

1. В данном абзаце Чжуанцзы развивает даосскую утопию о «естественной свободе» людей на заре человеческого общества, противопоставляя ее конфуцианскому «золотому веку» совершенномудрых царей. <Ср. также с речью Разбойника (296), Ян Чжу (107-108) и Лецзы (64-65, 88).>

2. Обвиняя конфуцианцев в том, что они уродуют свободного человека, Чжуанцзы уподобляет усмирению людей укрощению коней и другим действиям, которые нарушают природные свойства «вещей».

3. Род Пламенных Помощников (Хэсюй) — это имя отождествляется с именем Предка Огня, хотя последнего идентифицируют со Священным Земледельцем, которого Чжуанцзы упоминает рядом с теми же Пламенными Помощниками (см. стр. 180). Другое же отождествление: Хэсюй — Хуасюй (хэ и хуа означают красный цвет), как и содержание фрагмента, позволяет заключить, что речь здесь идет о такой же утопии, которую изобразил Лецзы в Стране Всеобщего Процветания (52).

ГЛАВА 10

1. Ср. с утопией Лаоцзы: «Соседние государства смотрели бы друг на друга издали, слушали бы друг у друга кукареку петухов и лай собак...» («Дао дэ цзин», §80).

2. «Хранителями воров и разбойников» по Чжуанцзы оказываются конфуцианцы. Данный фрагмент см. «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 202.

3. Чан Хун — сановник при царе Чудотворном (Линване) в Чжоу с 571 по 545 г. до н.э. (см. также стр. 227; «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, стр. 223-224; «Ханьфэйцзы», цз. 1, V, 15).

4. (У) Цзысюй (У Юань) — советник в царстве У, покончивший с собой по приказу царя Фучая (495-473 г. до н.э.), тело его затем было брошено в реку.

5. Конфуцианцы и разбойники, по Чжуанцзы, обуславливают появление друг друга.

6. Поговорка сложилась после одного из съездов царей, когда виночерпий умышленно поднес чусскому царю-гегемону плохое вино из Лу вместо хорошего из Чжао, что привело к осаде столицы Чжао — Ханьдани.

7. Развивая тезисы Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», §3, 19), Чжуанцзы объявляет объектом наживы все, начиная от мер объема, веса и кончая царскими печатями, и, чтобы прекратить воровство и «тяжбы», требует «переломать меры и перебить безмены».

8. Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», §36).

9. Искусный Молот (Гун Чуй) — (миф.) умелец, изобретатель стрел при Ограждающем.

10. Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», §45).

11. Двенадцать следующих ниже имен комментарий называет «древними государями», так как позже, при систематизации мифов, часть их в какой-то мере вошла в пантеон (государь-предки). Из них Создатели Колесниц (Сяньюань) считаются идентичными с родом Желтого Предка; Вызывающих Пламя (Чжу Юн) иногда отождествляют с родом Нюйва; род Равнины Каштанов (Ли Лу) — видимо, чжоусцы, у которых каштан — тотемное дерево; Разводящие Вороных Лошадей — видимо, чусцы, в герб царства которых входила лошадь.

12. Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», §80).

13. Как видно из перечисленного выше, Чжуанцзы осуждал не знания вообще, а лишь те, за которые ратовали конфуцианцы, софисты и другие противники даосов.

ГЛАВА 11

1. Награды и наказания — тезисы так называемых законников (легистов, фацзя), которые опровергает Чжуанцзы.

2. Высоченный Боязливый (Цуй Цюй) — персонаж аллегорический.

3. «Стерлись волосы на икрах и пушок на голених» — это высказывание — пример полемики: характеристика героя мифа о поколении потопа Молодого Дракона становится для даосов традиционной насмешкой над «царскими помощниками», а для конфуцианцев — инвективой по адресу «еретиков». Фрагмент фиксирует высказывание Лаоцзы о напрасном труде правителей — Высочайшего и Ограждающего. Эта насмешка над идеалом конфуцианцев, а также моистов (Молодым Драконом) позже наиболее резко была высказана Ян Чжу (см. <Предисловие, стр. 23-24, прим. 92,> «Лецзы», <112-113,> гл. 7, прим. 16).
4. Иную версию, в которой расправу над [людьми] С Лошадью на Шишаке, над Ведающим Разливами (Гунгуном) и Тремя Мяо вершит не Высочайший, а Ограждающий, см. «Канон Шуня» в «Книге преданий» («Шу цзин», ч. II).
5. Наиболее сильная у даосов инвектива против конфуцианцев и моистов: они объявляются не только помощниками царей, но и прямыми пособниками палачей.
6. Всеобъемлющий Совершенный (Гуан Чэнцзы) — герой, в котором, по-видимому, персонифицировано учение о материи или даже сама материя — дао. Позже вместе с Лаоцзы и Стражем Границы был введен в пантеон даосской религии.
7. Полководец Облаков (Юнь цзян), Безначальный Хаос (Хунмэн) — относятся к тем героям Чжуанцзы, в которых олицетворяются явления природы.
8. Здесь утверждаются необходимость конфуцианских моральных норм и; коренное отличие человека как слуги Небес от всего остального мира, т.е. положения, противоречащие взглядам Чжуанцзы. Это отмечали комментаторы для всего фрагмента, хотя он был уже в списке Го Сяна.

ГЛАВА 12

1. Здесь выражена даосская концепция «недеяния» для правителя: отказ от нарушения естественного процесса развития, действия лишь в соответствии с этим процессом (ср. «Дао дэ цзин», §57).
2. Комментаторы считают, что это записи речей Лаоцзы.
3. Благородный (цзюньцзы) — этому идеалу конфуцианской школы — аристократу, здесь даются характеристики, свойственные идеалам даосской школы («чуждается благородства и богатства...»).
4. Аллегорическое обозначение дао. (Эту притчу ср. «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 318).
5. Знание (Чжи), Спорщик (Чигоу), Подобный Небытию (Сян Ван) — герои, в которых олицетворяется процесс познания. Смысл последнего: чтобы познать, материю, следует ей уподобиться.
6. Равный Небу — титул вана, ритуального главы Поднебесной.
7. «Лицом к северу» — место, занимаемое царским советником, так же как место царя — «лицом к югу».
8. Царство Цветущее (Хуа) — возможно, намек на страну-утопию Лецзы (см. стр. 52), поскольку иероглиф (хуа) совпадает.
9. Высокосовершенный (Бочэн Цзыгао) — у Чжуанцзы, как и у Ян Чжу, противопоставляется Молодому Дракону (см. стр. 112-113).
10. Введение наказаний (средства порабощения одноплеменных) как причина бедствий народа, — одна из социологических догадок даосов.
11. Некоторые положения Чжуанцзы в данном фрагменте основываются на космогонии Лецзы <(стр. 44)>.
12. Один из фрагментов, в которых Конфуций выступает как ученик Лаоцзы <(см. также стр. 207, 208, 209-210, 241-242)>.
13. Цзянлюй Уговаривающий (Мянь), Цзи Уразумевший (Чэ) — герои с аллегорическими прозвищами.
14. Развитие даосской концепции правителя, который остается неизвестным; (ср. «Дао дэ цзин», §3, 37, 66).

15. Открытое выступление Конфуция против даосизма, названного «учением рода Хаоса» (Хуньдунь), видимо за космогонию Лецзы. Добавление к хаосу слова «род» (ши) показывает возможность последующего обожествления категорий этой материалистической космогонии.

16. Изначальный Туман (Чжун Ман), Легкий Ветерок (Юань Фын) — аллегорические персонажи, в которых явления местные (Ветерок) противопоставляются космическим (Изначальному Туману).

17. «Народ с глазами впереди» — род человеческий в противоположность зверям и птицам, у которых глаза расположены по сторонам головы (см. гл. 5., прим. 7).

18. Ср. с Лецзы, который «оседлал ветер» (53-54, 136, 137). Образы, с помощью которых передается абстрагирование от конкретно-чувственных знаний' для рационального познания вселенной, дают возможность и мистического толкования этого процесса.

19. Мын Отрицающий Душу (Угуй), Чичжан Полный Размышлений (Маньцзи) — персонажи аллегорические.

20. Речь идет, видимо, о битве, во время которой Воинственный, чжоусский царь, сверг так называемую династию Шан-Инь (XII в. до н.э.).

21. Тезисы, направленные против Конфуция (ср. Ян Чжу, стр. 115), который искал «следы» деяний древних царей, собирая о них предания (см. стр. 206-207, 209-210) как образец для потомков.

22. «Ломаем тополь», «Яркие цветы» — народные песни, в «Книге песен» отсутствуют.

23. Знаки отличия придворных, которые даосы приравнивают к клеткам и узам (антиконфуцианский тезис).

ГЛАВА 13

1. В уподоблении познающего в покое — зеркальной поверхности воды, возможно, проявилось дальнейшее развитие взгляда на познание природы как ее; отражение.

2. Своеобразное отшельничество даосов, которое означало отнюдь не аскетизм, а отказ от службы, официальной жизни для углубленного изучения природы и ее законов.

3. Это и ряд других положений фрагмента см. также стр. 211-222.

4. Один из тезисов даосской утопии <(ср. «Лецзы», 88)>.

5. Из трех армий состояло войско крупного царства; пять родов оружия — лук и четыре вида копий.

6. Здесь ведется полемика со школой логиков-софистов (минцзя), положения которых разделялись и конфуцианцами (см. тезис «исправления имен» в «Изречениях», гл. 12, I, 271).

7. «Книги» — здесь, возможно, предания. Сыма добавляет: «написанные им (т.е. Конфуцием) книги»; Яо Най находит в этом позднейшую вставку: «Это речь ханьца (не ранее II в. до н.э. — Л.П.). Считали, будто мудрец предвидел сожжение книг при Цинях (213 г. до н.э. — Л.П.), поэтому, как говорится, и „спрятал их в знаменитой горе“». Обычай прятать записи в стенах домов, в могилах, по данным раскопок, был, видимо, столь же распространенным, как и уничтожение записей задолго до Циней. См. «Мэнцзы», гл. 5 (2), I, 339.

8. «Основа» стала обозначать «книгу» значительно позже (со II в. до н.э.), но забывшие об этом комментаторы стремились подогнать известные им памятники конфуцианского канона под число «двенадцать», например: «шесть основ — это песни, предания, обряды, музыка, гадания, хроника, добавить к ним шесть „утков“ (см. стр. 209, 315), составят вместе двенадцать основ»; или «гадания в двух частях, к ним десять крыльев» (см. Ю.К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», стр. 6); или «правление двенадцати царей» в хронике.

9. Муж (Ши) Филигранщик (Чэнци) — несмотря на комментарий, гласящий, что Ши — фамилия, а Чэнци — имя, мы переводим имя как прозвище, определяющее основную черту характера героя.

10. По Чэн Сюаньину, так здесь назван Лаоцзы, у которого якобы учился Чжуанцзы.

11. В этом и следующем фрагменте говорится, что записи уже существовали, но выражается недоверие к ним, ибо они еще меньше, чем речи, были способны: выразить мысли — отразить многообразие объективного мира во всей его полноте и сложности.

12. Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», §56).

13. Еще одна формулировка даосской теории познания — от чувственного к рациональному (овладение мастерством колесника); <ср. стр. 94-95, 147>.

14. «Секрет» обозначался тем же словом, что и «учение», «мастерство» (шу), видимо, оттого, что не каждый мог его воспринять и не каждому следовало его открывать. Этот обычай продолжал жить в средние века как тайна цехового ремесла. Им же, возможно, объясняется и утрата записей, которые представляли монополию школы (позже — цеха), «секрет» мастерства.

ГЛАВА 14

1. В самой постановке вопросов здесь содержится попытка обосновать причинность всеобщего движения: «кто-то» как причина отрицается повторением иронического «от безделья»; взаимозависимость явлений намечается в сопоставлении облаков и дождя.

2. Колдун Всех Призывающий (У Сяньчао) — комментаторы пытаются отнести этого героя к историческим, называя его «министром династии Инь» (II тыс. до н.э.), хотя и указывают на несоответствие в имени.

3. Миф о начале письменности — чудесном явлении черепахи с письменами — относится ко времени Молодого Дракона.

4. Выступление Чжуанцзы против конфуцианского понимания милосердия, отцовской и сыновней любви.

5. Ин — столица царства Чу.

6. Совершенный от Северных Ворот (Бэймынь Чэн) — встречается лишь в данном фрагменте.

7. «Восход Солнца» (Сяньчи) — жертвенный гимн, созданный согласно легенде Желтым Предком; слова его не сохранились. Перевод здесь основывается на связи гимна с весенней жертвенной обрядностью и с озером (миф.), над которым восходило солнце (см. также <стр. 316,> гл. 33, прим. 2).

8. Текст до сих пор начиная со слов «Ведь настоящая» комментаторы считают вставкой, сделанной Го Сяном.

9. В древнем Китае весна считалась временем для гражданских дел, а осень — для военных (включая охоту).

10. См. «Лецзы», гл. 5, прим. 44.

11. Атеистическое понимание воздействия музыки здесь противопоставляется религиозному, конфуцианскому, по которому музыка служит в первую очередь «для призыва богов и душ предков» («Обряды Чжоу», Чжоули, с комм. Чжэн Сюаня, Шанхай, 1937, цз. 6, стр. 145).

12. Род Владеющих Огнем (Ю Бяо) — иероглиф бяо, состоящий из трех знаков «огня», комментаторы по традиции приравнивают к иероглифу янь, состоящему из двух знаков «огня», идентифицируя его с родом Яньши — Владеющих Огнем, хотя это, видимо, другой род.

13. Данный гимн в «Книгу песен» не вошел.

14. Наставник Золотой (Ши Цзинь) — по-видимому, музыкант, встречается лишь в данном фрагменте.

15. Ср. «Дао дэ цзин», §5; чучело собаки, в которое стреляли, отгоняя нечистую силу, а также при принесении жертв Небу и молении о дожде (см. П. Кафаров и П.С. Попов, Китайско-русский словарь, г. I, стр. 101).

16. В этом и других образах Чжуанцзы насмехается над Конфуцием, отрицавшим развитие и пытавшимся много веков спустя заставить людей жить по дедовским обрядам и устоям («древних царей»).

17. Насмешка над обожествлявшимися конфуцианцами «мудрым советником» — Чжоугуном.
18. В отрицании богатства у Лаоцзы здесь можно увидеть и минимум собственности, который давал человеку независимость в ту эпоху.
19. В учении Конфуция Лаоцзы видит причину таких же бедствий для людей, как для рыб, очутившихся на мели.
20. После этой встречи Конфуций отзывается о Лаоцзы с преувеличенной похвалой <(см. также стр. 241-242)>, но сомневается в том, что сумеет ему подражать.
21. Царь Прекрасный (Вэнь ван) — отец Воинственного, основателя чжоуского царства. Прекрасный обожествлялся конфуцианской традицией (см. «Лецзы» гл. 1, прим. 58, гл. 3, прим. 12).
22. Сяньгуй — знаки, с современными не отождествляются. Комментаторы сообщают, что сяньгуй — какое-то животное, сведения о котором отсутствуют.
23. Лэй — животное, с современным знаком не отождествляется.
24. Это представление о размножении ос в науке древнего Китая возникло из знакомства со способностью осы заготавливать запасы пищи, парализуя других насекомых укусом жала (см. Лу Синь, Болтовня в конце весны, — Лу Синь, Сочинения, т. 1, Пекин, 1956, стр. 304-305). Упомянув осу, Конфуций проговорился о своем намерении использовать учение Лаоцзы в собственных целях.
25. В такой иносказательной форме объявил Конфуций войну своему учителю Лаоцзы: ученик, как «младший брат», готов вытеснить «старшего». Свидетельство о вероломстве Конфуция сохранилось именно в этой фразе, начиная с Чжуанцзы и до учителя Лу Синя — одного из «отцов» революции 1911 г. Чжаи Тайяня и самого Лу Синя. Этот эпизод встречи основателей антагонистических школ — конфуцианского идеализма и даосского материализма — весьма убедительно объяснил Чжан Тайянь. Все поездки к Лаоцзы были лишь «хитростью» Конфуция. В его речи скрывался намек: «Я завладею твоей славой, а [ты] ничего не сумеешь поделать». Засилье Конфуция и его учеников («стоило сказать слово утром, чтобы к вечеру слетела голова») заставило Лаоцзы уйти на запад, где не было конфуцианцев. «Появись его книга раньше, Лаоцзы не избежал бы казни», — эту мысль Чжан Тайянь подкреплял фактом расправы Конфуция с другим своим соперником — Шао Чжэнмао (см. Лу Синь, Сочинения, т. 2, Пекин, стр. 475-476). Именно такую вольнодумную традицию отразил в своей сказке «За пограничную заставу» Лу Синь (см. Лу Синь, Сатирические сказки, М., 1964).

ГЛАВА 15

1. В данном фрагменте отразилось многообразие философских школ и различие оттенков внутри этих школ <(см. подробнее стр. 314-321)>.
2. Даосский тезис, направленный против порока, приобретает большое значение в средние века в медицине <(ср. также стр. 184, 260)>.
3. Гань комментаторы отождествляют с У, ибо два приморских царства — У и Юэ — славились качеством своих мечей. Здесь — одно из свидетельств о даосах, как о противниках войны <(см. также стр. 261-262, 272-273, 302-304)>.

ГЛАВА 16

1. Под характером (син) Чжуанцзы понимает свойства каждого существа от природы. Говоря об «исправляющих», Чжуанцзы отвергает представления конфуцианцев и о врожденном добре (зафиксированном у Конфуция и Мэнцзы), и о врожденном зле (зафиксированном у «Сюньцзы»), а также об исправлении характера с помощью конфуцианского обучения.
2. Добывающий Огонь Трением (Суйжэнь) — позже Зажигающий Огонь Зеркалом. Этот мифический герой, возможно, имеет какое-то отношение к родам, также связанным с огнем <(см. стр. 177, 180, 205)>.
3. Род Гончаров (Тан) — перевод основывается на полном наименовании рода Высочайшего (Тао Тан ши),

которое здесь опущено, так же как рода Ограждающего (Юй вместо Ю Юй ши).

4. Иероглиф вэнь («внешняя красота») начал применяться для обозначения «литературы», «изящной словесности», видимо, только со средних веков.

5. Подразумевается конфуцианское, подробнее см. <стр. 219,> гл. 17, прим. 12.

6. Регалии, которые жаловались сановникам.

ГЛАВА 17

1. Дядя Реки (Хэ бо) — бог реки Хуанхэ. О человеке, который им якобы стал, см. гл. 6, прим. 12.

2. Жо — по комментарию, имя бога океана, в тексте же о боге ничего нет; Жо здесь — имя Северного Океана (Бэй Хай Жо), тогда как ранее выступал владыка того же океана с именем Внезапный (Ху) <(см. стр. 173)>.

3. Выражение, которое вошло в поговорку (см. притчу на стр. 219). В этом диалоге относительность познания соединяется с относительностью пространства, а также отчасти с макро- и микрокосмом <(ср. стр. 84-86)>.

4. Человек, по Чжуанцзы, величина бесконечно малая в беспредельном пространстве и времени.

5. Речь идет об отличии объективного времени, как ранее — пространства, постигаемого разумом, от чувственно воспринимаемого времени.

6. Речь идет о конкретном разнообразии и развитии чувственно воспринимаемых вещей.

7. Исходя из биологического понимания человека, Чжуанцзы отрицает деление людей на знать и простонародье (см. также <стр. 261,> «Лецзы», гл. 8, прим. 31).

8. Куай — царствовал в Янь с 320 до 312 г. до н.э. Подражая Высочайшему и Ограждающему, Куай уступил трон сыну своего советника и на третий год в царстве поднялась смута.

9. Это изречение Чжуанцзы наиболее близко к отмечавшейся В.И. Лениным знаменитой формуле Гераклита «...нельзя войти дважды в одну и ту же реку...» (В.И. Ленин, Философские тетради, — стр. 291).

10. Одноногий (Куй) — насекомое с одной ногой. Названные в начале фрагмента Глаз и Сердце в дискуссию не вступают. Они, возможно, отнесены к заключающему беседе «мудрому».

11. Об окружении Конфуция в местности Куан, но с другим содержанием, см. «Изречения» (гл. 9, 11, I, 176, 250). Комментарии говорят, что Куан находилось в царстве Вэй, поэтому название жителей — сунцы — здесь описка.

12. Учение о судьбе и времени — об эпохе, как причине удачи или неудачи того или иного деятеля, его учения, опровергается здесь с помощью эпизода из жизни Конфуция: его собственная оценка эпизода оказывается ложной.

13. Царевич Моу («Лецзы», 81-83, гл. 4, прим. 21) отстаивал учение Гунсунь. Луна, здесь же опровергает своего прежнего учителя, доказывая правоту Чжуанцзы.

14. Шоулин — город в царстве Янь.

15. Бушуй (Бухэ) — приток Хуанхэ.

16. Одна из формулировок отказа Чжуанцзы служить власти имущим <(см. также стр. 221, 313)>.

17. Хао — приток Хуайхэ.

18. В споре с Творящим Благо (Хойцзы) Чжуанцзы доказывает познаваемость объективной действительности.

ГЛАВА 18

1. Счастье (или наслаждение) — в недеянии, понимаемом как деятельность разума в познании природы.
2. Некоторые исследователи видят здесь цитату из «Дао дэ цзина» (§39) и считают неверной общепринятую фразу «чжи шу юй у юй» (см. J. Legge, vol. XI, p. 3).
3. Ту же характеристику, но отнесенную к дао см. «Дао дэ цзин», §37.
4. Комментарий Ли И дает значения этих имен: Чжили — как Забывший о теле, Хуацзе — как Забывший о разуме, упуская из виду, что сходные герой уже появлялись ранее (Урот Шу, стр. 155, Одноногий, стр. 148). Лишь имя последнего — Хуа — дает основание для нового значения — Неразумный.
5. Чэн Сюаньин говорит об опухолях у обоих героев, однако текст для этого не дает оснований — о своей опухоли говорит лишь один.
6. Эту притчу см. также стр. 232, «Го юй» («Речи царств») Шанхай, 1958, стр. 55-56.
7. Жертвенных животных — быка, барана и свинью.
8. См. «Лецзы», 45-46, гл. 1, прим. 30, 31, 32. J. Legge в своем примечании («In no Buddhist treatise is the transrotation of births more fully, and I must add, absurdly stated», J. Legge, vol. XL, p. 10, note 1) смешивает догадку наивных материалистов с переселением душ буддизма, т.е. утверждением бессмертия души.

ГЛАВА 19

1. Мо[се] и Гань[цзян] — пара легендарных мечей, носящих имена их создателей — оружейника (Гань Цзян) и его жены (Мо Се), вариант — один меч, <см. стр. 116>.
2. Одна из черт даосской утопии.
3. Чжоуский царь Величественный (Вэйгун) — по комментарию Цуя, — сын царя Хуаня, который правил в Чжоу с 719 по 697 г. до н.э. О Величественном, Тянь Кайчжи и жреце (Чжу) Шэне других известий не сохранилось.
4. Одинокый Барс (Шань Бао); Чжан Смелый (И) — рассказ о них ср. «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 325.
5. Жрец Сородич (Чжу Цзунжэнь) — персонаж аллегорический.
6. Хуанцзы Обвинитель Гордыни (Гаоао) — персонаж аллегорический.
7. Соломенный Башмак (Люй), Высокая Прическа (Цзи), Гром (Лэйтчи), Лягушка (Валун), Домовой (Иян), Водяной (Вансян), Разноцветная Собака (Шэнь), Одноногий (Куй), Двуглавый Змей (Фанхуан). Извивающийся Змей (Вэйшэ) — несмотря на явно иронический подбор названий духов и их жилищ (например, бога Грома — в мусорной куче во дворе) и льстящую царю разгадку виденного им духа, комментаторы тщательно описывают каждое из упоминаемых «божеств», хотя некоторые, возможно, перешли в их число от Чжуанцзы.
8. В этом фрагменте представлено развитие взгляда на искусство как на подражание природе: образ музыкального инструмента оказывается заложенным уже в дереве; обнаружить его и «приложить руки» — такова задача мастера.
9. Рассказ о колесничем, видимо, общее место. Здесь он отнесен к царю Достойнейшему (Чжуангуну), в «Сюньцзы» (цз. 20, II, 358-359) — к царю Дингуну; остальные герои здесь Янь Врата Бытия (Хэ) и Просо из Восточной Степи (Дунье Цзи); в «Сюньцзы»: Янь Юань и Би из того же рода — из Восточной Степи.
10. Сунь Изгой (Сю) — персонаж аллегорический.
11. Бянь Счастливый (Цинцзы) — сторонник даосской школы, которая раскрывается здесь еще одной своей стороной: стремлением привлечь отверженного.

ГЛАВА 20

1. Удалец с Юга от Рынка Обязанный к Черной работе (Шинань Иляо) — о нем см. также стр. 266, 273. Поступки и речи во всех источниках характеризуют его как даоса, а также как удалца (см. комментарий к «Хуайнаньцзы», цз. 9, VII, 129), «...мог противостоять пяти сотням человек» («Цзочжуань», 17-й год правления царя Айгуна — 479 г. до н.э.).
2. Здесь субъективные намерения царя (добрые) противопоставляются объективным условиям (злу) — его царству, за которым охотятся, как за красивой шкурой зверя.
3. Царство Утвердивших Свойства (Цзянь Дэ) — одно из аллегорических названий для даосской утопии.
4. Расточительный из Северного Дворца (Бэйгун Шэ) — его жизнь отнесена ко времени царя Чудотворного (534-493 гг. до н.э.).
5. Царский сын Завидующий Счастливицу (Ванцзы Цинцзи) — комментаторы, сомневаясь, чтобы сын чжоусского царя (вана) мог служить в другом царстве, отождествляют его с царским внуком Цзя (Вансунь Цзя).
6. Несущий Бремя Беспристрастия (Дагун Жэнь) — возможность перевода имени этого героя как аллегорического прозвища подтверждают комментаторы, говоря, что в то время не было сановника (дагун, или тайгун — название ранга) по имени Жэнь.
7. Забывчивая (Идай) — имя птицы аллегорическое.
8. Эту часть цитаты см. «Дао дэ цзин», §22 и 24. Человеком большого совершенства здесь, следовательно, называется Лаоцзы.
9. На болотах жили Лецзы и его ученики <(см. стр. 43, 80)>; о болотах как прибежище восставших рабов см. Ян Юн-го, <стр. 82>.
10. «Учитель С Тутового Двора (Цзы Санху)» — содержание его монолога позволяет согласиться с комментарием, отождествляющим это лицо с Учителем С Тутового Двора (см. <стр. 166,> гл. 6, прим. 26), хотя здесь иероглиф ху другой и означает птицу (*Eophona personate*).
11. «Цзя» ряд комментаторов считает названием царства, только Сыма Бяо говорит, что Вернувшийся из Леса (Линь Хой) был беглецом из царства Инь.
12. Песня эта неизвестна. Иероглиф рода бянь состоит из трех знаков «собака», но, несмотря на это, комментаторы отождествляют его с иероглифом, состоящим из трех знаков «огонь», т.е. родом Владеющих Огнем (см. гл. 14, прим. 12).
13. Возможно, что этот храм давал убежище, тогда «остаётся» (цунь) означает «пользоваться [правом убежища]».
14. Лань Це — ученик Чжуанцзы.
15. Комментаторы считают, что своим учителем Чжуанцзы называет Лаоцзы, но приведенные здесь слова в «Дао дэ цзине» отсутствуют.

ГЛАВА 21

1. Тянь Постоянный (Цзыфан), его другое имя Не Допускающий Выбора <(Уцэ, см. стр. 291)>, — наставник вэйского царя Прекрасного (Вэня), правившего с 424 по 387 г. до н.э. О нем см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 325-326.
2. Работающий у ручья (Цигун), Учитель Кроткий из Восточного Предместья; (Дунго Шуныцзы) — известное о них восходит к данному фрагменту.
3. Дядя (из рода) Мягких (по прозвищу) Белоснежный (Вэньбо Сюэцзы) — даос с юга (по комментарию из Чу), поскольку противопоставляет себя не только лусцам, но и всем жителям Срединных царств.

4. Здесь о конфуцианцах сказано иронически, позже понятия «циркуль» (гуй) и «наугольник» (цзюй) слились и стали метафорически обозначать «благопристойное поведение».

5. Это пример даосской диалектики, построенной на взаимодействии двух начал — Инь=холоду=тьме=луне и Янь=теплу=свету=солнцу, их взаимопопорождении. <См. Предисловие, стр. 9-10, прим. 18-22.>

6. Айгун правил в Лу с 495 по 467 г. до н.э. Считая, что Чжуанцзы жил на сотню с лишним лет позже, Чэн Сюаньин относит данный фрагмент к числу вымышленных, а Дж. Легге отрицает его подлинность (см. J. Legge, vol. XL, p. 49), Эти авторы не учитывают, что при устной передаче в произведениях ораторов, как и в народной песне, одно имя могло случайно и намеренно заменяться другим.

7. Своей одежде конфуцианцы придавали символическое значение: небо в древнем Китае считалось круглым, а земля — квадратной.

8. Раб из Сотни Ли (Боли — название места, Си — раб) — мудрый советник Мугуна, правившего в Цинь с 659 по 621 г. до н.э. По представленному здесь варианту Боли Си был «из презренных»; по другим вариантам он побывал в сановниках в царстве Юй, находившемся на территории современной провинции Шаньси, а после его поражения, был куплен за пять бараньих шкур [см. «Речи Цинь», — «Речи борющихся царств» («Чжань го цэ»), Шанхай, 1958, стр. 66].

9. Значение местности, в которой «скрывались» (Цан — тот же иероглиф означал и раба), подтверждает Сыма Бяо, говоря, что Царь Прекрасный «переодевался», т.е. посещал это место инкогнито. Попытки отождествить «удильщика» со стратегом царя Прекрасного — Тайгуном лишены оснований, ибо Тайгун стал родоначальником царей в Ци, а «удильщик» ушел в неизвестность.

10. [Царство] Фань — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэнань.

ГЛАВА 22

1. Недеяние — Увэй вэй; значение последнего вэй неясно. Недеяние — только Увэй, см. стр. 251. J. Legge (vol. XL, p. 57) переводит «Dumb Inaction» («Немое Недеяние»); R. Wilhelm («Dschuang Dsi», S. 161) — «schweigenden Nichtstun», видимо решив, что под «не действовать» подразумевается и «не говорить». Но «немое» лишнее и по тексту, ибо Недеяние не отвечает не оттого, что немое, а оттого, что «не знает». По Чэн Сюаньину (вэй чжи Увэй) его можно понять, как «называемое Недеянием» (см. наш перевод в речи Предка). В именах героев и названиях местностей — Недеяние, Возвышающийся Безумец, Темная (Изначальная) Вода, Конец Сомнений — также олицетворяется процесс познания, как и в Знании и других героях (см. стр. 189). Характеристика Безумца, как и Подобного Небытию (т.е. самой материи), позволяет говорить о философском понимании безумия как мудрости, и воплощении ее в образе такого юродивого, как чуский безумец Встречающий Колесницы.

2. См. «Дао дэ цзин», §2, 38, 48.

3. Атеистическая характеристика жизни и смерти, причем термин для последней «разложившееся» (чоуфу) употребляется тот же, что и у Ян Чжу (108).

4. Установление различий в развитии плода, как и в числе отверстий — девяти (глаза, уши, ноздри, рот, мочевого канал, анус) или восьми — говорит о начале биологической классификации у даосов <(см. также стр. 45, 46, 194)>.

5. Ср. «Дао дэ цзин», §81.

6. Вывод Лаоцзы ср. с оценкой человека с точки зрения вечности у Ян Чжу <(стр. 115)>.

7. «Жизнь... так же мимолетна, как... белый жеребенок» этот двойной смысл объясняется тем, что бай цзюй в мифе означал коня (коней?) в колеснице солнца <(см. стр. 262, 297)>.

8. Душа разумная (хунь), душа телесная (по) — первая, по даосской концепции, — от эфира неба, вторая — от эфира земли; после смерти первая, легкая, рассеивается в небе, вторая, тяжелая, соединяется с землей <(см. стр. 46)>.

9. Здесь ляо (по комментарию сюйцзи) представляет собой, видимо, попытку создания термина для отвлеченного мышления, абстракции.

10. По комментарию синоним «слов истины».

11. Закрывающий Курган (Янь Ган) — как и другие герои фрагмента — Нерешительный — Сладость Лотоса (Э Хэгань) и Старый Дракон Счастливый (Лао Лун Цзи), судя по прозваниям, — даосы.

12. Великая Чистота (Тайцин), Бесконечность (Уцюн), Недеяние (Увэй), Безначальный (Уши), как и герои следующего фрагмента, — Свет (Гуанъяо), Небытие (Ую), — представляют собой олицетворение категорий даосской космогонии.

13. Вселенная обозначается здесь сочетанием слов юй — «пространство», и чжоу — «время» <(см. также стр. 258)>.

14. Один из характерных для даосов героев — народных умельцев.

15. Жань Цю (Жань Ю) — ученик Конфуция, см. «Изречения» гл. 3, I, 46.

ГЛАВА 23

1. Гэнсан Чу — см. «Лецзы», гл. 4, прим. 4.

2. Прием инвективы, здесь — против конфуцианских героев (см. также стр. 267, <Предисловие, стр. 24, прим. 92>).

3. Карлик Прославленный на Юге (Наньюн Чу) — персонаж, по-видимому, аллегорический, выведен как ученик Гэнсан Чу.

4. В Юэ куры были мелкие, в Лу — крупные.

5. Ср. характеристики младенца здесь и в «Дао дэ цзине», §55.

6. «Сын природы» (тянь цзы) противопоставляется Сыну Неба как государю. Здесь проявляется различие в понимании слова тянь: в даосской школе оно в основном означало «природу», в идеалистической же, конфуцианской, — «Небо» как верховное божество.

7. Сравнение сил природы с разбойниками см. также «Инь Фу цзин» (в собрании «Хань Вэй цуншу», т. 13).

8. «Пространство... время...» — объясняемые здесь порознь юй, чжоу слитно обозначали «вселенную» (см. гл. 22, прим. 13).

9. Чжао... Цзин... Цзя [Цюй] — аристократические роды в царстве Чу. Комментаторы считают Цзя опиской, ибо по комментарию Ван И к «Чусским одам» третьим являлся род Цюй (Цюй Юаня).

10. Возможно, — термин для догадки даосов о законе сохранения вещества (ср. «Лецзы», гл. 1, прим. 58).

11. См. притчу, стр. 123-124 <135-136>.

12. «Скованные вместе...» (сюйми) — <см. также стр. 272.> Осужденные в рабство этой категории вместе с другой (тех, у кого отрубили ногу) объявляются здесь людьми наиболее совершенными, близкими к природе. Чэн Сюаньин приводит в доказательство и поговорку: «Бережет себя тот, кого ценят в тысячу золотом, раб же жизни своей не жалеет».

ГЛАВА 24

1. Сюй Отрицающий Душу (Угуй) — даос, который жил в уединении.

2. Нюй Шан — жрец, который ведал закланием жертвенного скота при Воинственном (Ухоу), царе в Вэй с 386

до 371 г. до н.э.

3. «Металлические планки в шести чехлах» («Лю тао») — по одним данным, не сохранившийся памятник военной мысли в шести главах, который приписывается Цзян Тайгуну; по другим, тайные гадания, пророчества.

4. Высокий Утес (Да Вэй) — олицетворение познания, путь к которому полон препятствий. Одно из них — гора Терновая Чаша (Цзюйцы).

5. «Семеро мудрецов» — в противоположность отроку-табунщику — вместе с Желтым Предком представлены иронически его спутники с разнообразными прозвищами: Едва Прозревший (Фанмин), Блестящий Сказочник (Чаньюй), Предполагающий (Чжан Жо), Друг Повторяющий (Сипын), Подобный Привратнику (Кунь Хунь), Смехотвор (Хуацзи).

6. Обращение «небесный наставник» («Тянь ши») было принято с I в. н.э. как титулование патриарха даосской религии.

7. В этом фрагменте дана оценка различных представителей общества (школ, сословий) с точки зрения их удаленности от даосского идеала (мужи, ораторы, надзиратели...) или приближения к нему (земледельцы, купцы, ремесленники).

8. Ян Чжу.

9. Бин — прозвание софиста Гунсунь Луна.

10. Лу Цзюй, судя по содержанию фрагмента, открыл явление резонанса.

11. В сожалении по поводу смерти Творящего Благо обнаруживается мнение Чжуанцзы о необходимости споров с достойным противником для развития собственного учения, умения его доказывать, иными словами о том, что в спорах рождается истина.

12. Красавец Без Сомнений (Янь Буи) — персонаж с аллегорическим прозвищем.

13. Дун Платан (У), — судя по прозвищу, сторонник даосизма.

14. Тянь Хэ, отождествляется с царем Ци (см. «Лецзы», гл. 6, прим. 6).

15. Вследствие отказа [Удальца] с Юга от Рынка принять участие в мятеже Бэйгун Шэна (см. «Лецзы», гл. 8, прим. 10).

16. Вследствие того что враги, заподозрив какую-то хитрость, прекратили наступление. Комментаторы считают фрагмент приписанным на том основании, что все три героя жили в различное время.

17. Владеющий Своими Чувствами (Цзыци). Комментаторы называют его конюшим (сыма) в Чу, хотя содержание монолога позволяет отождествить его с другим одноименным героем из Южного Предместья (см. гл. 2, прим. 1).

18. Пропавший без Вести во Вселенной (Цзюфан Янь) — известный физиономист, см. «Лецзы», гл. 8, прим. 20, «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 198.

19. Род отца, матери и жены.

20. По оригиналу трудно точно установить, где конец речи одного героя и начало речи другого.

21. Продажа свободных в рабство, видимо, воспрещалась, поэтому для продажи их калечили как осужденных.

22. Ввиду отсутствия известий о человеке с таким именем, мнения комментаторов расходятся: его считают богачем, инспектором улицы, богатым купцом или мясником.

23. Нежный Красавец, Предающийся Неге, Хватающий Согбенный (ср. Плут, Обидчивый и др. у Ян Чжу, стр. 104) — прозвища, указывающие на черту характера. Эти имена вместе с другими доказывают богатство образов

у даосов, а особенно у более позднего — Чжуанцзы.

24. Ср. «Мэнцзы», гл. 5(1), I, 380.

25. Отрочья земля — (метаф.) земля без растительности, будто отрок, еще не доросший до обряда надевания шапки — инициации.

26. См. притчу о рыбах на мели (стр. 159, 164, 218 <163, 167, 208>).

27. Воронья голова, цзегэн, куриная голова, чжулин — яд аконит, *platycodon grandiflorum*, *euryale ferox*, гриб-нарост на дереве.

28. [Вэнь] Чжун — искусный дипломат, который спас царство Юэ от поражения в 494 г. до н.э. и помог царю Гоуцзяню подготовиться к реваншу в 473 г. Но после победы над усцами Гоуцзянь решил казнить Вэнь Чжуна, и тот, переименовав имя, был вынужден скрыться.

29. Данный и следующий фрагменты содержат признание Чжуанцзы возможности познания объективной истины <(см. также стр. 274)>.

30. В данном фрагменте Чжуанцзы представляет познание как процесс бесконечного разрешения сомнений <(см. также стр. 274)>.

ГЛАВА 25

1. Подражающий Свету (Цзэян) — Пын Ян, по прозвищу Цзэян, персонаж близкий к даосскому учению.

2. [И] Преданный Долгу (Цзе) — истый придворный с конфуцианским прозвищем.

3. Ван Решительный (Го), Гун Ушедший от Смотров (Юэсю) — сторонники даосизма, осуждающие и придворных и самого царя Чу.

4. [Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде (Жань Сянши) — данный персонаж в позднем источнике («Лу ши», X-XII вв.) относится к деятелям эпохи сотворения мира; судя же по пословице — «что борода у черепахи, рога у зайца», черепашья борода служила предзнаменованием войны. Решить, каково отношение к этому персонажу — ироническое или положительное, не позволяет текст, записанный очень туманно.

5. Восходящий (Дэн) и Неуклонный (Хэн) — относя героев, как правило, к лицам историческим, некоторые видят в Дэн Хэне одного человека, тогда как Чэн Сюаньин и Го понимают, что два чина должны сопровождаться и двумя именами. Мы пытаемся решить вопрос, как обычно, расшифровывая прозвища.

6. Несущий Возвышенное (Дай Цзиньжэнь) — встречается лишь в данном фрагменте.

7. От этой притчи пошла поговорка — «битва на рожках улитки», как осуждение войн.

8. Для изображения относительности пространства далее применяется фольклорный прием ступенчатого сужения образов.

9. Цзылао (Цинь Чжан, Цыкай) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 9, I, 178).

10. Кипарисовый Наугольник (Бо Цзюй) — ученик Лаоцзы.

11. В этом плаче-инвективе причиной возрастающего числа тяжб и осужденных называется погоня за славой (властью) и богатством.

12. Почти о таком же отказе Конфуция от своего учения — дела всей жизни: см. стр. 314 <283>.

13. Великие хронисты: Большой Чехол (Да Тао), Дядя Всегда Ошибающийся (Бо Чанцян), Кабанья Шкура (Сивэй) — комментатор говорит лишь об именах хронистов, по-видимому, они — герои с аллегорическим прозвищем.

14. «Лин». Кроме посмертного титула — «Чудотворный» — это слово имеет ряд других значений и служит здесь для игры слов: у первого хрониста это просто одушевленный предмет, у второго — человек сообразительный, у третьего — покойник.

15. Малое знание (Шаочжи), Справедливый Приводящий к Согласию (Дагун Дяо) — имена аллегорические.

16. Селения (цю, ли) — здесь явно подразумевается лишь единица общежития вне зависимости от названия. Однако в комментариях с оговоркой, что в древности, как и теперь, повсюду были свои местные особенности, даются разнообразные объяснения, например, ли: четыре колодца (цзин) составляли один и, четыре и — одно цю; пять семей составляли соседей (линь), пятеро соседей — одно ли (или); в древности десять семей составляли цю, двадцать — ли.

17. Цзи Истинный (Чжэнь)... Продолжатель (Цзецзы) — комментатор сообщает, что оба они посещали Академию Цзися в царстве Ци, однако сведения об этом сохранились лишь в отношении Цзецзы (см. Сыма Цянь, Исторические записки, цз. 46, 74, I, стр. 640, 811-812).

ГЛАВА 26

1. В данном фрагменте рассматриваются необходимость и случайность, возможность и действительность.

2. Несущий Зло (Улай) — по комментарию, льстивый слуга Бесчеловечного.

3. Сяо Цзи — сын иньского царя. Преследуемый мачехой, он умер от горя.

4. Софора (хуай) — *Sophora japonica*. У древних китайцев, видимо, священное дерево, ибо от него произошли такие термины, как названия судилища (мянь хуай, тин сун хуай), высшие чины (сань хуай) и др.

5. «Луне, конечно, не справиться с огнем» — по представлениям древних китайцев, луна была концентрацией водного эфира.

6. Это заключение притчи вошло в поговорку, как отказ от своевременной помощи в беде.

7. Эту народную песню, как и многие другие, конфуцианцы в «Книгу песен» не включили (факт, который служит доказательством классового отбора при составлении свода). Чэн Сюаньин говорит: «Эта песня — из „забытых“, давно снята. При похоронах аристократам вкладывали в рот много жемчуга, за что их и обличала песня. „Зеленая, зеленая“. Тянь Хэн использовал „милосердие и справедливость“, чтобы украсть царство Ци. Конфуцианцы же распевали песни и славили обряды, чтобы грабить могилы. Отсюда видно, что на деяния мудрецов не стоит опираться». Су Юй же опровергает комментарий Чэн Сюаньина, обвиняя учение Чжуанцзы в том, что оно «ведет людей пожирать людей», из-за него де и Тянь Хэн «украл [царство] Ци».

8. Старый Чертополох (Лао Лайцзы) — представлен в различных версиях. В назидательных «Портретах 24 почтительных сынов и дочерей» («Эр ши сы сяо ту») он — почтительный сын в конфуцианском духе. Здесь, по тексту и по комментарию, он выступает философом даосской школы.

9. Этот рассказ см. также у Сыма Цяня («Исторические записки», цз. 128, I, стр. 1172).

10. В некоторых положениях (о правильном и неправильном образе жизни) Чжуанцзы из области философии переходит в область медицины (см. также ниже, фрагмент «Тишиной можно...»).

11. Широкие ворота (Яньмын) — ворота в столице царства Сун.

12. «...Забывают про ловушку» — эти выражения вошли в поговорку, как осуждение неблагодарности в ряду таких, как «Зайца загнали и собаку сварили».

ГЛАВА 27

1. В первом фрагменте главы Чжуанцзы анализирует некоторые основные приемы ораторского искусства, подсчитывая, что притчи в речах занимают до девяноста процентов, а заимствования — до семидесяти. Как всегда, полемически высказывается он о речах «почитаемых», относя их во многом к «праху», и отстаивает право на беспредельное развитие мысли — «речи всегда новые, как [вино] из чарки» <(см. также стр. 319)>.

2. «Фу... чжун...» — меры объема (жалованье выдавалось в зерне).

3. Чэн Сюаньин говорит о постижении закономерностей вещей. Этот даосский термин, видимо, был использован для перевода буддийского понятия «шесть сообщений чувств» (лю жу): «цвета, звуки, запахи, вкус, поверхности и отвлеченные представления», возникающие благодаря «зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию и мысли» (П. Кафаров и П.С. Попов, Китайско-русский словарь, т. 1, стр. 220; толковый словарь «Цы хай», т. II, раздел цзы, стр. 334).

4. Советующий (Цюаньгун) — перевод прозвища дается по комментарию, Сюаня.

ГЛАВА 28

1. Цзычжоу Отец Устоявший (Чжифу), Дядя Устоявший (Чжибо) — комментаторы считают, что Цзы — фамилия, Чжоу — имя, в прозвище же отождествляют «отца» (фу) и «дядю» (бо), принимая их за одного человека, хотя традиционные даты правления Высочайшего и Ограждающего (2357-2258 и 2257-2208) говорят о расстоянии в пятьдесят-сотню лет. См. также «Весна и осень Люя» (цз. 2, VI, 14).

2. Земледелец из Каменных дворов (Шихучжи Нун) — комментаторы пытаются отождествить знак ху — «двор» со знаком хоу — «титул». Но здесь, как и в случае с Санху, прозвище дается, видимо, по профессии.

3. «Муж, отвечающий за сильных работников» («бао ли чжи ши») — значение не вполне ясно, возможно, что он нечто вроде старосты (бао).

4. Великий государь Отец Верный (Давай Дань фу) — один из основных предков племени Чжоу (ср. «Книга песен» — «Тыквы возрастают одна за другой на плетях», III, 1, 3).

5. <О комментарии к этому имени — знаку, не поддающемуся отождествлению, см. Предисловие, прим. 95.> Для подобных изысканий показателен комментарий к рассказу Чжуанцзы — о царском сыне, который убежал от своих будущих подданных, успевших перед тем убить трех царей (286). Этот сюжет — иллюстрация к тезису о героях, которые «не станут затевать драку ради трона». Хотя иероглиф, обозначавший имя царевича, расшифровке не поддавался, толкователи пытались и здесь определить «исторические рамки», отыскав царевича под другими именами. Одни, ссылаясь на «Хуайнаньцзы» (цз. 1, VII, 7), называют его Скрывшимся (И); другие, ссылаясь на «Исторические записки» и «Бамбуковые летописи», — сыном Скрывшегося Недеспотичным (Учжуань). С последними соглашается и комментатор «Весны и осени Люя» (цз. 2, VI, 14). При этом упускается из виду возможность описки даже в одном знаке — в имени царя или в названии царства. Случайная же описка в именах (Прекрасный, Воинственный и др.), встречавшихся: в хрониках любого царства, могла повести к расхождению в датировке на многие века. Такие расхождения приводили к «сомнениям», а значит, и к отрицанию подлинности отдельного фрагмента и даже всего памятника (см. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820-821). По существу же, если хронология в записях речей могла нарушаться для главных персонажей (как в эпизоде с Разбойником), то еще меньше ее соблюдали для лиц эпизодических, какими были цари. В сюжетах притч, привлеченных лишь для иллюстрации философских положений, следовало бы и вовсе отказаться от таких поисков.

6. Чжаоси — возможно Чжаохоу, царь в Хань с 358 по 333 г. до н.э.

7. фрагмент об отказе Яня Врата Бытия (Хэ) служить царю см. также «Весна и осень Люя» (цз. 2, VI, 14-15).

8. Жемчужина суйского царя была, согласно легенде, поднесена царю в благодарность за спасение Священной змеей из богатой жемчугом реки Бу, на которой стояло царство Суй, находившееся на территории современной провинции Хубэй.

9. Светлейший (Чжао), царь Чу в 515-489 гг. до н.э.

10. Мясник, забивающий овец, Рассуждающий (Шо) — в данном фрагменте раскрывается умение простого человека защитить себя и от царского гнева и от царских милостей.

11. Комментарий говорит о «договоре соблюдать закон, принимаемом вместе с народом».

12. Конюший Владеющий Своими Чувствами (Сыма Цзыци) — судя по чину и службе у царя, это лицо не может

отождествляться с встречавшимся ранее героем с тем же прозванием.

13. Три великих мужа (дословно: три знамени, цзин). Комментарии отождествляют цзин с суй — нефритовым скипетром, знаком различия великих мужей (гун), а отсюда и самими мужами. Речь идет, видимо, о тех родах, которые иногда стояли даже выше царей, например в Лу — Мэнсунь: Шусунь, Цзисунь (см. гл. 23, прим. 9, «Изречения», гл. 3, I, 43).

14. Белая марь — *Chenopodium album*.

15. Во фрагменте дана отповедь одного ученика Конфуция (Юань Сяня) другому (Цзыгуну) с даосских позиций.

16. Даосом здесь выведен еще один ученик Конфуция — Цзэнцзы, Но тот факт, что именно его чаще всех и сильнее всех бранил Чжуанцзы, заставляет думать об опiske: здесь возможно было другое имя.

17. Простолудин, или человек, отказавшийся от службы, от аристократического звания.

18. Данные формулировки позволяют предположить существование в древнем Китае обычая объявлять кого-нибудь вне закона.

19. На южном берегу Ин скитался Никого не Стесняющий; на горе Гун — Гун Бо, который был регентом во время междоусобицы — после изгнания Ливана (841 г.) и до воцарения Сюаньвана (827 г. до н.э.), когда четырнадцать лет длилась страшная засуха, «Возвысили его — не радовался, сняли его — не огорчился» (см. комментарии к «Бамбуковым летописям», годы правления Ливана).

20. Северянин не Допускающий Выбора (Бэйжэнь Уцзэ) — несмотря на одинаковое с Тянь Цзыфаном прозвище <(ср. стр. 239)>, не может быть с ним отождествлен, ибо отнесен к значительно более раннему времени.

21. Вспыльчивый (Бянь) Суй — персонаж, по-видимому, аллегорический.

22. Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 20, VI. 119-120).

23. На этом предложении Ровный и Равный основывают следующую далее, инвективу, обвиняя царя Воинственного и Чжоу гуна в целом ряде преступлений: в привлечении сторонников путем подкупа; в несвоевременном принесении; жертвы ради клятвы с союзниками, которым они не доверяют, и, наконец, в главном — заговоре против старшего, иньского царя.

ГЛАВА 29

1. Ци Под Ивой — легендарный судья (ок. VII в. до н.э.). Чжуанцзы намеренно сводит вместе его и Конфуция (VI-V вв.), усиливая полемичность тем, что Разбойник Чжи — родной брат судьи. <См. Предисловие, стр. 24. Родство с Чжи Чжуанцзы придает ему для антитезы: разбойник судье — родной брат.>

2. Народное поверье: печень врага придает победителю смелость и отвагу.

3. Одно из главных обвинений против власть имущих — в паразитизме, которое Разбойник добавляет к обычным у даосов в своей развернутой инвективе; против Конфуция.

4. «Род, Владеющих гнездами» (Ючао) — впоследствии это название стали относить к одному человеку — предку.

5. Пересказывая устами Разбойника даосское понимание развития человеческого общества, Чжуанцзы добавляет к нему и новые черты (например, предание о матриархате).

6. Красный Злодей (Чи Ю) — миф о нем представлен в вариантах: от чудовища до первого изобретателя металлического оружия и первого «бунтовщика».

7. Бао Цзяо (Баоцзы), Цзе Цзытуй, Вэй Шэн — устами Разбойника Чжуанцзы осуждает всех этих героев, которые покончили с собой.

8. Здесь Разбойник пересказывает тезисы Ян Чжу <(ср. стр. 107)>.

9. Выгода Любой Ценой (Мань Гоудэ) — характеристика данного персонажа дана в прозвище, подтверждаемом его речью.

10. Термины, обозначавшие отношения в семье и обществе. Комментаторы указывают на расхождения в их трактовке в различных памятниках.

11. Ван Цзи — отец царя Прекрасного был младшим сыном и когда ему был передан престол, его старшие братья были вынуждены бежать. В этом, как и других героях фрагмента Чжуанцзы обличает конфуцианцев: они возводят в число «праведных царей» нарушителей утверждаемых ими же обычаев.

12. Свободный от Условностей (Уюэ) — беспристрастный судья, философ даосской школы.

13. По Конфуцию, сын и отец обязаны покрывать друг друга (см. «Изречения», гл. 13, I, 291).

14. Шэньцзы (Шэньшэя) — наследник цзиньского царя Сяньгуна (правил с 677 по 652 г. до н.э.), покончил с собой, не сумев оправдаться от обвинения в покушении на жизнь своего отца, на самом деле подстроенного царской наложницей (мачехой).

15. Чэн Сюаньин сообщает, что Конфуций не остался со своей матерью перед ее кончиной, приняв, вопреки обычаю, приглашение на службу.

16. Куан Чжан (Куанцзы) не встречался с отцом — герой, безуспешно пытавшийся наставить своего отца упреками. См. «Мэнцзы», гл. 4 (2), I, 352-354.

17. Довольный (Чжихэ) — дословно «познавший гармонию» — как противоположность другому герою Недовольному (Уцзу). Диалог направлен против стяжательства — погони за богатством и славой (властью) с точки зрения Ян Чжу.

ГЛАВА 30

1. Царь Чжао Прекрасный (Вэнь ван) — некоторые комментаторы, а за ними и синологи (см. J. Legge, vol. XXXIX, p. 186) отождествляют этого царя с Милостиво прекрасным (Хой вэнь ваном), правившим в Чжао с 298 по 266 г. до н.э., за современника которого и принимают Чжуанцзы. Такая датировка производится вопреки данным Сыма Цяня, а также вопреки тому, что этот эпизод отнесен в «Чжуанцзы» к прошлому («когда-то» — си), что упоминание о нем, как и о наследнике Печальном (Куйе), отсутствует в «Исторических записках» Сыма Цяня и, наконец, что с 265 г. правил сын Хойвана, но не Куй, а Дань. Главная же цель Чжуанцзы — не составление хроники, а обличение непрестанных войн между царями. Единственная черта характера, интересовавшая здесь философа, — увлечение фехтованием как порок, общий для царей. Поскольку же имя Прекрасный встречалось почти во всех царствах, начиная с XII в. до н.э., то Чжуанцзы мог назвать именно Чжао, где такого еще не было (для одного знака — царства, нетрудно также допустить и возможность описки).

2. От Ласточкина Потока (Яньци) до Каменной стены (Шичэн) — название местностей в древнем царстве Янь, недалеко от современного Пекина. В ряде географических названий Чжуанцзы мастерски рисует всю Поднебесную как мечту царя-гегемона, т.е. главы союза царей.

3. Гора Преемства (Дайшань)... гора Вечности (Чаншань) — две из пяти священных гор древнего Китая, восточная и северная.

4. Меч во время суда в древности, по-видимому, играл важную роль. Свидетельства об этом сохранились также в таких терминах, как «речи меча», «пять мечей» — синоним «пяти [всех] наказаний».

5. Удерживают весну и лето — комментатор говорит о задержании этих времен года, от которых зависит плодородие, что помогает расшифровать некоторые весенние (новогодние) обряды.

6. Вершат дела осенью и зимой — комментарий говорит об этих временах года как суровых, которые следует пресекать; но возможно, что «дела» здесь означают охоту и войну, для которых отводились эти сезоны.

7. [Все] три [рода] светил — первые два: солнце и луна, к «третьему» же относились звезды и планеты.

8. В одежде гостя (бинь) — свидетельства о видах одежды и их значении сохранились в одной из речей X в. до н.э.: «В одеждах дань являлись на жертвоприношения каждый день; в одеждах хоу — раз в месяц, в одеждах бинь — к жертвам времен года, в одеждах яо — к годовым жертвам, в одеждах хуан — к [кончине] вана». («Хрестоматия по истории Древнего Востока», М., стр. 452). Во всех этих одеждах (кроме хуан), являлись близкие и далекие; родичи, ибо общие жертвоприношения (ежедневные — отцу, ежемесячные — деду, времен года — родоначальникам, годовые — небу и земле) свидетельствовали о кровнородственной связи.

ГЛАВА 31

1. <Рыболов — см. Предисловие, прим. 96.> Рыболов — безымянный старец, встречающийся в «Чжуанцзы» с Конфуцием (ум. в 479 г.), отождествляется с сановником Вэнь Чжуном (скитавшимся после 473 г.), а также с Рыболовом, с которым беседовал Цюй Юань (ок. 340-278). Сопоставление этих дат уже доказывает «точность» подобных домыслов о фольклорном старце, устами которого глаголет народная мудрость у Чжуанцзы и Цюй Юаня (см. «Отец-рыбак» в кн. В.М. Алексеев, Китайская классическая проза). Даты здесь и ниже приводятся по Юн Мэньюань, Хронология истории Китая, Пекин, 1956.

2. Черный полог (Цзывэй) — роща вблизи столицы царства Лу, в которой, по преданию, Конфуций занимался со своими учениками.

3. Выступление против конфуцианской регламентации похоронных, брачных и других обрядов.

ГЛАВА 32

1. Педант (Хуань) — персонаж аллегорический.

2. Род Одетых в Меха (Цюши) — по комментарию, меховая одежда была принята у конфуцианцев.

3. Могильные деревья, по представлениям древних китайцев, могли свидетельствовать о правоте похороненного под ними человека.

4. Чжу Легкомысленный (Пинмань), Урод Полезный (Чжили И) — персонажи аллегорические. Перевод «чжили» как прозвища ранее основан на комментарии: «человек [у которого] тело не целое» (см. стр. 155); но здесь тот же Сыма пишет: «Чжу Пинмань и Чжили И — имена и фамилии людей».

5. Об атеистическом значении фрагмента говорит комментатор Сюань: «Драконов не было...».

6. Цао Торгаш (Шан) — персонаж аллегорический.

7. Данный фрагмент — одно из ярких выступлений Чжуанцзы против власть имущих и тех, кто им служит.

8. Под металлом подразумевались такие орудия пытки, как нож, пила, топор, секира; под деревом — палки и батоги, колодки ножные и ручные.

9. Покойный Отец Правильный (Чжэн Каофу) — по комментарию, предок Конфуция в десятом колене. Хвала в его честь, хотя и похожая на пародию, оказалась в данном памятнике, конечно, случайно.

10. Яркое атеистическое выступление Чжуанцзы против бессмертия души, которое утверждалось культом предков с его пышной похоронной обрядностью и магическим значением могилы.

ГЛАВА 33

1. «Мужи в Цзоу и Лу»: Цзоу (родина Мэнцзы, находилась на территории современной провинции Шаньдуи) и Лу (родина Конфуция) — царства, в которых господствовало конфуцианство.

2. Перечисленные выше названия (Сяньчи, Да Чжан, Да Шао, Да Ся, Да Ху, Би Юн) в основном соответствуют названиям танцев, которым «обучал юношей» Ведающий музыкой при Весеннем начальнике (см. «Обряды Чжоу», цз. 6, стр. 145-147). Сами произведения, за исключением «Воителя», не вошли в свод «Книга песен» и не сохранились, поэтому перевод названий — без знакомства с содержанием, лишь приблизительный. Они были синкретичными, как все древнее искусство, поэтому придавать им этическое содержание, как это делают комментарии и толковые словари, нет оснований. С помощью древнейших пластов в значении слов в этих

названиях можно раскрыть заклинания (солнца, лета, воды), фиксацию раннего обычного права и одного из событий — победы чжоусцев над иньцами.

3. Вариант «реках» — более вероятен по контексту, а также по совпадению с памятником «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 126.

4. «Стерлись волосы на икрах и пушок на голени» — это высказывание — пример полемики: характеристика героя мифа о покорении потопа Молодого Дракона становится для даосов традиционной насмешкой над «царскими помощниками», а для конфуцианцев — инвективой по адресу «еретиков». <О полемическом значении данной характеристики см. Предисловие, стр. 23-24, прим. 92.>

5. О последователях Мо-цзы не сложилось единого мнения: Гу Ху и Цзи Чи упоминаются лишь здесь; Дэнлин именуется также Сянлин; в «Ханьфэйцзы» (цз. 19, V, 351) называются три школы: Сянли, Сяньфу (или Бофу) и Дэнлина. Подробнее см. Ян Хин-шун, Теория познания моистов, — «Вопросы философии», 1956, № 1, стр. 130.

6. «Основу» (цзин) здесь нельзя перевести как «книгу» или «канон», ибо он тогда еще не был записан, в известный же ныне памятник «Моцзы» вошли и высказывания его последователей.

7. В этой формуле моистов выражались свойства вещей.

8. Основные категории логики, разрабатывавшиеся монетами.

9. Так, по-видимому, выражалось соотношение единичного и всеобщего, видового и родового в логике моистов.

10. Сун Цзянь и Инь Вэнь считаются сторонниками школы логиков-софистов (минцзя). Их деятельность соединяется с академией в царстве Ци — Цзися.

11. По комментариям, — ровная, плоская шапка, как священная Хуа-гора.

12. Пэн Мэн, Тянь Пянь, Шэнь Дао, по комментарию Чэн Сюаньина — отшельники из Ци, деятельность которых связана с академией Цзися.

13. О данном атеистическом тезисе см. также «Лецзы», гл. 1, прим. 25.

14. В характеристиках Шэнь Дао и Лецзы, возможно, есть нечто общее (см. Предисловие, стр. 33-34, «Лецзы», гл. 2, прим. 8).

15. В данной речи цитируются отдельные положения из «Дао дэ цина» (§28, 22 и др.).

16. Записи речей Хойцзы не сохранились.

17. Речь идет, видимо, о мельчайших семенах. «Небо... низкое, горы... ровные» — взятые в сумме с «землей», с «болотами»; «Солнце в зените... в закате» — в зависимости от места, занимаемого наблюдателем; «Рождение вещи... ее смерть» — каждая новая форма материи является рождением и смертью ее предшествующей формы; «Направился сегодня... а пришел... вчера» — мысль предшествовала действию; «Соединенные кольца можно разнять» — мысленно; «Я знаю, [где] центр Поднебесной...» — за центр можно принять любой пункт: и к северу от северного царства Янь, и к югу от южного царства Юэ; «[Тот, кто] любовью охватывает [всю] тьму вещей, [составляет] единое целое с природой» — для такого небо с землей не слишком велики, собственное «я» не слишком мало.

18. «Такими изречениями...» — из цитат в «Чжуанцзы» видно, что Творящий Благо, в общем, разделял материалистическое понимание природы и сближался с даосской школой в своем интересе к объективному миру, к диалектике. Однако уже диалог «радость рыбы» (стр. 221) показывал, что Творящий Благо приходил к релятивистским выводам, доводил диалектику до абсурда.

19. «Подобных [софизмов]» — в «Чжуанцзы» критиковался Творящий Благо, а особенно его последователи софисты за игру в понятия, за субъективное их толкование. К этим софизмам комментаторы дают следующие пояснения: «В яйце есть перья — иначе их не было бы и у птицы; Третья нога у курицы — способность или желание ходить; Город Ин — столица Чу, здесь намек на самовозвеличение чуского царя; Названия «пес» и «баран» даны людьми, поэтому могли бы поменяться местами; Яйцом у лошади можно назвать утробу, в которой

вынашивается жеребенок; Хвост у лягушки (т.е. головастика) пропадает с первым ударом грома и сразу появляются лапки; «Огонь не горячий», ибо люди едят приготовленную на огне пищу; Рот у горы — ущелье, передающее эхо; Если бы колесо давило на землю, то не могло бы вращаться; «Глаза не видят», иначе они видели бы самих себя; «Вещи неисчерпаемы» — вариант см. «Лецзы», 82; комментаторы видят здесь описку; «Черепаша длиннее змеи» — здесь обыгрывается относительность пространства; «Наугольник...» — по Сюаню; существуют квадраты и без наугольника, круги и без циркуля; по Сыма: сам наугольник не квадратный, сам циркуль не круглый; «Паз не окружает...», по Сюаню: «Клин сам входит в паз»; «Тень летящей птицы не движется» — она изменяется; Движение и покой стрелы зависят от человека; «Кобель не пес» — здесь обыгрываются сущность и название: если название различно, значит и сущность различна; «Гнедой конь», «вороной бык» — отличий в цветах два, третье отличие — в телесной форме; «Белый пес черен» — цвета белый и черный обозначены человеком, поэтому белое могло стать черным; «У жеребенка-сироты никогда не было матери» — понятие «сирота» снимает понятие «мать»; «Если ежедневно делить пополам палку...» — если предмет поддается делению, то деление его на два возможно до бесконечности.

20. Хуань Туань относится к логикам-софистам.

21. Высшим благом сам Творящий Благо считал объяснение народу естественных законов, отмечает комментатор Чэн Сюаньин после ответа философа, на вопрос о причинах возникновения ветра, дождя, грома и других явлений природы. В этом Творящий Благо, видимо, был близок к древним софистам. Греции — учителям «мудрости», которые стояли на стороне рабовладельческой демократии и ставили своей задачей широкое распространение знаний и обучение красноречию.

22. «Чудак... Хуан Связанный» (Ляо) — персонаж аллегорический.